

№ 712
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

Славян

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
• ВЕДЕНИЕ

2012

«НАУКА»

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

4
2012
ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Неменский О.Б.</i> (Москва). «Право народа» в православной мысли Речи Посполитой конца XVI – первой половины XVII века	3
<i>Степанов Д.Ю.</i> (Москва). «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50–60-е годы XVII века	12
<i>Софронова Л.А.</i> (Москва). «Записки» Яна Хризостома Пасека: Дневник. Роман. Энциклопедия.....	22
<i>Сератионова Е.П.</i> (Москва). Чешско-русская Еднота	32

СООБЩЕНИЯ

<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). Советские спецслужбы в венгерских событиях 1956 года. Размышления над книгой.....	42
--	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Белов М.В.</i> (Нижний Новгород). «Службное» славяноведение в России первой половины XIX века	53
<i>Марьина В.В.</i> (Москва). Осколки памяти: встречи со словацкими и чешскими историками	69

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Борисова С.А.</i> Т. Hodana. Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów – obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI – połowy XVII stulecia).....	85
<i>Хаванова О.В.</i> G. Pálffy. The Kingdom of Hungary and the Habsburg Monarchy in the Sixteenth Century	90
<i>Ямбаев М.Л.</i> М. Талалай. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии	93
<i>Дулбова И.</i> Florilegium in honorem Alexandri Isačenko. Ad iubilaeum centenarium oblatum	95
<i>Акимова О.А.</i> Croatologija. God. 1. Br. 1.	97
<i>Большакова О.В.</i> East and West: History and contemporary state of Eastern studies	100

<i>Орехов А.М.</i> Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.)	103
<i>Колупаев В.Е.</i> М.С. Николова. Русская книга в Болгарии (1878–1912)	106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Герчикова И.А.</i> Имагологические исследования за рубежом.....	107
<i>Глушковский П., Мягков Г.П., Циунчук Р.А.</i> Polonia в Казани и в Волго-Уралье: проблемы изучения	112

ЮБИЛЕИ

К юбилею Валентины Владимировны Марьиной	116
<i>Чирков С.В.</i> К юбилею Сигурда Оттовича Шмидта	118

НЕКРОЛОГИ

<i>Турилов А.А.</i> Памяти Ольги Александровны Князевской (1920–2011)	121
<i>Турилов А.А.</i> Памяти Риккардо Пиккио (1923–2011)	123

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА, В.А. ХОРЕВ

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2012 г.
 © Редколлегия журнала «Славяноведение»
 (составитель), 2012 г.

© 2012 г. О. Б. НЕМЕНСКИЙ

«ПРАВА НАРОДА» В ПРАВОСЛАВНОЙ МЫСЛИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Статья посвящена концепту «прав народа русского» в сочинениях православных писателей, написанных после Брестской церковной унии, для которых характерно оригинальное совмещение восточнославянской православной культуры с западным наследием правовой мысли. В первую очередь это касается такого понятия, как «права народа», а также представления о договорном характере образования государства. Особое внимание в статье уделяется сочинениям Мелетия Смотрицкого, в которых новая правовая концепция получила наибольшую разработку.

The article is devoted to the concept of «the rights of the russian people» in the treatises of Orthodox writers, who worked after the Church Union of Brest (1596) and therefore originally combined East-Slavic Orthodox culture with the Western heritage of legal thought. First and foremost, it concerns such a specific concept as «the rights of people» and the idea of contractual nature of the state. Particular attention is paid to the works of Meletius Smotrytsky, in which the new legal concept was developed in detail.

Ключевые слова: западнорусская полемическая литература, конфессиональное самосознание, этническая идентичность, Брестская церковная уния, Речь Посполитая, «права народов».

Речь Посполитая конца XVI – первой половины XVII в. представляла собой уникальное образование, любое описание государственно-правовой системы которого неизбежно будет спорным. Называясь «республикой двух народов» (т.е. шляхты Короны Польской и Великого княжества Литовского), она включала в себя значительную часть православного населения, правовой статус которого был предметом разногласий и поводом для конфликтов на протяжении всей истории этого государства. В этом плане представляют особый интерес те правовые и обосновывающие их исторические концепции, которые выдвигала сама православная общественность. В них причудливым образом совмещались традиции восточнославянской православной культуры с западным наследием правовой мысли и своеобразной польской практикой. Возможно, именно этой уникальной ситуацией объясняется появление в западнорусской культурной среде концепций и понятий, которым трудно найти прямое соответствие и в восточнохристианской, и в западной мысли того времени.

В первую очередь это касается такого понятия, как «права народа», а также представления о договорном характере образования государства. Обе концепции прошли многолетний путь созревания и являлись реакцией на такие события второй половины XVI в., как Люблинская (1569) и Брестская (1596) унии. Обе унии

Неменский Олег Борисович – научный сотрудник Института славяноведения РАН.

представляли заметную опасность для правового положения западнорусского населения, а потому вызывали потребность защиты своих «старых прав». В Речи Посполитой во многом утвердилась польская правовая культура. Сословная система, юридическая закреплённость различных «прав и свобод», как и бесчисленные судебные тяжбы по тем или иным поводам вошли в правосознание и стали почти обыденным делом для довольно большой части общества. Однако значительная степень культурного своеобразия православных, как и их особое положение в созданном в 1569 г. государстве, обернулась появлением особой правовой субкультуры, которая – возможно – не вполне вписывалась в закреплённые законами реалии.

Само понятие «права народов» было унаследовано Средневековьем вместе с римским правом, однако его значение существенно изменилось. В античное время под «*ius gentium*» понимались правовые нормы, заимствованные у покорённых и союзных народов и применявшиеся в сфере контактов с ними. Наличие у разных народов Римской империи своих правовых норм проявлялось в признании в общей римской правовой системе тех или иных особых прав за конкретными народами. Впрочем, уже в позднеантичное время «*ius gentium*» стало иногда трактоваться в расширенном смысле – как общее право взаимоотношения народов, выходя тем самым из системы положительного права и сближаясь с «*ius naturale*». В Средние века этот подход господствовал, «право народов» стало пониматься как естественное право всех народов и потому рассматривалось как универсальное. Этому, конечно, давалось уже христианское, богословское обоснование. Уже у Юстиниана «*ius naturale*» отождествлено с «божественным правом» («*ius divine*»), ведь все «натуральное право» происходит от Бога. Соответственно утверждалось наличие дарованных Богом прав людей по одной их природе, независимо от их религии и положения. При этом «право народов» в Средние века имело применение главным образом в сфере обоснований справедливости военных действий.

Весьма оригинальную теорию «права народов» разработали представители краковской правовой школы начала XV в., в первую очередь Станислав из Скарбимежа и Павел Влодковиц. Их сочинения появились в связи с военным конфликтом между Польшей и Тевтонским орденом – требовалось защитить право Польши противостоять Ордену и привлечь для этого военную помощь православных и язычников. Таким образом, опять же, понятие о «праве народов» в польской традиции разрабатывалось в рамках теории справедливой войны (см. [1–3]). Павел Влодковиц делил человеческие сообщества на «натуральные» (народы, города, деревни и др.) и «искусственные» (ордена, братства, цехи и т.д.). Первые и были защищены «натуральным правом». Польский учёный утверждал, что право на обладание государственностью имеют не только христиане, но и язычники и еретики, что основано на «натуральном праве». А из этого исходило и их право на самозащиту.

Понятие «права народов», как и рассуждения о справедливости войн, прочно вошли в польскую юридическую мысль и публицистику, так что были знакомы образованному обществу Речи Посполитой, в том числе и православному. Правда, трактовка этого права позже была значительно изменена. В актуальную для нас эпоху о справедливых войнах больше всего писали Себастьян Петриций и Петр Скарга. Однако «право народов» по-прежнему рассматривалось как «натуральное право». Только западная правовая мысль середины – второй половины XVII в., уже после Гуго Гроция, стала определённо разделять естественное и позитивное право народов.

В православной мысли начала XVII в. понятие «права народа» стало актуальным в связи с государственной политикой эпохи Контрреформации, направленной против православного вероисповедания. Настоящим вызовом, расколовшим восточнославянское население, стала Брестская церковная уния, не принятая боль-

шей частью православного общества, но поставившая православное вероисповедание в нелегальное положение. Сразу вслед за ней появилось немало текстов различного характера, обосновывающих незаконность этой унии и требовавших сохранения прав традиционного православия, его церковной организации и его приверженцев различных сословий. Дискуссии и православно-униатская полемика по этому поводу развернулись и в судах, и в сеймах различных уровней, и на страницах специальных полемических произведений. Споры шли и вокруг интерпретаций отдельных правовых актов, и по поводу различных прочтений тех или иных исторических событий.

На деле важнейшим вопросом было определение субъекта ущемленного права. В первую очередь это была сама православная церковь, а также православные представители шляхетского и мещанского сословий. В конечном счете и сословные права сводились к церковным, ведь в более широком смысле речь шла о пастве православной церкви. Нередко в текстах того времени говорится о правах «религии греческой», «веры греческой» как определения для совокупности православных жителей государства. Разрабатывалась история «прав греческой веры», идущих еще со старых времен «русских князей», но гарантированных и польскими королями. В Протестации 1596 г. князь Константин Острожский, заступаясь за права православных, выступал от лица православной шляхты. Он просил короля, «чтобы его королевская милость таких духовных, праву нашему противных, чтобы мы их терпели не соизволил допустить, согласно правам нашим по привилегиям и конфедерациям, данным нам от предков его королевской милости и самим его королевской милостью нам подтвержденных, сохранить соизволил»¹. Уже в «Апокрисисе»² 1597 г. говорится о «праве писаном», которое «когда бы подробно привести надлежало, пришлось бы бесчисленное количество привилеев и писем тут вписать, которыми часто, а особенно при закладке церкви и при пожаловании имений русскими князьями, а потом и королями польскими, дела князей подтверждавшими, вольность и постоянство религии греческой общеизвестно утверждена была»³. Автор «Перестороги» (1600) описывает, как Стефан Баторий «узнав от своих канцлеров, что предки его веру греческую в странах своей короны, наравне с римской, в свободах и властных правах их, в границах своей духовной власти оставляют, и это присягою подтверждали и защищали, тоже дал на то свой привилей» – и, подчеркивается, что сделал он это «согласно со старыми правами»⁴.

Однако уже тогда, на самых ранних этапах православно-униатской полемики, возникла потребность более общего определения субъекта порушенных Брестской унией прав. Само понятие «народа» в языке того времени имело сложное значение. С одной стороны, была традиция старого русского употребления этого слова; с другой, все больше входило в жизнь узкословное понятие о «народе» как о шляхте, имевшее свое обоснование в мифологии культуры польского «сарматизма». По выражению Я. Тазбира, «в XVII веке произошла *sui generis* диссоциация понятий “поляков” и “польского народа”» [7. S. 41]. Показательно, что

¹ «Aby Jego Krolewska Mość takowych duchownych, prawu naszemu przeciwnych, cierpieć dopuścić nam nie raczył, wedle praw naszych uprzywilejowanych i konfederacyey, o tem uczynioney od przodkow Jego Krol. Mci i od Jego Krol. Mci samego nam poprzysiężonych, zachować raczył» [4. С. 533].

² Вопрос авторства этого важнейшего для православной полемики произведения представляется здесь мало значимым: оно писалось от лица православных и было принято православной общественностью как авторитетное, а, соответственно, адекватно выражающее ее позиции.

³ «Кгдыбы ся достатечне перекладати мѣло, пришло бы незличоную речь привилеев и листов тут вписати, которыми частокрот, а особливе при фундованью яких церквий и при надаванью до них добр через княжата Русскии, а потом через король Польскии справы княжат потвержанючи, – вольность и трвалость релгии Греческой знаменитее есть утвержена» [5. Стб. 1070].

⁴ «Увѣдавши король от своих канцлеров, же продкове его вѣру Грещкую у панствах коронных, ровне яко и Римскую, при вольностях и при зверхностях их, в своих границах духовноѣ влады зоставуют, и то присягою потвержают и правами остерегают, – дал теж привилей свой» [6. Стб. 207].

даже польские мещанские писатели того времени «под “польским народом” понимали – согласно реалиям той эпохи – главным образом “рыцарское сословие”» [8. С. 159]. Такое словоупотребление так же оказалось вызовом для православной мысли, которой были свойственны совсем другие понятия о «народе». Исследование полемических текстов тех лет довольно определенно показывает глубокое отождествление понятия о «русском народе» со всей совокупностью прихожан православной церкви в Речи Посполитой независимо от их сословной принадлежности (см. [9]).

Так, автор «Апокрисиса», говоря про свою сторону «мы, греческой религии люди» [5. Стб. 1332]⁵, подчеркивает: «Нам и право, и конфедерации, и привилеи, и обычаи, и другие основания вольности веры имеющим»⁶. При этом он заявляет, что «с плачем просим, чтобы, согласно привилеям, народу русскому и литовскому данным, духовных властей религии греческой не прижимал»⁷. При желании здесь можно увидеть употребление слова «народ» в значении «шляхетского народа», от лица которого выступает автор, однако другие православные тексты указывают на преимущественно несословный характер такого словоупотребления. Интересно, что мещанский автор «Перестороги», вероятно, чтобы обойти двусмысленность этого слова, даже вводит такое понятие как «республика народа русского», уточняя, что она включает в себя «от высших аж до низших сословий»⁸.

Новый этап православной полемики, связанный с фактом нелегального посвящения в 1620 г. иерусалимским патриархом Феофаном новой православной иерархии в Речи Посполитой, предлагает уже довольно цельные концепции, представляющие правовое положение православных в стране. Теперь православные авторы не ограничиваются доказательствами, что «благодаря Св. Духу имеем посвященных митрополита и епископов таких, каких фундации, права, привилегии и вольности наши, а значит и святая старина наша, [...] и каковых нам святой памяти монархи князья русские и литовские, а после них и наияснейшие короли польские, а потом и современный король его милость уже более десяти лет своего счастливого правления соизволили допускать, подавать и терпеть»⁹. Теперь права православных определяются не только пожалованными князьями и королями правами и привилегиями, но и особым положением в Речи Посполитой самого «народа русского». Б.Н. Флоря считает возможным говорить о разработке православными публицистами того времени исторической концепции, в основе которой лежало «представление о создании Польско-Литовского государства в результате добровольного соглашения трех народов – “польского”, “литовского” и “русского”» [11. С. 75]. Эта концепция читается сразу в нескольких произведениях, написанных в начале 1620-х годов.

Так, в «Протестации» новопоставленного митрополита Иова Борецкого 1621 г., в которой речь идет от имени «народа нашего русского», подчеркивается, что «мы посредством пактов и присяг к Короне присоединились» (теперь же «терпим насилие, жестокость и притеснения за веру»)¹⁰, т.е. обоснование прав идет уже не

⁵ Такая формула в тексте встречается часто. Есть также: «Нас, старожитной вѣры Греческой людеи» [5. Стб. 1792], «мы, Греческой релѣи шляхтичи» [5. Стб. 1294] и др.

⁶ «Нам, и право, и конфедерации, и привилля, и звычайи, и иншии фундамента волности набоженства маючим» [5. Стб. 1788].

⁷ «С плачем просимо, абы, ведлуг привилеов, народов Рускому и Литовскому наданых, урядов духовных релѣи Греческой не затлумял» [5. Стб. 1292].

⁸ «Рѣч посполитая народу Руского», «от больших аж до меньших станов» [6. Стб. 220–221].

⁹ «Za sprawą Ducha S. mamy poświęconych mitropolita y Episkopow takich, iakich fundacye, prawa, przywileja y wolności nasze, więc y święta starożytność nasza ... y iakowych nam świętey pamięci Monarchowie Xięzenta Ruscy, y Litewscy, a po nich Naiasniejsze Krolowie Polscy, więc y terazniejszy Krol Jego M. przez lat dziesięc y nad to za szczęśliwego panowania raczyli dopuszczac, podawac y cierpiec» [10. С. 145].

¹⁰ «Narodu naszego Ruskiego», «my przez pacta y przysięgi do Koronychmy się przyłączyli», «cierpiemy gwałt, wiolencją y vciski dla wiary» [10. С. 147].

только через наследие княжеских и королевских пожалований, но и через сам факт присоединения к Короне на договорных началах – «по пактам и присягам». А субъектом такого договора выступает «русский народ».

Более подробно эта тема раскрывается в сочинении «Палинодия» Захарии Копыстенского (1619–1623). В нем описывается, как «русские князья добровольно, по определенным пактам, к королевству польскому присоединились», однако особо автор подчеркивает то, что при этом князья «в первую очередь гарантировали себе веру и свое богослужение и церкви в целости и в безопасности сохранять»¹¹. То же обстоятельство выделяется им и при описании завоевания Казимиром Великим Львовской земли. Копыстенский подчеркивает установленное тогда равенство поляков и русских в правах и вольностях, утверждая, что уже тогда «король постановил и сопоставил, чтобы русские одним с поляками правом и одними вольностями пользовались» [12. Стб. 1026]. В связи с подписанием Люблинской унии, «русские наперед гарантировали себе права на веру и на церкви, а короли на своих коронациях права и различные привилегии от князей русских, разным сословиям служащих, приняли, и присягами подтвердили, и письменно в статутах и конституциях об этом объявили»¹². Люблинскую унию Копыстенский трактует как равноправное объединение: «В 1569 году, на сейме в Люблине, княжество Литовское и Киев и Волынь с королевством Польским объединились, чтобы быть едины, и одних вольностей и свобод употреблять, и равно повинности нести, и оборону и производство всякое вместе осуществлять, и одного короля себе избирать, один другого права и вольности оберегая»¹³. И все же здесь еще нигде нет формулировки «права народа русского».

Основной субъект порушенного права для Копыстенского – это Константинопольская патриархия. Он называет Россию патриаршим имением и отождествляет борьбу Рима с Константинополем за Западную Русь с земельной тяжбой, указывая на его неправомерность со стороны Рима. Именно для обоснования прав Константинополя на русские земли Копыстенский развил обширное правовое доказательство: приводятся по очереди права «божественные», «канонные» (т.е. «право соборов вселенских»), «царское и княжеское» (для чего описывается история крещения Руси), королевское (инкорпорация «по условиям определенных пактов»), а также право «употребления и обладания» (т.е. по обычаю, по обыкновенному пользованию)¹⁴. Сам русский народ¹⁵ здесь еще не выступает как правообладатель.

Завершенный вид новая правовая концепция приобретает у Мелетия Смотрицкого. Примечательно, что еще в раннем его сочинении, «Треносе» (1610), мы не находим ни «прав народа русского», ни концепции добровольного объединения трех народов в Речь Посполитую. Но все это составляет важнейшее идейное наполнение православной полемики начала 1620-х годов. Особенностью полемических сочинений М. Смотрицкого этого времени было именно господство в них правовой тематики, отведшей в тень богословские споры. Здесь еще нередко встречаются более старые формулы: «права страны нашей русской»¹⁶, «права ду-

¹¹ «Ся России князе добровольне за певными пактами до кролевства Полского прилучали», «в гловах варуючи собе веру и свое набоженство и церкви в целости и во вшеляком беспеченстве заживати», «король постановил и поровнил, абы Россове одного с Ляхами права и волности заживали», [12. Стб. 1110].

¹² «Теды Россове продком варовали собе права о веру и о церкви, а кролеве на своих коронациях права и привелея вшелкии князей Росских якому колвек станови служащиеи приняли, и присягами ствердили, и писмом в статутах и конституциях то осведчили» [12. Стб. 1075].

¹³ «В року 1569, на сейме в Люблине, князство Литовское и Киев и Волынь з королевством Полским зъедночилися заедно быти, и едных волностей и свободы заживати, и заровно тяжары поносити, и оборону и промысл вшелякий взаем чинити, и одного кроля собе обирати, один другого прав и волностей перестерегаючи» [12. Стб. 1042].

¹⁴ «Уживаня и держанья» [12. Стб. 1071–1078].

¹⁵ «Народ российский», как он обыкновенно называется в «Палинодии».

¹⁶ «Prawa krajny naszey Ruskiey» [13. С. 312].

ховные и светские, по которым отчизна наша управляется и устраивается»¹⁷, «религия греческая, которая издавна имеет свои права»¹⁸, «духовные права греческой религии»¹⁹ и т.д. Однако на первом месте оказывается формулировка «права духовные и светские, свободы и привилегии [...] народу нашему русскому в вере его людям религии греческой служащие»²⁰, «права и свободы и привилегии народу нашему русскому старинной религии греческой данных»²¹.

Эти права народа видятся единым комплексом с правами церковными: «Права церковные, а при них права, свободы и вольности народа нашего русского»²², униаты поступают «не по праву народа и церкви русской»²³. При проведении жесткого разделения прав на «духовные» и «светские», последние ставятся в прямую зависимость от первых: «За отменой религии и права наши должны бы быть отменены»²⁴. Такая увязка прав естественна при общем отождествлении этнической и церковно-конфессиональной характеристик, свойственной для православной мысли. Нередко у Смотрицкого понятия «русский народ» и «люди греческой религии» используются как взаимозаменяемые (подробнее об этом см. [17]). Например: «Ибо где хоть одно право, хоть одна конституция, хоть один привилей, который бы народу русскому для западного послушания и для защиты у нас религии римской служил бы? Ни одного, но все служат людям религии греческой послушания восточного»²⁵.

Смотрицкий даже вводит понятие «особы всего русского народа» как субъекта правовых отношений: «Особа всего народа русского, которому королем его милостью, господином нашим милостивым, это обещание дано»²⁶. И история инкорпорации русского народа в Польско-Литовское государство описывается как полностью гарантирующая его права и вольности: «Ибо с правами, с обычаями нашими, как светскими, так и особенно духовными, русский народ их милость короли польские в Корону и Великое княжество Литовское инкорпорировали»²⁷. Здесь уже русский народ выступает как субъект права, а не князья русские, как у З. Копыстенского: это «уния народа русского с королевством Польским»²⁸. Речь Посполитая является союзом трех равноправных и свободных народов²⁹: «С такой вольностью с вольными польским и литовским народами русский народ

¹⁷ «Praw y duchownych y świeckich, ktoremi się oyczyzna nasza rządzi y sprawuie» [13. C. 301].

¹⁸ «Relligia Graecką, która zdawna ma swoje prawa» [13. C. 383].

¹⁹ «Prawa duchowne religiiy Graeckiey» [13. C. 393].

²⁰ «Prawa duchowne y świeckie, swiebody y przywilegia [...] narodowi naszemu Ruskiemu w nabożeństwie iego ludzjom mere Religiiy Graeckiey służące» [13. C. 322].

²¹ «Prawa y swobod y Przywileiow Narodowi Ruskiemu starożytny Religiiy Graeckiey nadanych» [15. S. 28].

²² «Prawa cerkiewne, a przy nich na prawa swiebod y wolności narodu naszego Ruskiego» [13. C. 315].

²³ «Mimo prawa narodowi y cerkwi Ruskiey» [16. C. 653].

²⁴ «За odmianą religiiy Graeckiey w Rzyską, a posłuszeństwa Wschodniego w Zachodnie, nie tylko duchownych praw y wolności, ale y świeckich pozbyć musielibyśmy. Y służnie: bo za odmianą religiiy y posłuszeństwa, y prawa nasze odmianie podleć musiałyby» [13. C. 341].

²⁵ «Gdzie abowiem choć iedno prawo, choć iedna constitucya, choć ieden przywiley, który narodowi Ruskiemu na posłuszeństwo Zachodnie y ku obronie w nas religiiy Rzyskiey służył? Ni iedno, ale wszystkie służą ludzjom religiiy Graeckiey posłuszeństwa Wschodniego» [13. C. 341].

²⁶ «Osoba wszystkiego narodu Ruskiego, ktoremu od Krola Iego M. Pana naszego M. ta obietnica iest uczyniona, y ktoremu o tym, a nie im, instantia własnie należy» [15. C. 28].

²⁷ «Z prawami abowiem, z zwyczajami naszymi, tak świętskimi iako osobliwie duchownymi, Ruskie narody Ich Młść Krolowie Polscy Koronie y Wiel. X. Litewskiemu incorporowali» [14. C. 349].

²⁸ «Unia narodu ruskiego z królestwem polskim» [18. C. 302].

²⁹ И поэтому трудно согласиться с мнением Т. Хинчевской-Хеннель, утверждающей, что православные тогда отстаивали «такой правовой порядок, по которому вероисповедания, существующие в Речи Посполитой, должны пользоваться своими правами» [19. S. 57]. Такую позицию скорее могли отстаивать протестантские мыслители того времени. Здесь же речь идет именно и только о «трех народах».

наш объединился в одно тело»³⁰; «Народ наш русский к польскому народу присоединился как равный к равному, как вольный к вольному»³¹. Брестская уния называется «фальшивой», и как таковая видится яблоком раздора между тремя союзными народами: «Пока еще держится полное согласие *civilis unionis*, для защиты целостности отчизны, свобод, прав и вольностей всех трех народов, до тех пор эта кость ссоры, *fictitiae unionis*, из их среды пусть будет выброшена»³². Так, униаты вредят «народу вольному, народу в правах и вольностях во всем коронным и Великого княжества Литовского гражданам равному»³³. И потому совершенно иначе видится функция короля: он не жалуется «права и вольности», а сторожит их³⁴.

Стоит привести довольно обширную цитату, содержащую наиболее четкие формулировки всей этой концепции: «Права в отчизне нашей народу Русскому еще сразу от начала веры в нас христианской были двоякими: светскими и духовными. Светские были от князей их милостей даны, как самим Владимиром, так и сыном его Ярославом, и другими. Духовные все права от св. Восточной церкви с верой сразу приняты были и для пользования Русской церкви были даны. А когда Русский народ поначалу отчасти был присоединен к Великому княжеству Литовскому и к Короне, а потом и полностью был инкорпорирован в Королевство Польское, он тогда же и допущен был полностью ко всем правам, свободам и вольностям светским коронным и литовским, которыми он пользовался, как и ныне пользуется. А от своих светских прав, князьями их милостями русскими ему прежде данных, конечно, отказался. Но при правах духовных своих, а не иных каких-либо, он полностью оставлен, тех прав, которые он имел сразу при крещении, себе от св. Восточной церкви данных, с тем от королей их милостей обещанием, что русь такой же вольности в своих правах пользоваться может, какой вольности в своих правах в панствах коронных пользуется и Римский костел. То все можно видеть в привилеях, народу Русскому при инкорпорации его в Корону данных, и в других многих, в разные времена данных»³⁵. Следует особенно подчеркнуть, что теория прав русского народа в сочинениях М. Смотрицкого предстает не в качестве «правовых взглядов», которые мы как исследователи можем реконструировать по тексту, а как сознательно сконструированная и подробно описанная правовая концепция.

³⁰ «Z tą taką wolnością z wolnymi narodami Polskim y Litewskim, Ruski naród złączył się w iedno ciało, o iedną głowę spoił y opar» [20. C. 515].

³¹ «Narod nasz Rusky do Polskiego narodu przyłącza iako rowny do rownego, iako wolny do wolnego» [18. C. 236].

³² «Póki tedy jeszcze stoi zupełna zgoda *ciuilis unionis*, ku obronie całości oyczyzny, swobod, praw y wolności wszystkim trzem narodom, tegdy sie ta zwady kość, *fictitiae unionis*, z poszrodku ich niech wyrzuci» [18. C. 304].

³³ «Narodowi wolnemu, Narodowi w prawach y wolnościach ze wszytkimi Koronnemi y W. X. Litew. obywatelmi porowanemu» [15. S. 590b].

³⁴ «Czego im on, iako stróż praw ich» [14. C. 396].

³⁵ «To wkrótce przełożywszy, mowimy: prawa w oyczyźnie naszey narodowi Ruskiemu ieszcze zaraz od początku wiary w nas chrześciańskiej zostały dwoiakie – świeckie y duchowne. Świetskie były od Xiążąt Ich Młści ferowane y na piśmie podawane, iako od samego Włodzimierza, od syna iego Iaroslawa, y od inszych. Duchowne wszytkie ogółem od św. Wschodniej cerkwie z wiarą zaraz przyjęte są y do używania cerkwi Ruskiej podane. Więc gdy naród Ruski pierwiey od części był przyłączony do Wiel. X. Lith. y Korony, a potem y zupełnie stał się incorporowany Krolestwu Polskiemu: przypuszczny iest na tych miast zupełnie do wszytkich praw, swobod y wolności świeckich Koronnych y Lithewskich, których miał zażywać, iako y zażywa, swoich praw świeckich, od Xiążąt Ich. M. Ruskich iemu podanych, owszeki zaniechawszy; ale przy prawach duchownych swoich, a nie inszych wszytkich iest cale y zupełnie zostawiony, tych, które miał zaraz przy chrzcie sobie od św. Wschodniej cerkwie podane, z tym od krolow Ich Młści uwarowaniem, że Ruś takiej wolności w swoich prawach zażywać miała, iakiej wolności w swoich prawach zażywa w Państwach Koronnych kościoł Rzymski. Co się widzieć daie z przywileiow, narodowi Ruskiemu przy incorporowaniu iego do Korony nadanych, y inszych wielu roznemi czasy danych» [14. C. 392–393].

Принципиальные различия между «правами народов» в западной средневековой традиции (в том числе польской) и в западнорусской теории «прав народа русско-го», как она представлена у Смотрицкого, видятся в следующем: 1) у Смотрицкого «права народа» – это система положительного права, здесь нет речи о «естественных правах всех народов». «Права русского народа» состоят из тех «прав и привилегий», которые ему когда-либо были дарованы различными монархами и потом признавались другими – вплоть до нынешнего; 2) «народ» у Смотрицкого понимается в этом контексте не как «натуральное сообщество», а как правовая корпорация с своеобразной правовой историей. Свойственное местной православной культуре понятие о народе как всесловной целостности, дополненное осознанием его как корпорации с особым правовым статусом, вряд ли имеет прямые параллели в западной или восточнохристианской культуре того времени, однако напоминает современную европейскую «нацию», понятие о которой сложилось двумя столетиями позднее. Я не берусь утверждать, что этот концепт ввел в оборот православной среды тех лет именно М. Смотрицкий: изредка что-то подобное можно встретить и в чуть более ранних текстах. Однако именно в его сочинениях прежнее развитие этого направления мысли было доведено до довольно стройной системы.

Несомненно, что понятие «прав народа» здесь выступает в совсем ином значении, чем в более поздней западноевропейской мысли. Это не «естественное» право «каждого народа», а сонм светских и духовных прав, которые конкретный народ получил от светских и духовных властей, и которых он держится. Однако примечательна и оригинальна сама мысль о народе как субъекте правовых отношений. Также стоит отметить тот факт, что эта концепция почти не нашла себе места в униатских сочинениях, однако утвердилась в православной мысли (см., например, завещание Петра Могилы). В 1632 г. в Вильне вышло сочинение «Synopsis», которое во многом суммировало все прежние наработки православной антиуниатской полемики. Там утверждается, что король «эти права и привилегии народу русскому, как извечно полностью верным подданным государям своим, присягою подтвердил и нетронутыми при них нас оставить соизволил»³⁶, а также излагается концепция объединения «равных с равными, вольных с вольными»³⁷.

В целом, однако, описанное можно считать концептуальным итогом освоения интеллектуальным слоем западнорусского общества понятий, которые были свойственны православной мещанской культуре уже по крайней мере с конца XVI в. Здесь можно привести в пример протестацию от 20 марта 1599 г. русских портных г. Львова против нарушения их прав польскими коллегами из их же цеха [22]. Они жалуются на «цеховых мастеров и мастеров портного ремесла народа польского», что они «пренебрегая правами и привилегиями цеха этого, в котором одинаковых свобод оба эти народа, польский и русский», правила его нарушают³⁸. Отмечая, что «нет у армян и евреев таких связей с поляками, каких народ наш русский имеет», жалобщики указывают, что поляки «к нам, руси приидя, с нами, русью, в руси согласно с правами нашими старинными, нашими обычаями и правилами не хотят жить, законом нас не убедив в правах нам отказывают»³⁹. Свои требования равных прав портные между тем аргументируют так: «Тем же условиям церковное имущество греческой нашей религии подлежит, откуда и единство прав и свобод

³⁶ «Te prawa y przywileie narodowi Ruskiemu, iako z wiekow cale wiernym poddanym Panom swym, przyzysiał y nieporusznie przy nich nas zachować zezwolił» [21. С. 574–575].

³⁷ «Rownych do rownych, wolnych do wolnych» [21. С. 547].

³⁸ «Cechmistrze y mistrze rzemisła krawniczkiego narodu polskiego» ... «psuiąc prawa y przywileia cechu tego w ktorim iednakich swobod obadwa te narody Polski y Ruski, tak urzędу cechmistrzowskiego iako y uziwania remiosb».

³⁹ «Niemaią Ormianie Lwowszczi y Zidowie takich związkow z poliakami, iako narod nasz Rusky ma»; «do nas Ruszi prziszedszi z nami Rusią w Rusi według dawnych praw naszych y fundoszow zwiczaioy y porządkow niechcą zija, prawem nas nie przekonawszi prawa nas odsądzaia»

этих двух народов видно»⁴⁰. И хотя в этом документе речь идет о цеховых правах ремесленников, и под «народами» понимаются лишь представители польского и русского народов в цехе, нетрудно заметить, что структуры мысли и понятия во многом те же, что и в рассмотренных выше сочинениях.

Благодаря этому можно увидеть, сколь сильным своеобразием обладали понятия православного общества Речи Посполитой. И сколь сильно православное западнорусское понимание природы государственности, созданной в 1569 г., отличалась от собственно польской идеологии Речи Посполитой как шляхетской республики «двух народов». Примечательно также, что в таком понимании были более акцентированы стороны этой государственности, связанные с королевской властью, чем собственно ее сословно-республиканская идеология. Стремительно тающая православная шляхта и все более активное православное население городов не создали каких-либо принципиально различных версий своего участия в жизни Речи Посполитой, и их представители в своих текстах предпочитали выступать от всего «народа русского», настаивая на его церковном единстве и нередко специально подчеркивая его многосословность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ehrlich L. Zarys historii prawa narodów w Polsce. Kraków, 1949.
2. Belch S.F. Paulus Vladimiri and His Doctrine Concerning International Law and Politics. London, 1965. Vol. I–II.
3. Jasudowicz T. Śladami Ludwika Ehrlicha: do Pawła Włodkowica po naukę o prawach człowieka. Toruń, 1995; Wielgus St. Polska średniowieczna doktryna ius gentium. Lublin, 1996.
4. Архив Юго-Западной России. Киев, 1859. Ч. I. Т. I.
5. Апокрисис. Сочинение Христофора Филалета // Русская историческая библиотека. СПб., 1882. Т. VII.
6. Пересторога // Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Т. IV.
7. Tazbir J. Świadomość narodowa // Rzeczpospolita i świat. Studia z dziejów kultury XVII wieku. Wrocław, 1971.
8. Augustyniak U. Koncepcje narodu i społeczeństwa w literaturze plebejskiej od końca XVI do końca XVII wieku. Warszawa, 1989.
9. Неменский О.Б. Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом. М., 2008.
10. Протестация митр. Иова Борецкого / Жукович П.Н. Протестация митрополита Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, составленная 28 апреля 1621 г. // Статьи по славяноведению. СПб., 1910. Т. III.
11. Флоря Б.Н. Осмысление конфликтов, вызванных Брестской унией 1596 года верхами православного белорусского и украинского общества // Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. М., 1999. Ч. II. Брестская уния 1596 года: Исторические последствия события.
12. Палинодия // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. IV.
13. Verificatia niewinności // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7.
14. Obrona Verificaciey // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7.
15. Verificatia niewinności. Второе изд. Wilno, 1621.
16. Na Examen Obrony Verificaciey // Архив Юго-Западной России. Киев, 1914. Ч. 1. Т. 8. Вып. 1.
17. Неменский О.Б. Формы русской идентичности у Мелетия Смотрицкого // Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. Славяне и их соседи. М., 2008. Вып. 12.
18. Supplicatia do przeoświeconego i iaśnie wielmożnego przezacney korony Palskiej i w. x. Litewskiego oboiego stanu, duchownego i swieckiego senatu, 1623 // Коялович М.И. Документы, объясняющие историю Юго-Западного края. СПб., 1865.
19. Chynczewska-Hennel T. «Do praw i przywilejów swoich dawnych». Prawo jako argument w polemice prawosławnych w pierwszej połowie XVII w., in Między Wschodem a Zachodem. Rzeczpospolita XVI – XVII wieku. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcikowi w 70tą rocznicę urodzin, Warszawa, 1993.
20. Justificatia niewinności // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7.
21. Synopsis 1632 г. // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7.
22. Центральний державний історичний архів України. Львів. Ф. 129. Оп. 1. № 332.

⁴⁰ «Temusz warunkowi dobra kościelne religiey greckiey naszej poddawaia, zkąd iedności praw y swobod tich dwoch narodow pokazuje się».

© 2012 г. Д. Ю. СТЕПАНОВ

«РУССКОЕ», «МАЛОРОССИЙСКОЕ» И «МОСКОВСКОЕ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭЛИТЫ ГЕТМАНЩИНЫ В 50–60-е ГОДЫ XVII ВЕКА

Статья посвящена проблеме формирования этнического самосознания украинской элиты во второй половине XVII в. Отдельно рассматривается представление украинской элиты о населении Московского государства.

This article deals with the problem of the formation of the Ukrainian elite's self-consciousness in the second half of the seventeenth century. A special attention is paid to the concept of the population of the Muscovite State among the Ukrainian elite.

Ключевые слова: Украина, Московское государство, старшина, самосознание, этнос, воображаемые сообщества.

В узком смысле основная тема этой статьи – имела ли малороссийская элита в середине XVII в. более или менее четкие этнические представления о себе и о населении украинских земель¹ как об отдельном народе? Как соотносились конфессиональные и этнические² («протонациональные») составляющие во взглядах старшины и православного духовенства на самих себя? Как они представляли «свое» историческое прошлое и происхождение? Каковы были религиозные и протонациональные («этнические») границы «русского», «малороссийского» и «московского» сообществ в сознании украинской элиты в 50–60-е годы XVII в.?

Проблема формирования этнического и протонационального самосознания малороссийской элиты затрагивалась в работах различных исследователей на протяжении последнего столетия. Начиная с М.С. Грушевского и до нынешнего времени вышло несколько монографий и статей, посвященной этой теме [3–14]. Это, однако, не означает, что проблема раскрыта во всех аспектах и не требует дальнейшего рассмотрения. Есть все основания, вслед за одним из исследователей этой темы, М.В. Дмитриевым, поставить под сомнение, что такое положение дел привело к значительному сдвигу в данной области знания [15].

Степанов Дмитрий Юрьевич – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ В этнографии дискуссионным является вопрос о том, насколько элита Гетманства считала население белорусских земель «своим». Но из-за ограничения объема статьи я ограничусь анализом этнического сознания только населения, проживающего на территории, на которую распространялась гетманская власть [1].

² Существует довольно много трактовок терминов «этнос» и «этнический». Я разделяю точку зрения Э. Смита, рассматривающего этнос как «сообщество людей, связанных с родным краем, для которого характерны общие мифы о происхождении, общая память, один или больше элементов общей культуры и некоторая солидарность, по крайней мере, среди элит» [2. С. 19–20].

Восстание под руководством Б.М. Хмельницкого, вспыхнувшее в 1648 г., и вхождение украинских земель в состав Русского государства в 1654 г. не могли не быть осмысленными в среде казачьей элиты с точки зрения формирующихся протонациональных взглядов. Об этом свидетельствуют встречающиеся в источниках многочисленные примеры этнонимов, относящихся как к «своим» так и к «чужим»: «русские», «руськие» люди, «ляхи» («поляки»), «литва», «московские люди», «москали» и т.п.

Казаки не оставили нам пространных эпических или даже программных текстов (за исключением «Перестроги Украине») [16]. Зато мы располагаем широким кругом различной деловой корреспонденции, исходившей как от конкретных лиц, так и из войсковой канцелярии: письма (листы), универсалы, договоры и их проекты. Сюда можно включить речи, сказанные посланниками от гетманов и высшего украинского духовенства перед царем, в Посольском приказе и перед царскими посланниками [17–22]. Опираясь на этот сравнительно большой пласт опубликованных и архивных источников, сосредоточимся на том, как с их помощью можно решить поставленные вопросы.

При анализе источников использовалась методология, разработанная О.Б. Неменским при исследовании им самосознания украинских книжников первой половины XVII в. Исследователь пользовался термином Б. Андерсона «воображаемые сообщества». Этим термином Андерсон называл образ сообщества, члены которых не знают и заведомо не могут знать лично или даже понаслышке большинства других его членов, однако имеют представление о таком сообществе [23]. Вслед за Неменским отметим, что самосознание является, безусловно, структурой многослойной: человек одновременно может причислять себя к различным воображаемым сообществам [13. С. 41].

Лидеры новообразованной протогосударственной структуры – Гетманщины выступали от лица более широкой общности людей, которую они называли «нашим народом». Наиболее часто употребляемые термины, распространенные в среде малороссийской элиты, которые мы предположительно можем принять за маркеры этнической идентичности, были «русь», «руський», «русский». Но что подразумевали казаки, говоря о «руси» как о воображаемом сообществе? Кто, по их мнению, входил в него? Были ли униаты для них «рускими»? Как представители старшины относились к представителям православного населения Московского государства, которые также называли себя «рускими» («рускими» и даже «руськими») людьми?

Богдан Хмельницкий, судя по сохранившимся источникам, относился к униии как к «ляшской вере», а к униатам как к «ляхам». Царскому посланнику Григорию Неронову в ноябре 1649 г. гетман говорил: «Ненавидя православные обще с нами христианские веры, неприятели наши, безверные проклятая вера ляхи, святыя божия церкви многие осквернили и по своей проклятой вере учинили костелы, а провославным христианом чинили большое утеснение, приводя в свою проклятую ляцкую веру» [19. Т. 2. С. 269]. Далее, комментируя Зборовский договор, гетман сказал: «И ныне де их Бог помиловал, от их проклятые веры освободил [...] и в тех городех лятцким костелом и ляхом и жидом впредь николи не быть, а быть де в тех городех одним королевским урядником, и то православным же христианом, а не ляхом». По всей видимости, речь идет о третьем и десятом пунктах договора [20. С. 128–129].

Слияние «рускости» и православия – характерная тенденция, отразившаяся в переписке гетмана. Как бы давая понять, что «русь» – это, в первую очередь, сообщество православных, Хмельницкий писал в ноябре 1651 г. султану Мухамеду: «Поэтому и вся *русь*, которая здесь живет, которая с греками одной веры и от них свое начало имеет» [20. С. 233]. Эти примеры еще раз подчеркивают тезис, вы-

сказанный С.Н. Плохием: «Его (Б. Хмельницкого. – Д.С.) Русь была практически единой – православной» [10. С. 246].

Безусловно, казаки и представители высшего православного духовенства называли «русским» в первую очередь население украинских и белорусских земель. Однако ряд свидетельств говорит о том, что так же представители элиты Гетманщины называли выходцев из Московского государства. Например, в письме к одному из приграничных воевод Хмельницкий уверял, что не допустит вторжение крымского хана на территорию Московского государства, так как «того не маш і не будет, штоб они міли, царики татарские, побратавшись з нами, православную Русь і віру нашу воеват, тое не мошно» [20. С. 143]. Не отказывали в «русскости» подданным московского царя и представители казачьей старшины. Так в январе 1657 г. полковник Иван Нечай писал царю: А для лутчей веры *руского* человека, имянем Ивана Свиридова сына, с Тулы города, которой служил в полку Рипцова» [17. Т. 3. С. 590]. «Руськими» или «русскими» называли выходцев из Московского государства и представители более широких слоев казачества [17. Т. 5. С. 282; Т. 7. С. 285; Т. 15. С. 27].

В связи с этим бросается в глаза ст. 3 Андрусовского перемирия: «А взаим тем всем всякого чина *руским* людям, которые в сторону его королевского величества в местах через сии договоры уступлены оставают, вольное имеет быть употребление веры Греческой» [24. С. 659]

Любопытно, что один из уровней идеологической легитимации Переяславско-московских соглашений, шедший от украинской элиты, включал в себя образ Алексея Михайловича как «русского» монарха, наследника Владимира I и «благочестивых князей российских». С этой точки зрения переход «Войска запорожского и всей Малой Руси» воспринимался как долгожданное «воссоединение» двух народов «росийского поколенья» в единой «росийской державе». Следует сразу оговориться, что эти тексты в определенной степени ангажированы. Однако вызывает сомнение тот факт, что гетманы «нарочно» наделяли московского монарха тем маркером идентичности, который принципиально за ним не признавали.

Наиболее ранней попыткой такой «легитимации» можно считать ставшую почти хрестоматийной фразу Хмельницкого, сказанную им царскому посланнику Григорию Унковскому в 1649 г.: «А мы царского величества милости ищем и желаем потому, то от Владимирова святого крещения одна наша благочестивая христианская вера и имели едину власть. А отлучили нас неправдами своими и насилием лукавые ляхи» [19. Т. 2. С. 152]. Как отметил украинский исследователь Ф. Шевченко, «таким образом, с именем и временем князя Владимира гетман связывал единство Руси и ее границы» [25. С. 104].

Во время переговоров представителей украинского духовенства во главе с Иннокентием Гизелем в 1654 г. идея о преемственности московских царей от князя Владимира зазвучала с новой силой. В письме к царю противник переяславских соглашений игумен Феодосий Василевич писал: «Воздвигнул в нынешнее радостное лето от многих лет усопшего великого равноапостольного князя росийского святого Владимирера, Господи, живыми и мертвыми обладай, егда ваше царское величество постави Росийския земли, якож и оного прежде самодержцу, возвел погребенную *росийского рода* честь и славу» [17. Т. 10. С. 723–724].

Преемственность московских царей от «владимирова корени» была сопряжена с представлениями о существовании некогда единой «росийской» монархии, во главе которой стояла собственная династия. В письме Брюховецкого царю 1665 г. находим: «Не по правде дедичство себе над Русью Польша приписывает, понеже своего дедичного монарха Русь имела [...] так ныне через меч из ляцкие неволи Русь выбилась и природному монархе своему поддалась и добила челом» [17. Т. 10. С. 236].

По всей видимости, такое весьма общее представление о собственной исторической памяти было общепринятым среди казачьей верхушки. Расхождения наблюдались исключительно в оценках отдельных периодов «русской» истории. Для Б. Хмельницкого, Брюховецкого, Лазаря Барановича и других сторонников царской власти (точнее тех, кто был хотя бы раз на стороне Москвы) «польский период» истории украинских и белорусских земель воспринимался «неволей, хуже турецкой», а жизнь под властью православного монарха – «раем» (по выражению Лазаря Барановича) [26. С. 66]. Для Выговского, Ю. Хмельницкого и других украинских политических деятелей, которые хоть раз переходили от Москвы на сторону польского короля, оценки были прямо противоположны. «Воссоединение» оборачивалось «московской работой (рабством. – Д.С.)» и «тиранским пленом», зато в предшествовавший период польской власти «русский народ» под властью «правоприрожденного честного монарха – короля его милости» «случився» с другими народами Речи Посполитой в «обчую отчину» [27. Ф. 79. Оп. 1. 1660 г. № 3. Л. 61].

В марте 1654 г. киевский митрополит Сильвестр Коссов отправил Алексею Михайловичу поздравление по случаю рождения наследника, который «многовожде- ленный всему *яфетороссийскому* племени нашему» [17. Т. 10. С. 231], так как «новорожденного деля и боговенчанного вашего царского величества сына, нашего же *российского* роду» [17. Т. 10. С. 322].

Это послание киевского митрополита интересно в связи со следующими мотивами. Во-первых, в косвенной форме упоминается имя легендарного библейского первопредка – сына Ноя Иафета. По-видимому, здесь мы встречаем аллюзию на «Палинодию» Захарии Копыстенского, в котором также говорится об «Яфеторосском поколении» [28. С. 1110]. Во-вторых, исходя из текста письма митрополита, московские цари выступали как преемники древнерусской государственности и держатели «православного скипетра яфетороссийского». В-третьих, в послании Коссова подчеркивается, что царевич принадлежит к тому же «российскому роду», к которому принадлежал и сам митрополит.

Идеи, заложенные в послании Сильвестра Коссова или Феодосия Василевича, соотносятся с теми мотивами, которые прослеживаются в посланиях Львовского братства царю Федору Ивановичу в 1592 г. [29. С. 43–51] и митрополита Иова Борецкого царю Михаилу Романову [19. Т. 1. С. 47]. Эти послания были подробно рассмотрены в статье М.В. Дмитриева [15].

В августе 1657 г. П. Тетеря, посол Б. Хмельницкого, произнес перед царем речь, которую начал словами: «Пресветлого вашего царского величества, яко второго великого в царех и равного во апостолах Владимира не точию почитает, но и предпочитает: понеже он аще ли первый во *яфетороссийское* племя во глубоцей скверного идолослужения темноты с древле погруженное святым просвети крещением, но и сам кроме закона иногда живяше и многих *сынов* *российских* своим порочным языческим житием погубляше» [17. Т. 11. С. 710]. В приведенной цитате отразилось устоявшееся сравнение Алексея Михайловича с его «пращуром» князем Владимиром: как древнерусский князь вызволил «народ российский» из «темноты идолослужения», так и московский царь освободил «российскую землю» от «злокозненных ляхов». Но наиболее интересным представляется указание на Иафета как родоначальника «российского племени».

В речи, произнесенной перед царем в сентябре 1654 г., нежинский протопоп Максим Филимонович, выражая восторг по поводу «воссоединения», говорил: «Призрел Господь Бог на смирение наше, коли подал до сердца вашему царскому величеству, дабы расточенных *сынов* *русских* злохитрием лятцким воедино собрал, разделенных составов воедино тело *русского* великого княжесия совокупил [...] како к нам по *прародителех* *вашего* *царского* *величества* *великих* *князей* *и* *самодержцех* *русских*, праведное и дедичное и отеческое жребие и наследие

имеючи, не всхощеши, яко отец природный сынов русских» [17. Т. 14. С. 176]. В этой речи также отразились мотивы общерусской исторической памяти. Во-первых, упоминается о Древнерусском государстве времен «самодержцев русских», наследником которых являлся, по мнению протопопа, Алексей Михайлович. Во-вторых, переход Малороссии под власть царя рассматривался как «соединение тела русского».

Обратимся к переписке казацких посланников во главе с нежинским полковником В. Золотаренко с польскими комиссарами в мае 1660 г. На нее впервые обратила внимание Т.Г. Таирова-Яковлева, но более подробно рассмотрел Б.Н. Флора [30. С. 544–547].

Как можно судить по представленным документам, бояре предложили Золотаренко написать полякам письмо, в котором бы обосновывалось подданство Алексею Михайловичу. Казаки написали, что «понеж Войско запорожское для тяжких и неистерпимых обид давнюю веру христианскую, волности казацкие и весь малороссийский народ и через несколько сот лет обходящих отступив за помощью Божьею от коруны полские, а к належному государю и самодержавно владетелю русскому православному из веков прилежащему государству одинова приклоня» [27. Ф. 79. Оп. 1. 1660 г. № 4. Л. 39]. Польские комиссары, как и следовало ожидать стали оспаривать аргументы казацких посланников, сославшись на то, что у всех «летописцев» Войско запорожское всегда пребывало за королем [27. Ф. 79. Оп. 1. 1660 г. № 4. Л. 195–196].

Обращение к историческим аргументам вызвало новое письмо казацких полковников, которое началось с заявления, что все «Войско запорожское и весь малороссийский народ» приняли решение «навеки» подчиниться власти царя «как единоверного монарха». Дальше больше – казаки, опираясь на знания «русской» истории, писали: «Кто перед несколько сот лет Росиею владел, ежели не он, самодержец российский Владимир, блаженный, который всю Велику, Малую, Белую, Черную, Красную Русь к вере христианской привел и над ними владел, а по смерти его несогласие остальных 12 сынов его братьев родных русские края в розные руки разным государем роздав. Извольте ваша милость разсудить, что так самое поколеенье российского прироженья паче едина вера и един крест на православному государю царю нашему приобщает и его над нами належачим государем чинит» [27. Ф. 79. Оп. 1. № 4. Л. 231–232].

Таким образом аргументы, выработанные до этого элитой Гетманщины в официальной переписке с Москвой, были использованы в переговорах с польскими посланниками. Фактически, казаки старались легитимировать переход под власть царя, опираясь на представление о едином «российском поколении», объединявшем жителей украинских и белорусских земель с населением Московского государства. По мнению Б.Н. Флора, представленные исторические аргументы были подсказаны непосредственно перед посольством Максимом Филимоновичем Василию Золотаренко [30. С. 546].

Наряду с представлениями элиты Гетманщины на свое происхождение в рамках «общерусского» дискурса в среде казачьей старшины и высшего православного духовенства формировались, или вернее, продолжали формироваться взгляды, рассматривавшие подконтрольную казакам территорию как отдельную историческую область, а проживавшее на ней население как отдельный народ.

Происхождение и использование термина «Малая Русь» среди элиты украинского общества были уже предметами работ многих исследователей, однако важно ответить на следующие вопросы: в каком контексте прослеживается «малороссийский» дискурс в документах, исходящих от верхушки Гетманщины в 1650–1660-е годы? Каковы были границы воображаемого сообщества «малороссийский народ»? После Переяславской рады между Хмельницким и Москвой возник спор о включении в титул Алексея Михайловича названия «Малая Русь». Царское пра-

вительство изначально не хотело изменять титул государя, оставив его таким, каким он был – «царь, государь и великий князь всея Русии самодержец». Однако гетман настоял на своем. Об этом споре писал П.П. Толочко [31. С. 8]. Важно отметить принципиальность Хмельницкого, который, видимо, представлял территорию Малороссии как отдельный исторически сложившийся регион.

В письменных источниках, принадлежащих перу гетмана, мы не находим четкого представления о двух близких народах – «малороссийском» и «великороссийском». Гетман прекрасно представлял себе, что «Российское царствие» состоит из Великой и Малой России, однако нельзя сказать, что Хмельницкий видел какую-либо принципиальную этническую разницу между населением этих двух исторических областей. В связи с этим надо отметить, что, говоря о населении подконтрольной территории, гетман чаще всего называл его «христианами», добавляя при этом «областной» признак. Так, например, поднимая «государеву чашу» на одном из приемов царских послов в 1654 г. Хмельницкий произнес: «И покори Господь Бог им великим государем всех врагов их и неприятелей, и чтоб православные христиане Великия и Малыя Росии были в соединении» [17. Т. 10. С. 587].

И П. Тетеря выступал не просто от имени «мира христианского малороссийского», но использовал формулировку «малороссийское племя» [17. Т. 11. С. 707]. Оценивая Переяславские соглашения, он говорил: «Воистино соединение Малыя Росии и прицепление оная к великодержавному пресветлейшаго вашего царского величества скифетру, яко естественной ветви к приличному корени». Более того, в речи снова нашло отражение представление о втором периоде «русской» истории, т.е. о времени, когда часть древнерусских княжеств перешла под юрисдикцию польских и литовских правителей: «Егда отторженную многими леты, нестроения ради и междуособия *промежду князи российскими ветвь приличную и свойственную, глаголю, Малую Росию*» [17. Т. 11. С. 710]. Здесь, на мой взгляд, отразилась иерархичность этнических представлений автора. Для него «малороссийское племя» – это одновременно часть более широкого воображаемого сообщества, которое он называет соответственно «российский род» или «всероссийские сынове».

Вернемся к переписке Василия Золотаренко и других казацких посланников, присутствовавших на русско-польских переговорах в мае 1660 г. Казаки писали, что все «Войско запорожское и *народ малороссийский*» после того как перешли на сторону московского царя, «со всем народом соединяся». Как и в речи Тетери, переход украинских земель под власть царя трактовалось как присоединение [27. Ф. 79. Оп. 1. 1660 г. № 4. Л. 230–231].

Таким образом, неверным кажется вывод С.Н. Плохия, обнаружившего этот мотив в статейном списке дьяка В.Н. Кикина, побывавшего у Выговского в сентябре 1658 г. [17. Т. 4. С. 145]. Плохий считал, что такая идея была впервые высказана с московской стороны и разрушала уже сложившуюся в среде украинского духовенства концепцию малороссийства [10. С. 414]. Важно не столько то, что в официальной риторике подчеркивалась близость двух народов, связанных общим происхождением и соединенных «под скипетром московского царя», сколько само представление казаков о себе и населении подконтрольных гетману территорий как об отдельном «малороссийском племени». В конечном итоге такое представление могло дать начало другой, автономистской, идеологии. В качестве примера приведу уже упоминавшийся статейный список Кикина, в котором царский посланник цитирует слова некоего подписка: «*А буди Великая Росия Великою Росиею, а Малая Росия Малуою Росиею*» [10. С. 414].

Интересно, что прилагательное «малороссийский» встречается как во внутренней казацкой корреспонденции, так и в официальных посланиях, отправленных из Малороссии в сопредельные государства, в первую очередь польским королям и сановникам [18. С. 434]. Из этого следует, что «малороссийская» терминология

была общепринятой в казачьей среде не только для самоидентификации в сопоставлении с Великороссией.

Выражение «народ малороссийский» появляется далеко не с самого начала освободительной войны и даже не сразу после Переяславской рады. Самое раннее его упоминание относится к маю 1660 г. и принадлежит перу В. Золотаренко, отправившего польским комиссарам уже цитируемое письмо. Надо отметить, что примерно в то же время оно использовалось в среде духовенства [17. Т. 5 С. 27]. Термин «малороссийский» часто встречался в официальных документах, исходящих из Киева и Москвы вплоть до конца XVII в.

В связи с этим обратимся к статейному списку дьяка Е. Фролова, побывавшего у Брюховецкого в мае 1666 г. И. Брюховецкий говорил: «Чтоб малороссийского народа своевольных и непостоянных людей болшими поборами вскоре не ожесточить» [17. Т. 6. С. 102]. В этом же разговоре, гетман использовал термин «малороссийские жители» [17. Т. 6. С. 103]. Судя по тексту статейного списка, так же выражались и люди из ближайшего окружения гетмана: «Мефодий епископ говорил, чтоб во всех малороссийских городех воеводы и ратные люди жили особо в городках, также в Нежине, потому что малороссийского народа люди ко всему шатки; сохрани Боже, кто б чего не всчал» [17. Т. 6. С. 104]. Сразу отметим, что в приведенном тексте словосочетания «народ малороссийский» и «малороссийские жители» равнозначны. В сознании Брюховецкого и его окружения отсутствовал постоянный неизменный термин для обозначения населения Гетманщины, словосочетание «народ малороссийский» имеет в их письмах многочисленные синонимы. Так в письме Брюховецкого царю, написанном в 1665 г. говорится, что «о том с христианским народом малороссийским за достоинство вашего царского пресветлого величества безпрестанно кровь проливающим и неистерпимую нужду теряющим». Однако здесь же в равной степени употребляются «христианство малороссийское» и «мир малороссийский» [17. Т. 5. С. 270].

«Малороссийский народ» становится устоявшимся определением для населения украинских земель ближе к концу XVII в. В Коломакских статьях 1687 г., заключенных после ареста Ивана Самойловича со старшиной, возглавлявшейся новым гетманом И.С. Мазепой, говорится, что «народ Малороссийский всякими меры и способы с Великороссийским соединять в неразорванное и крепкое согласие приводить» [24. Т. 2. С. 878]. Таким образом, во второй половине XVII в. в сознании как украинской, так и московской элиты шло формирование представлений о двух территориальных группах населения.

Не отказывая подданным царя в «русскости», казаки и представители высшего православного духовенства все же чаще называли их «москалями», «московскими людьми» или «московкой». Это, в свою очередь, можно считать результатом влияния более ранней традиции, имевшей место в украинской и белорусской книжности, согласно которой отношение к населению соседнего Московского государства было равнозначно отношению к близкому, но все же иному народу.

В качестве иллюстрации приведу несколько примеров. Повествуя о коронации Лжедмитрия I, неизвестный автор Баркулабовской летописи начала XVII в. писал: «А хотя и короновали его пред се не мели с собою доброе и зуполное згоды: одна москва приймовала его за царя, а другая не приймовала» [32. С. 190]. Из приведенной цитаты становится ясно, что слово «москва» было использовано авторами для обозначения населения Русского государства. По мнению Б.Н. Флори, это слово в подобном контексте впервые употреблено в «Хронике» Матвея Стрыйковского в легенде о Ляхе, Чехе, Русе и Москве, откуда и было заимствовано украинскими и белорусскими летописями [12].

Наиболее ранний пример использования этнонима «москва» во время Освободительной войны содержится в речах 1654 г. перед царем гетманского посланника Ивана Тафляры. Для того чтобы вызвать у царского правительства недоверие к

митрополиту С. Коссову, Тафляры утверждал: «Присылал королю на сойм киевской митрополит и иные духовного чину люди дву человек чернцов, что им с *московскими людьми* быти в соединении невозможно, и они того николи не хотели, а се де *москва* хотят их перекрещивать» [17. Т. 10. С. 733]. Термин «москва» употребляется вместе с глаголом в третьем лице множественного числа («хотят»), что не вызвало ни у Тафляры, ни у подьячих, записавших его речь никаких сомнений в правильности употребления. Видимо, слово употреблялось как синоним словосочетания «московские люди».

В универсале, в котором Брюховецкий оправдывал переход к Дорошенко, читаем: «Междо собою уговорясь, постановили и присягою подтвердили, что с обеих сторон, то есть с Московской и Польской, Украйну, отчизну нашу милую, разоряти [...] нежели с *московю* внутренними, истинно злобою полными врагами нашими пребывати [...] Взяв Бога на помощь, около своих неприятелей до *московых*, се есть *москалей*, а самих себя и *весь народ украинский* до ведомого упадку о себе не радеючи приводити имели» [17. Т. 7. С. 39–40]. Здесь, во-первых, Брюховецкий, говоря о «москве», назвал их «нашими врагами», т.е. снова в подчиненной форме употребил дополнение во множественном числе. Во-вторых, «москалей» гетман сознательно противопоставил «народу нашему украинскому». В-третьих, этноним «москва» выступил как синоним слова «москалей».

Противопоставляя «москалей» и «народ наш христианский» мятежные гетманы не вдавались в подробности, в чем, собственно, суть различий. Косвенно указание на принципиальную разницу, разделявшую «народ малороссийский» и «москву» на «своих и чужих», можно найти в словах Мартина Пушкаря, утверждавшего в 1658 г., что гетман Выговский распускал по Украине слухи о намерении «москалей» заставить всех посполитых ходить в лаптях, а казаков записать в солдаты [17. Т. 15. С. 27]. Видимо, желая привлечь левобережных казаков на свою сторону, Выговский ссылался на уже устоявшееся стереотипное представление о «москалях».

В конструировании образа «чужого» применительно к Москве Выговский и другие мятежные гетманы использовали уже апробированный ход – показать населению врага, «наступающего на веру»: «Рук власти тиранской, которая не только людем мирских разными их муками лубячи не умеют пошадить, но и слугам Божиим духовным нашим святителя нашего Бога прославляющих языки подрезывали» [27. Ф. 79. Оп. 1. 1660 г. № 3. Л. 60–61]. По отношению к «москве» в универсалах, которые рассылали по украинским городам гетманы, решившие порвать с Москвой, не употреблялись какие-либо этнические дефиниции. По всей видимости, различия подобного рода между «москвой» и «малороссийским народом» были тогда неактуальны для жителей украинских земель, и гетманы это понимали.

И, наконец, говоря о формировании этнического самосознания казачества, нельзя не сказать о пока единственном известном историко-политическом трактате, возникшем в их среде. Речь идет о «Перестроге Украине», написанной, по-видимому, в 1669 г. Текст трактата обнаружил в архиве рода Дворецких украинский исследователь Ю.А. Мыщик, который считает, что автором этого произведения был неизвестный церковнослужитель, близкий киевскому полковнику В. Дворецкому, последовательному стороннику Москвы.

Сочинение было обращено, в первую очередь, к тем казакам, которые оставались на Правобережье, на стороне Дорошенко, заключившего к тому времени договор с султаном Мехмедом IV. Поэтому понятен общий антитурецкий пафос сочинения и призыв к сохранению единства с Московским государством, т.е. восстановлению того порядка, который существовал при князе Владимире. Главным военно-политическим результатом такого «воссоединения», по мнению автора, было бы усиление военной мощи Руси: «*А такого зъедночєня Руси боятєся барзо*

вшелякие народы: турки, немъци, орда и поляце» [16. С. 134–135]. Однако жителей Малороссии автор называет или «украинцами», или «русью», а жителей Московского государства, соответственно, – «москвой»: «Бо поляки, яко мудрие, завше *москви и руси*, яко неведомым правъ наветовых, ошукают, леда малымъ словомъ» [16. С. 136]. Таким образом, в формировании идентичности в определенной степени преобладал «географический» фактор. В то же время понятие «русскость» было сопряжено с Русью в историческом измерении – как территория Древнерусского государства. Власть киевских князей в собственном государстве выступала, с одной стороны, как легитимация собственных государственных традиций, с другой – как обоснование перехода под власть московского царя, в котором, судя по представленным источникам, виделся наследник «благочестивых князей российских».

По всей видимости, термины «русский», «руський», «малороссийский», «московский» нельзя назвать этнонимами в полном смысле этого слова. «Русскость» в понимании малороссийской элиты была прочно слита с православием.

Эти выводы свидетельствуют о неправомерности тенденции современной украинской историографии, противопоставляющей понятия «русь» и «москва» в сознании казаков и представителей высшего православного духовенства. Элиты Гетманщины и Московского государства не отказывали друг другу в «русскости», что следует обозначить как чувство родства в рамках «русского воображаемого сообщества».

Б.Н. Флоря считает, что «процесс этнической дифференциации между восточными славянами в Речи Посполитой и в России в конце XVI – первой половине XVII в. зашел достаточно глубоко, но было еще далеко до его окончательного завершения, представление о единстве всех восточных славян, как особой этнической общности продолжали занимать значительное место» [12. С. 19]. Думается, этот вывод справедлив и для 50–60-х годов XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотношения. М., 2004.
2. *Смит Е.* Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. Київ, 2004.
3. *Грушевський М.С.* Історія України – Руси. Київ, 1995. Т. VIII.
4. *Петровський М.Н.* Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії. Київ, 1940.
5. *Крип'якевич І.П.* Богдан Хмельницький. Київ, 1954.
6. *Касименко О.К.* Російсько-українські взаємовідносини 1648 – початку 1651 р. Київ, 1955.
7. *Голобуцький В.А.* Дипломатическая история Освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. Київ, 1962.
8. *Frank E.S.* Ukrainian-Polish Relations in the Seventeenth Century: the Role of National Consciousness and National Conflict in the Khmelnytsky Movement // *Poland and Ukraine: Past and Present.* Edmonton; Toronto, 1980.
9. *Козут З.* Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004.
10. *Плохий С.* Налівайкова віра: козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2006.
11. *Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982.
12. *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени // *Россия – Украина: история взаимоотношений.* М., 1997.
13. *Неменский О.Б.* Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне Унии» Льва Кревзы // *Белоруссия и Украина.* М., 2008.
14. *Неменский О.Н.* Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в. (по материалам полемической литературы) // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальной идентичности в Европе. Средние века – Новое время.* М., 2008.
15. *Дмитриев М.В.* О формировании дискурсов общерусского самосознания в украинско-белорусской культуре конца XVI–XVII вв. // *Украина и Россия: история и образ истории.* 3–5 апреля 2008 г. Материалы международной конференции // <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/dmitriev.doc>. 13.02.2012.

16. *Мицик Ю.А.* Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. Київ, 1991. № 5.
17. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1863–1892. Т. 1–
18. Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденную при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторстве. Киев, 1852. Т. 3.
19. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М., 1953. Т. 2–3.
20. Документи Богдана Хмельницького. Київ, 1961.
21. Документи об Освободительной войне украинского народа 1648–1654. Київ, 1965.
22. Національно-визвольна війна в Україні 1648–1657. Збірник за документами актових книг. Київ, 2008.
23. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
24. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1.
25. *Шевченко Ф.* Історичне минуле у сприйнятті Богдана Хмельницького // Доба Богдана Хмельницького (до 400-річчя від дня народження великого гетьмана). Збірник наукових праць. Київ, 1995.
26. Письма пресвященного Лазаря Барановича. Чернигов, 1865.
27. Российский государственный архив древних актов.
28. Памятники полемической литературы в Западной Руси. СПб., 1878. Вып. 1.
29. Челобитная Львовского братства Федору Иоанновичу; три послания Тырновского митрополита Дионисия: царю Федору, супруге его Ирине и царскому боярину Борису Годунову; послание того же братства думному дьяку Андрею Щелкалову Ирине и Годунову (15 июня 1592 г.) // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1851. Т. IV. 1588–1632. № 34.
30. *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661). М., 2010.
31. *Толочко П.* Мала Русь, Руський народ в другій половині XVI – нач. XVII ст. // Київська старовина. 1993. № 3.
32. Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32.

© 2012 г. Л.А. СОФРОНОВА

«ЗАПИСКИ» ЯНА ХРИЗОСТОМА ПАСЕКА: ДНЕВНИК. РОМАН. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В статье реконструированы ключевые элементы структуры и содержания «Записок» знаменитого польского автора конца XVII в. Яна Хризостома Пасека, которого признают основоположником польской литературы. Рассмотрены основные жанровые особенности данного повествования (*silva rerum*), тяготение этого нарратива к устным формам, использование мифологических мотивов и сюжетов, специфика языка Пасека.

The article reconstructs the key elements of the structure and content in the «Memoires» of the famous Polish writer of the late seventeenth century Jan Chryzostom Pasek, who is considered the founder of the Polish literature. Among others, the article considers the main genre features of this narrative (*silva rerum*), its propensity for oral forms, the use of mythological motives and plots, elements typical for Pasek's language.

Ключевые слова: польская литература эпохи барокко, Я.Х. Пасек, записки как эго-текст, картина мира.

Ян Хризостом Пасек (1636?–1701) вошел в польскую литературу и культуру XVII в. всего одним своим сочинением, известным под условным названием «Записки» («*Pamiętniki*»). Некоторые исследователи сомневались в их подлинности и даже в реальности самого автора. Но Ян Хризостом Пасек существовал, история его жизни реконструирована; доказано, что это он, а не какой-нибудь мистификатор, создал выдающийся памятник польской барочной литературы. Многие полагали, что работал над ним Пасек в старости. Возможно, так и было. Возможно, что он составил свое единственное произведение из давно написанных отрывков. Считается, что начал он его примерно в 1656 г., обрываются они на неоконченной записи под 1688 г. Их оригинал не сохранился, «Записки» известны лишь по рукописной копии. Кого не хотят читать, того не станут переписывать, – заметил однажды Я. Парандовский в известной книге «Алхимия слова». Значит, Пасек был востребован. Копия «Записок», кстати, неполная. Отсутствует примерно пятьдесят начальных страниц текста. Есть значительные пропуски и в некоторых главах.

То, что Пасек оставил после себя «Записки», не было чем-то исключительным для его времени. Многие тогда фиксировали на бумаге основные события своей жизни, т.е. занимались писанием, но еще не писательством. Они работали в жанре многосоставном и открытом. В него входили жизнеописания, документы, сведения об изменениях в составе семьи, о похоронах и бракосочетаниях, о военных походах. Вписывали в них и чужие тексты, поэтические и прозаические. Так скла-

Софронова Людмила Александровна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

дывался популярный жанр эпохи – *silva rerum*. Он являет собой эго-документ и относится к так называемой субъективной литературе, т.е. литературе для себя и о себе. «Современная европейская культура обязана XVII веку, помимо всех прочих культурных начинаний, составляющих ныне ее сущность, еще и утверждением, если не открытием, тех бесчисленных форм и видов выражений духовной жизни человека, которые мы обобщающим образом называем субъективными [...] Он обеспечил легитимацию субъективности и форм ее выражения в духовной, интеллектуальной и художественной жизни человека» [1]. Вот как строился один из таких эго-текстов: «Полная [...] рукопись состоит из нескольких частей: обращения к детям (завещания), краткого генеалогического очерка о предках, своей биографии и воспоминаний за 25 лет, самостоятельного обширного фрагмента «Описание войн», продолжения автобиографии» [2. С. 239].

Нельзя сказать, что «Записки» Пасека стали формой выражения его духовного мира. Внутреннее Я автора отразилось в них слабо, как и событийный ряд его жизни. Из его сочинения мы узнаем, что был он средним польским шляхтичем, учился в иезуитской школе в Раве, воевал, бывал на сеймах, занимался хозяйством, торговал зерном, судился с соседями. Биография Пасека мало чем отличалась от других биографий того времени. Хотя, по собственным словам автора, главная цель «Записок» состояла в том, чтобы показать «*cursum*», «*dukt*» своей жизни, – об этом говорится не раз – он постоянно от нее отвлекался: «Вот московские экспедиции; не пишу о них, потому что это не хроника, а только течение (*dukt*) моей жизни» [3. С. 424]. Перед тем как показать, что более всего интересовало автора, кратко остановимся на специфической особенности «домашней», или «бумажной», литературы.

Частую «силъву» создавал не один человек, а несколько поколений. Так истории жизни многих, в идеале целого рода, определяли «сквозное действие» эго-документов XVII в. Род – в представлениях той эпохи – не был изолирован от времени, в котором существовал, поэтому его брали в раму истории, т.е. вписывали в события общественной жизни. Хотя по поводу исторического сознания еще никто не рефлексировал, оно уже запечатлевалось в подобных сочинениях. История тогда осмыслялась «в той или иной связи с историей человеческого рода в целом. И в этом случае «память рода» предстает уже не как бессознательный, автоматически действующий инстинкт, а как культура, которая создается и воспроизводится человеком в процессе сознательной целеполагающей деятельности» [4]. Пасек один трудился над своим сочинением, его интересовало родство по горизонтали, а не по вертикали, но он высоко ценил память рода, что отразилось в созданном им портрете рыцаря-сармата. Он предпочел не прочерчивать историческую вертикаль и писал о современных событиях, в которых ему приходилось участвовать или о которых он слышал занимательные рассказы. Так в «Записках» сформировалась «индивидуальная» историческая рама. В ней автор появлялся наравне с другими персонажами, т.е. выступал действующим, что характерно для эго-документов.

Кроме того, рамочная конструкция в «Записках» переместилась в пространстве текста, приблизилась к его семантическому ядру и одновременно распалась на отдельные зарисовки не только исторических событий, но и повседневности, которой обычно не интересовались авторы других эго-документов. Пасек же обратил на нее внимание. История и повседневность не раз перевешивают по значимости биографию автора и даже главенствуют над ней. Так формируется чрезвычайно значимая семантическая антитеза «Записок»; определяющими для них являются самые разные формы антитечности.

Сочинение Пасека трудно причислить лишь к одному жанру субъективной литературы, оно принципиально открыто, достраивается и перестраивается на протяжении всего повествования. Оно вобрало в себя жанровые приметы дневника, биографии, воспоминаний, путевых заметок. «*Cursum*» жизни автора вырисо-

ываается в них неясно. Лаконично рассказывает он о жизненных «вехах», нет в нем исповедальных интонаций. Ослабив собственно биографическое начало, не настаивает он и на мемуарности и крайне редко обращается к концепту памяти. Если считать «Записки» не дневником, а воспоминаниями, это мало что меняет. Они лишь перемещаются в ряду однородных жанров, а автор продолжает выражать собственную точку зрения, распространяя ее на широкий социальный контекст. Путевые заметки, к которым время от времени он обращается, посвящены только военному времени и похожи на развернутые реляции с поля боя. «Записки», следовательно, представляют собой синтез бытовавших в XVII в. эго-текстов. Пасек свободно переходит от одного жанру к другому и контаминирует их.

Заметим, что авторское Я сохраняет в них сильную позицию – это очевидно при сравнении с позицией в тексте «объективной» реальности. Анна Зализняк так говорит о дневнике: «О чем бы в нем ни писалось – о событиях личной жизни или социальных переворотах, излагаются ли мысли – и переживания автора или приводятся понравившиеся цитаты или услышанный обрывок разговора, пишется хроника текущих событий [...] это документ о личности пишущего, и именно как таковой пишущим воспринимается» [5]. Ее наблюдения целесообразно распространить на всю субъективную литературу, где «объективной» реальностью управляет автор. Он фиксирует для себя приметы времени, делает записи об исторических событиях, в том числе и для того, чтобы выразить свое к ним отношение. Нельзя сказать, что из «Записок» можно почерпнуть новую историческую информацию, зачастую она явно не точна. Пасек не ставил своей целью представить в особом свете и повседневность. Только непривычный быт датчан и турок, в меньшей степени русских, он описывал достаточно подробно. В остальном, повседневность дана довольно скупко, но Я. Тазбир полагает, что сочинение Пасека особенно ценно тем, что в нем представлена обычная жизнь шляхтича XVII в. [6. С. 34]. Следует заметить, что не только повседневность мирной жизни, но и повседневность войны занимает автора. Он постоянно пишет о тяжелом солдатском труде, о жизни на постоях, о том, как солдаты спасали свои стада и берегли коней, считавшихся главной военной добычей наравне с оружием.

Хотя история и повседневность существенно не дополняются при прочтении «Записок», видятся они по-особому. Это происходит потому, что автор выражает к ним личностное отношение и как бы растворяется в окружающем его мире, в который он постоянно всматривается. Не случайно многое из того, за чем он наблюдал, называется зрелищем (*spectaculum*). Так «картинки» истории и повседневности утрачивают статичность, приобретают динамику и вписываются в пространство, организованное особым образом. Приписаны им и временные измерения. Процесс фиксации событий самого разного характера, интересующих Пасека, превращается в акт творчества, что нарушает канву субъективного повествования. Но окончательно эго-текст не становится литературным произведением. «Записки», если так можно сказать, являют собой «чистую» смешанную форму, ее поддерживает противопоставление основных составляющих, как и особенности повествования.

Внутри повествования, которое нельзя считать полностью оформленным, возникают фрагменты. Фрагментарность характерна для субъективной литературы. «Среди черт, присущих дневниковой прозе [...] следует назвать и ее неорганизованность, фрагментарность, отсутствие общей идеи или концепции текста в целом» [7. С. 114]. Фрагменты эти отличаются от повествования, так как являют собой законченные рассказы. Не вырываясь за пределы повествования, некоторые из них его лишь расширяют, активно влияя при этом на ближний контекст. Другие напрямую не соотносятся с повествованием, что подчеркивается специальными вводными и/или заключительными фразами. Это рассказы-вставки. Все рассказы испытывают влияние погодных записей, постоянно нарушающих предписанные

им рамки. Вдобавок они не всегда достигают законченности и могут останавливаться на уровне сценария. События тогда лишь называются или просто перечисляются. Из них могли бы вырасти рассказы, что случается не всегда. В результате бесчисленные сообщения о наступлениях и построении войск, об их перемещениях по дорогам войны как бы «оплетают» рассказы и одновременно разделяют их, не позволяя соединиться между собой, что еще раз подчеркивает смешанную природу «Записок» и их антитетичность.

В рассказах легко вычлениаются микросюжеты, иногда в чем-то сходные между собой. Они не складываются в макросюжет «Записок», взятый в пространственно-временную раму и испещренный клишированными связками и повторами. Это не мешает возникновению целостной и одновременно пестрой картины эпохи, в которую жил автор, отнюдь не настаивающий на целостности и прозрачности своего сочинения. Он постоянно запутывает читателя, делает отступления; из них, собственно говоря, и состоит все его произведение. Эти отступления, по правилам риторики, называются дигрессиями, как, например, краткий рассказ об исчезновении денег, предназначавшихся для выкупа пленных. Также назван маленький трактат, посвященный дружбе. Внутри отступлений также встречаются отступления. Так появляются дигрессии в дигрессии, что значительно усложняет повествование, антитетичное по своей внутренней структуре.

В обширных периодах автор использует такую фигуру речи, как амплификация (нагромождение). Слова здесь теснятся и как бы «наускаивают» одно на другое, речевые конструкции варьируются, обычно с небольшими изменениями. Амплификации противостоит асиндетон (бессоюзие), Пасек не раз выстраивает краткие энергичные высказывания, обычно из глагольных форм. Амплификация в «Записках» перестает быть только фигурой речи и становится основой всего повествования. На мощном фоне разножанровых показателей субъективной литературы формируются собственно литературные произведения, рассказы, правда, неспособные собраться в единое целое. Не обращая внимания на то, что в сочинении Пасека отсутствует общая сюжетная канва, А. Мицкевич был уверен в том, что он создал исторический роман. Автор не выступает его единственным героем, не только вокруг него собирается действие. Героев в его сочинении множество, и действия они совершают самые разнообразные, но в рамках единого времени и пространства.

Рассказы, хотя и не изменяют полностью первичную природу «Записок», «подталкивают» их к художественной литературе. Они начинают перестраиваться, но не окончательно. Эго-документ не пускает их в литературное русло, они как бы застывают на пути от субъективной литературы к художественному нарративу. Переход, совершающийся внутри текста, остается незавершенным. Механизмы трансформации вступают в противодействие с традициями, память культуры препятствует им и встает на защиту эго-документа. Так удваивается «смешанность» «Записок», в них явственно проступает антитетичность: не только жанры субъективной литературы теперь переплетаются между собой, они вступают в отношения с жанром литературным. Множится и фигура автора, круг его функций расширяется. Он уже не только ведет записи о тех событиях, участником которых был, представляя себя действующим. Пасек выступает рассказчиком, иногда передает слово другим, но чаще пересказывает чужие истории сам. Он не пытается скрыться от читателей и выступает под собственным именем.

Принципы «смешанности» и антитетичности распространяются и на слово — оно оказывается двойственным. Необработанное слово эго-документа прежде всего информативно, оно противостоит эстетически оформленному слову рассказа. Устная его природа не подлежит сомнению. Судя по всему, рассказы составляли часть бесед, в которых участвовал Пасек, рассказывая сам и прислушиваясь к речам других. Видимо, он бесчисленное число раз «исполнял» свои рассказы,

перед тем, как переложить их в письменный текст. Рассказывая, Пасек-автор говорит и за своих героев, сочиняет для них монологи и диалоги. Он дает право голоса крестьянам и королям, гетманам и солдатам. Так как обучение в иезуитской школе не пропало даром, по всем правилам риторики составляет речи, свои и чужие. Из них особо выделяется речь апостола Петра – тот упрекает шведов за их недостойное поведение по отношению к полякам. Также проповеди перед боем разряжают «Записки». Орации священников, выступления депутатов сейма и самого Пасека то в церкви при посвящении дочери его друга в монахини, то перед самим королем контрастируют с перепалками солдат на поле боя и в харчевнях. «Записки» же становятся развернутым примером речевой коммуникации эпохи. Диалогическая речь в них развита наравне с речью монологической.

Различно в сочинении Пасека не только живое слово, но и слово документов эпохи, как и положено в эго-текстах. Это личные и официальные письма, некоторые из них приводятся полностью, другие лишь пересказываются, как письмо отца или одно послание гетмана Чарнецкого. Вокруг писем завязываются сюжеты, ср. обмен письмами с датской возлюбленной. Пасек и его несостоявшийся тесть также обмениваются письмами, но они запаздывают. Поэтому он успевает жениться на другой. Автор внимательно следил за письменным этикетом, ревностно относился к формульным приветствиям и именованию адресата. Написанная им самим по всем правилам «Инструкция» для равских депутатов вошла в «Записки», как и королевские указы. Он хранил официальные послания, в чем видится не только тщеславие или бережливость, но и отношение к письменному слову. Из множества голосов складывается языковая личность автора, или образ автора (термин В.В. Виноградова). Это «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [8. С. 118].

Как автор исторического романа, впаивающего в эго-документ, Пасек не раз сочиняет, переписывает реальные события, явно не заботясь о достоверности, на что обращают внимание исследователи: «По отношению к его тексту следует соблюдать дистанцию, что позволит воспринимать повествование автора с известной долей критицизма» [9. S. 58]. С нашей точки зрения, это повествование и не должно претендовать на абсолютную точность. Его автор не настаивает на том, что все им написанное соответствует действительности и является истиной, в чем видится проявление художественного начала, во многом определяющего природу его сочинения. В гораздо большей степени, чем точность, его занимало сохранение увиденного и пережитого в слове. Об этом свидетельствует и авторская избирательность. Материал, предоставленный ему самой жизнью, Пасек тщательно препарирует и отбирает тот, который считал необходимым. Охотно преувеличивает или преуменьшает – в зависимости от ситуации – значимость некоторых событий, «пересчитывает» численность войск, своих и вражеских, как и количество добычи, взятой на поле боя.

При этом он очень внимателен к детали, т.е. для его повествования характерен метонимический подход. Не общий пейзаж, а лопухи и крапива около недостроенного дома, в котором автору пришлось поселиться в Вильне, находятся у него на переднем плане. Пасек не забывает написать, как, придя с войны, солдаты прямоком направились в королевский дворец демонстрировать новые польские моды и вертелись перед королевой, восхищавшейся непривычными нарядами. Далее идут пространные рассуждения об их длине. Воспринимал автор мир и в иных масштабах. Он желал узреть его во всей красе: «у меня всегда была охота мир посмотреть» [3. S. 130]. Находясь вдали от родины, не терял времени даром, «все время старался увидеть то, чего в Польше увидеть не сможет» [3. S. 141].

В том числе, красота привлекала его. Ему было просто необходимо посетить собор, где будто бы Мартин Лютер отпал от католической веры: «Я был очень заинтересован в том, чтобы осмотреть все места, и собор, и кельи, чтобы увидеть красоту, украшенность их; был я даже в келье, где он жил, так как мы сказали, что мы «лютеры», они, доверяя нам, всюду нас водили и показывали эту древность, и рассказывали, как все было, мы же вздыхали» [3. С. 167]. Отнюдь не все, что Пасек видел и чем восхищался, становилось объектом его повествования. Крепость в Ляховицах, по его мнению, очень складная и просто замечательная, притом настолько, что следовало бы о ней написать отдельно. Но не в чужой земле она находится, и многие ее видели и хорошо знают. Следовательно, подробно рассказывать об этом архитектурном чуде нет необходимости. Хотя оно, действительно, замечательно – другого такого нет в Польше, – повторяет автор. В своем сочинении он вспоминает о религиозной живописи, скульптуре, архитектуре. Оставил он некоторые замечания об искусстве слова и моде.

Хотя время от времени Пасек негодует по поводу государственной политики и с горечью пишет о судьбах родины, заданная им самим модальность его сочинения не позволяет предаваться унынию. Крайне редко огорчаясь и явно избегая писать о поражениях и неудачах, он с великой радостью повествует о трудных победах, называя их веселыми. Уверен в том, что всегда можно преодолеть все невзгоды и печалиться не следует ни по каким поводам, а для этого необходимо во всем видеть смешное. Вытащить на поверхность парадоксы, которым всегда есть место в жизни, представить серьезные события в ироническом плане он полагает совершенно необходимым. Этот план во многом определил манеру повествования Пасека, основанную на антитезе: «Языковой механизм иронии состоит [...] в нарушении линейности текста, в одновременном наличии двух смыслов (поверхностного и глубинного), противоречащих друг другу» [10]. Смысловые противоречия внутри высказывания явно дополняют круг антитез, организующих «Записки» как целое.

Таким образом, Пасек явно отступал от реальности, но ведь именно ее – как предполагалось – следовало бы без особых отступлений описывать в эго-документе. По крайней мере, он переиначивал ее, а это значит, что автор занялся писательским трудом, еще, правда, не высвободившись из рамок субъективной литературы. То, что этот процесс происходил, подтверждают его отношения с читателем. Создавая «лес вещей», Пасек должен был адресовать его узкому кругу семьи, друзьям, соседям. Следуя этому правилу, он обращался с назидательными речами лишь к молодым людям, «тем, кто будет читать», к «наследникам» книги. В этих обращениях отсутствует ирония. Напомним, как с присущей ему веселостью рисовал портреты адресатов автор «Новых Афин» Б. Хмелёвский. По его словам, «Академия, всяческих наук преисполненная», пригодится мудрым для памяти, простецам для науки, политикам для практики, меланхоликам для забавы. Пасек же печется лишь о молодых. С его точки зрения, им необходимо пройти школу «общественных наук» на сеймах, помнить, что враг – это тоже человек, знать, что жениться на вдове нужно хорошо подумав. В его речах явственно слышны интонации М. Рея [11. С. 802].

При этом автор «Записок», следуя внутреннему движению его текста к литературе, усложнил отношения с читателем и начал выстраивать их непосредственно через текст, а не только через вводные экскурсы. Оставаясь внутри него, Пасек предлагал читателю разделить с ним его эмоциональные переживания по поводу красот подводного мира, присоединиться к нему в радостном познании природы, но ничему не учил. В этом состоит новизна его общения с адресатом. Так в его сочинении соседствовали идущие от Средних веков поучения, предостережения, назидания и неслышимые авторские призывы к адекватному прочтению текста, осторожные приглашения принять авторскую точку зрения на мир и человека.

На пути от эго-документа к художественному нарративу Пасек явно превращался в писателя, отличавшегося наблюдательностью, умением подмечать детали, способностью сохранять однородную модальность текста. Поэтика барокко, в XVII в. распространившаяся на все уровни культуры, определенно соответствовала его мировидению и избранной им манере письма. Барочный автор, как известно, стремился к синтезу и не скрывал швов между различными жанрами и видами искусств. Он добивался адекватного перевода с одного языка культуры на другой и предлагал им заняться читателю, например, при рассматривании-прочтении эмблем. Синтез этот реализовался не всегда, трансформации, происходившие в пространстве барочных текстов, довольно часто не затрагивали их ядра. Так в разных видах искусств, на их перекрестках, как и на периферии каждого из них, возникали смешанные формы, подобные сочинению Пасека, отвечавшему среднему уровню барокко, хотя оно свободно перемещалось и на уровень низовой. Как и требовалось в его эпоху, автор «Записок» противопоставлял простой стиль «украшенному». Его речи и монологи сконструированы по правилам риторики. Их знание он демонстрировал, когда пересыпал свои выступления латинскими сентенциями. О своей учености он забывал, когда начинал говорить о «простом» на языке повседневности, в первую очередь повседневности войны. Пасек отдавал дань экзотике, которую видел во всем «чужом», высокое у него соседствовало с низким.

Мир в ту эпоху не только ему представлялся постоянно меняющимся, пестрым, «коловоротным». Он, с его точки зрения, и не мог быть другим, так как им правила Фортуна, правда, подчиняющаяся высшим силам. Человек также испытывал ее воздействие. Менял он род занятий, «места действия», как и сам автор «Записок», ненадолго вписывавшийся в определенные ситуации. Испытывая на себе воздействие Фортуны, он ничего не страшился: «Не думаю я, что должен бояться несчастья, которое меня вчера миновало; тот, кто меня вчера спас, тот и завтра меня сохранит» [З. S. 140]. Да и вела она себя по отношению к Пасеку особо, «такая хваткая, такая горячая, что люди вокруг удивлялись, но ведь, как бы я ни решил, хуже или лучше, всего того Бог хотел» [З. S. 452–453]. Переменчивость жизни пошла его записям на пользу и придала им дополнительные «барочные» измерения.

Из приведенных выше цитат следует, что не Фортуна позволяла человеку подняться наверх, чтобы стремительно скатиться вниз и полностью ощутить резкие перемены от счастья к несчастью, которое есть тень счастья. На самом деле всем распоряжался Бог, направлявший человека, целые народы и государства по верному пути, в чем Фортуна ему лишь помогала, выполняя его волю. Она была игрушкой в руках Господа. Ее давно устоявшиеся значения ко времени Пасека уже в значительной мере выветрились, тем не менее, ее светские смыслы явно противостояли сакральному началу.

Независимо от высших сил и их помощников выступают в «Записках» демонологические персонажи, никак не противопоставленные миру небесному, что невозможно в народной славянской мифологии. Они не взаимодействуют с человеком, а лишь «являются» ему, чтобы затем исчезнуть. К ним примыкают странные существа, чью природу определяет оппозиция человек/не-человек. Таким образом, не только антитеза Бог – человек присутствует в «Записках», она дополняется другими, не входя с ними в противоречие. Антитеза светское – сакральное определяет и их семантику, и принципы описания. Очертания человека и мира, передаваемые в символично-аллегорической форме, легко сменяются реальными, бытовыми картинками. Из них собирается мир повседневности, который также антитегичен. Война здесь постоянно противопоставлена миру; время, пространство, человек зависят от этого противопоставления. Кроме того, мир насыщен вещами, они его и характеризуют. Так низкое, в отличие от высокого, приобретает

оплотненность, зримость, хотя и ирреальное способно иной раз материализоваться и принимать вещь в свои границы. Так высокое и низкое, противостоящие друг другу, маркируются по-разному.

Война и мир, составляя главную антитезу мира реального, постоянно смешиваются между собой или чередуются. Над ними возвышается образ рыцаря, который дробится и распадается на конкретных персонажей, современников Пасека или исторических героев, не только Речи Посполитой, но и античного мира. Этот «конструкт» утрачивает условность, попадая в реальные контексты – на театр войны, на государственное поприще или на хозяйство. Так обобщенно-абстрактный взгляд на мир истории и современности проецируется на будничное течение жизни, а она овеществляется под пером автора. Повседневность войны и мира входят в противостояние с условными батальными сценами и идиллическими картинками сельской жизни.

Картина мира в «Записках» была бы неполной без обращения к природе, на фоне которой разворачиваются сражения или идут хозяйственные работы. Ее перемены, как и необычные явления (комета), поражают автора, набросавшего своеобразный «календарь погоды». Напомним, что в такие «памятные книги», как «Записки», обязательно заносились сведения об атмосферных явлениях, как обычных, так и сверхъестественных с точки зрения наблюдателей. В мире природы Пасека не привлекают ее прекрасные, но привычные глазу виды. Зато он любуется таинственным подводным миром, где среди водорослей, словно в лесу, бесшумно блуждают звери морские, рыбы чудесные. Звери земные всегда занимали его воображение, он пытался налаживать с ними контакты. Не только ручная выдра, можно сказать прославившая «Записки», но и зайцы, и лисы слушались Пасека, и все вместе ходили с ним на охоту. Его зверинец, обитатели которого мирно жили друг с другом, можно назвать утопическим экологическим проектом, привлекавшим внимание всей тогдашней Польши. Значит, он не просто солдат, посвятивший своему коню, павшему на поле боя, трогательное стихотворение, не только охотник, он и «естествоиспытатель».

Мир Пасека представляет собой не плоскость, где штрихами намечены привычные для того времени картины истории и повседневности. Он объемен, достроен выходами в мир народной мифологии (гномы, колдуны), в нем происходят контакты со святыми (видение св. Антония Падуанского). Конкретен он в своих очертаниях – описания исторических сражений в «Записках» сходны с теми, что приводятся в современных учебниках и исследованиях. Этот мир населен персонажами, известными иногда только самому автору, а иногда и всей тогдашней Европе, как король Ян III Собеский. Сам Пасек уверенно движется по карте истории вместе с войском гетмана Чарнецкого, участвует в выборах королей и прениях на сеймах и сеймиках. «Каждый землянин участвовал в сеймах, бывал депутатом, занимался общественными делами, голосовал и так или иначе служил Речи Посполитой, частицей которой был» [12]. Нет ни одной стороны жизни, которую бы автор «Записок» обошел своим вниманием в жизни и на бумаге. Поэтому их можно назвать энциклопедией культуры XVII в., естественно, по содержанию, а не по жанровым приметам.

Как известно, историко-культурная информация может быть скрыта в тексте: находится она на его периферии, мелькает в авторских замечаниях, прячется во второстепенных деталях. Бывает и по-другому. Она составляет основной материал, из которого автор строит произведение и который он тут же подвергает рефлексии и интерпретирует. Благодаря такому устройству текста историко-культурная информация, сопровождающаяся авторским осмыслением, выступает на первый план. Таковы «Записки» Пасека. Они могут читаться в двух планах: последовательном, горизонтальном и парадигматическом, вертикальном, т.е. таком, который разрешает считать их своеобразной энциклопедией. Чтение второго плана

достаточно трудно, так как композиция «Записок» не отличается особой четкостью, а повествование довольно запутано, хотя автор и находит для него подходящие скрепы. В них, естественно, отсутствует рубрикация. Историко-культурная информация не сверстана по темам, но в опоре на ключевые слова в них выделяются отдельные тематические блоки, складывающиеся в энциклопедию польской культуры эпохи барокко. В ней есть место человеку с характерным для его времени восприятием окружающего мира и самому этому миру, складывающемуся из отдельных фрагментов на глазах у читателя. «Записки» «передают с точностью воскового слепка все наиболее типичные черты этой части общества (среднего шляхетства. – *Л.С.*) и являются бесценным материалом для познания Польши эпохи сарматизма» [13. С. 20].

Так смешанная природа «Записок» усложняется еще раз. Они не только движутся от эго-текста к литературе, они еще превращаются в энциклопедию, но не такую, которая бы предоставляла читателям общие знания о мире. Во времена Пасека существовали энциклопедии, или лексиконы. Из них можно было извлечь самые разные сведения о божественном и мирском, о географии, медицине и о других полезных науках. Макрокосм в них противопоставлялся микрокосму, описанию подлежало все редкое, небывалое, экзотичное. Информация, содержащаяся в них, могла быть фантастической, что никого не смущало. Подобного рода универсальные компендиумы появлялись и в XVIII в. Бенедикт Хмелёвский в «Новых Афинах» продолжил их традиции, за что его упрекали многие исследователи. «В действительности в вину Б. Хмелёвскому может быть поставлено лишь следование прочным и многовековым традициям космографического жанра, несовместимого с просветительским видением «научной достоверности» доказанного факта» [14. С. 436]. Не от этого жанра ведет свое происхождение энциклопедия Пасека, он не претендует на всеохватность, его не занимает мироздание в целом. «Записки», вышедшие из русла субъективной литературы, как все *silvae rerum*, имеют энциклопедический характер другого типа. Энциклопедия Пасека – это свод знаний о мире и войне, о своем и чужом, о государственной политике и частной жизни, о старопольской кухне и оружии, о моде и этикете. Как видим, диапазон знаний, заложенный в «Записках», достаточно широк, но умозрительные конструкции в них отсутствуют, так как Пасеку чужда абстракция. Он видит мир по-своему, беспрестанно меняет ракурсы наблюдения, детализирует его отдельные картины. Его повествование многоаспектно. Все это придает «Запискам» энциклопедичность особого рода – в ней явственно различимо художественное начало.

Внутри сочинения Пасека постоянно совершаются трансформации, сквозь различные субъективные жанры, стремящиеся к синтезу, пробивается слово писателя. Его рассказы нарушают одномерность повествования и задают важнейшую линию развития польской литературы, продолжающуюся и в настоящее время. В XIX в. романтизм затеял переключку с барокко, что обеспечило Пасеку особое место в польской культуре. Его «должниками», как пишет Я. Тазбир, стали Х. Жевуский и другие «рассказчики» того времени [6. С. 34]. В дальнейшем литературные герои становились похожими на самого автора «Записок». «Можно смело утверждать, что если бы «Записки» не сохранились, то трилогия (Сенкевича. – *Л.С.*) не состоялась бы в той форме, которую она имеет, а Кмициц и Заглоба не стали бы столь яркими и полнокровными персонажами» [6. С. 30]. Огромное влияние на Сенкевича оказал и язык Пасека. «Историчность» его языка формировалась во многом благодаря «Запискам». «Впечатление барочности языка Сенкевича создают стилистические обороты и фразеологизмы [...] солдатского языка, источником которого преимущественно были «Записки» Пасека» [15]. Присутствуют реминисценции «бумажной» литературы XVII в. и в литературе века XX. Писателей привлекает открытость формы старопольских дневников, записок, вос-

поминая, их многожанровость, принципиальная «смешанность» и незавершенность. Близки им авторские позиции того времени: «[...] автор остается постоянно присутствующим «хозяином» произведения, разрастанием текста правит ритм его жизни, события его биографии, в том числе интеллектуальной» [16]. Главное, видимо, состоит в том, что жанр, образец которого создал Пасек и который продолжает жить в польской культуре, способен адекватно выразить национальную ментальность. Он – ее «эманация» [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Солонин Ю. Н., Дудник С.И. Судьба субъективных жанров в контексте европейской культуры XVII–XX веков // <http://anthropology.ru/ru/texts/solonin/genre.html>
2. Лескинен М.В. Событийность и повседневность в сарматских эго-документах // Категории жизни и смерти в славянской культуре. М., 2008.
3. Pasek J. Ch. Pamiętniki / Red. J. Tazbir. Warszawa, 2009.
4. Давыдов Ю.Н. Этическое измерение памяти // <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/25043/25072/>.
5. Зализняк Анна А. Дневник: к определению жанра // <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/2072/2084/>
6. Tazbir J. Pasek jako kronikarz XVII wieku // Pasek J. Pamiętniki. Warszawa, 2009.
7. Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М., 2007.
8. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
9. Głażewski J. Historia i narracja. O epizodzie siedleckim w Pamiętnikach Jana Chryzostoma Paseka // Terminus. 2010. № 2 (22). R. XII.
10. Стародворская Е.В. Иронические высказывания как источник информации о семантической структуре слова // <http://www.rus-lang.com/about/group/starodvorskaja/>
11. Софронова Л.А. О пользе чтения // Софронова Л.А. Культура сквозь призму поэтики. М., 2006.
12. Gloger Z. Encyklopedia Staropolska. Silva rerum // http://pl.wikisource.org/wiki/Encyklopedia_staropolska/Silva_rerum
13. Тананаева Л. И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.
14. Лескинен М.В. От «натуры» к «гению»; традиции нравоописаний европейских народов XVI–XVIII вв. // Текст славянской культуры. М., 2011.
15. Zalejarz K. Słownictwo bitewne jako element języka XVII-wiecznych rycerzy – o modelu archaizacyjnym Henryka Sienkiewicza (na przykładzie «Ogniem i mieczem») // <http://www.podteksty.eu/index.php?action=dynamic&nr=10&dzial=4&id=223>
16. Jarzębski J. Silva rerum // <http://solaris.lem.pl/ksiazki/eseje/sex-wars/179-poslowie-sex-wars>
17. Burkot S. Książka, którą czytam // <http://www.wsp.krakow.pl/konspekt/konspekt6/czytam.html>

© 2012 г. Е.П. СЕРАПИОНОВА

ЧЕШКО-РУССКАЯ ЕДНОТА

В статье анализируется деятельность «Чешско-русской Едноты» в Чехословакии. Определяется круг ее участников, цели и задачи объединения. Делается вывод о значительном вкладе организации в развитие чешско-русских контактов.

The article analyses activities of the society known as Czech-Russian Jednota (Unity) in Czechoslovakia. It delineates the circle of its members, the aims and goals of the organisation. The materials considered let to come to the conclusion about its significant contribution into the development of the Czech-Russian contacts.

Ключевые слова: русская эмиграция в ЧСР, чешско-русское научное и культурное сотрудничество

Несколько лет назад Институтом славяноведения РАН и Славянским институтом АН ЧР был задуман и реализован научный проект под названием «Русская эмигрантская культура и гуманитарные науки в межвоенной Чехословакии: линии профессионального сотрудничества».

В самом деле, без сотрудничества, общения, контактов с чехами и словаками в общественной, культурной и профессиональной областях адаптация и «вживание» выходцев из России в новую обстановку были бы крайне затруднены, а может быть и невозможны. Изучение богатого опыта русских эмигрантов в межвоенной ЧСР чрезвычайно важно и полезно и в наше время, когда миграция населения носит постоянный, а зачастую и массовый характер.

Одной из первых организаций непосредственно ставившей целью взаимное ознакомление с литературой, искусством, традициями, бытом и нравами обеих наций и их сближение на культурной основе стало общество под названием «Чешско-русская Еднота» (ЧРЕ). Слово «еднота» можно перевести и как «объединение», и как «единство» [1. S. 375–397]. Сами члены называли его обществом «Чешско-русского единения» [2. 1924. 7 I]. Возникло оно 28 апреля 1919 г. В приглашении на учредительное собрание в Рудольфинум, подписанном членами подготовительного комитета Ф. Таборским и Б. Морковиным, обозначалась повестка дня. Предполагалось открыть общее собрание, выслушать сообщение подготовительного комитета, избрать председателя собрания, секретаря и президиум, а также центральный комитет из 12 членов, шести заместителей и трех членов ревизионной комиссии. Кроме того повестка дня включала утверждение устава и размера членских взносов. Завершить собрание должна была лекция на русском языке госпожи Мельниковой-Папоушковой на тему «О славянофильских направлениях в современной русской литературе». Собрание предполагалось начать при

Серапионова Елена Павловна – д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена в рамках программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории». Проект «Национальные меньшинства в Центральной и Юго-Восточной Европе: исторический опыт и современное положение».

20 присутствующих [3. Kart. 185. Sl. 1]. Организационное собрание выбрало комитет объединения: старостой «Едноты» стал поэт, переводчик, директор высшей женской школы Франтишек Таборский, его заместителями – профессор Карлова университета, славист д-р Йржи Поливка и профессор консерватории Мирослава Елшлеглова-Пуклова. Функции кассира взял на себя д-р Отакар Цмунт, заместитель директора пражского городского сберегательного банка, секретарем объединения был избран Борис Владимирович Морковин, лектор чешского технического училища, библиотекарем – капитан чехословацкого войска Ярослав Папоушек, администратором – городской районный врач д-р Властимил Клима, ответственной за организацию лекций – преподавательница, писательница и переводчица Анна Тескова [4. С. 21].

Для того, чтобы определить круг участников мероприятий общества и его возможных членов была разработана специальная анкета, в которой надо было указать имя, профессию, место жительства и ответить на вопросы, в том числе: состоите ли уже членом ЧРЕ¹, знаете ли русский язык и в какой степени (в совершенстве, средне, немного, не знаю), бывали ли в России (когда, где, как долго и при каких обстоятельствах), интересуетесь ли какой-то определенной стороной русской жизни и культуры, либо являетесь специалистом в какой-либо области, хотите участвовать в а) языковых курсах; б) в общественных диспутах для русскоговорящих (либо понимающих по-русски); в) семинарах на русском языке (май – июнь) 1) по совершенствованию устной речи (для продолжающих), 2) литературного (русская литература XIX в.), 3) исторического (общественное движение в России в XIX в.), 4) экономического (русская денежная система), 5) школа русской declamation; г) семинарах либо кружках на чешском языке для изучения разных сторон русской жизни или отдельных проблем (социально-политическая жизнь, экономические, аграрные вопросы, кооперация, религиозные и философские проблемы, школа и народное образование, изучение Сибири, Кавказа и других частей и т.п.). Актив ЧРЕ также интересовался, можно ли рассчитывать на сотрудничество и помощь и в каком направлении (лекции, участие в дебатах, работа в библиотеке, читальном зале, канцелярская работа, пропагандистская или организационная деятельность, работа в провинции и т.п.). Последний пункт анкеты предполагалось заполнить тем, у кого были конкретные предложения по расширению и углублению деятельности ЧРЕ [3. Kart. 185. Sl. 1].

«Еднота» возникла не на пустом месте. Чешское общество с XIX в. сохраняло определенные русофильские традиции. Еще до Первой мировой войны, 16 февраля 1913 г., в Праге был основан чешско-русский общественный центр. В трех залах Общественного дома подготовительный комитет² созвал учредительное собрание, в котором участвовали представители чешской и русской общественности. Среди учредителей были депутат К. Крамарж, староста Праги Грош с супругами, профессора университета Кадлец, Нидерле, Поливка, Веселы, многочисленные члены «Славянского клуба», жившие в то время в Праге русские и те, кто долгое время провел в России. Идея создания постоянно действующего чешско-русского общественного центра с воодушевлением восприняли все присутствовавшие.

В молодой Чехословацкой республике значительная часть чехов и словаков была непосредственно знакома с российскими реалиями, имела личный опыт общения с русскими. Я имею в виду возвратившихся на родину «русских» чехов и

¹ Существовало несколько категорий членства: учредитель, действительный член и содействовавший его работе.

² В его состав входили: российский консул В.Г. Жуковский, вице-консул М.В. Назанский, протоиерей о. Н.Н. Рыжков с супругами, с чешской стороны – В. Черны, Я. Прейс, архитектор Й. Шимачек, П. Бауше, К.А. Кучера, Й.А. Шебора с женами, а также Р. Елинкова-Доубкова, профессор Й. Кабеле, редактор Ф. Таборский [5. 1913. 18 П].

словаков, а также военнопленных и легионеров, которые прожили в России достаточно долго, изучили язык, а некоторые привезли оттуда и спутниц жизни³. Удивительно, что часть из них, несмотря на пережитые тяжелые испытания и разочарования, сохранили любовь к России и русским⁴. Поэтому в Чехословакии существовала прослойка людей, живо интересовавшихся русской культурой и сочувствовавших русским эмигрантам, начавшим с 1919 г. прибывать в их страну.

Видные чехословацкие политики и общественные деятели, такие как председатель правительства К. Крамарж, мэр Праги К. Бакса, председатель Земледельческого объединения А. Прокоупек, староста Чешской (с 1920 г. Чехословацкой) сокольской общины и генеральный инспектор чехословацкой армии Й. Шейнер, чешский юрист Й. Фюрих, депутат парламента, публицист А. Гайн, финансисты и банкиры Я. Прейс, К. Свобода и другие призывали поддерживать русских беженцев, завязать с ними контакты, изучать Россию [5. 1919.12 III; 4. С. 20].

«Еднота» ставила перед собой просветительские, информационные, объединительные, а также и благотворительные цели, так как средства от целого ряда мероприятий шли на помощь нуждавшимся⁵.

Русские эмигранты, в массе настроенные на скорое возвращение в Россию, вначале не рассчитывали, что Чехословакия станет для них домом, но все же с энтузиазмом поддерживали идею организации такого рода общества. Они стремились использовать «временное» пребывание в ЧСР для установления профессиональных контактов, приобретения необходимых знакомств, опыта работы в новых условиях, а также для укрепления славянской «взаимности». Перед войной славянское движение в общественной среде России и в Чешских землях получило достаточно широкий размах [9. С. 85–169], а в годы войны целенаправленно велась пропаганда славянского единства.

Общество достаточно быстро развернуло деятельность, успешно организуя взаимное общение чехов, словаков и русских, устраивая разнообразные культурные мероприятия, собирая библиотеку и осуществляя издательскую деятельность. По мысли устроителей общества, это позволяло чехам, словакам и русским общаться, знакомиться с культурными и научными достижениями друг друга, находить взаимопонимание.

ЧРЕ в соответствии с уставом (§ 4 № 2 и § 5 № 2) имело право использовать так называемый Фонд Масарика (МФ) для издания учебных материалов о России, а также публикации избранных произведений: монографий, брошюр и других научных работ о России, рецензий и критических заметок, посвященных культуре, экономике, социальным вопросам, чешских авторов, а также переводы с русского языка. Членом Фонда Масарика мог стать любой, заплативший единовременно либо в течение двух лет членский взнос (200 крон). Члены фонда имели право предлагать на утверждение комитета ЧРЕ работы для дальнейшей публикации по льготным ценам либо бесплатно. Фонд Масарика являлся частью ЧРЕ, им управляла комиссия, состоявшая из председателя, секретаря и трех членов ЧРЕ, избираемых комитетом. Комиссия проводила совещания, на основе рецензий спе-

³ Событиям 1917–1920 годов в России была посвящена специальная встреча членов объединения 17 ноября 1933 г. в Пржибраме, которая закончилась пением галиполийских песен, русских романсов и чешских народных песен. 26 ноября 1934 г. в Праге ЧРЕ совместно с Обществом чехов и словаков из России устроило вечер воспоминаний о Великой войне и создании Чехословацкого корпуса в России, с докладами на котором выступили Н. Ходорович «Россия во время Великой войны» и Р. Рживнач «Чехи и словаки в России 1914–1918 гг.» [6. Т. II. С. 225, 274–275].

⁴ Разумеется, это касалось не всех легионеров, подробнее об отношении к России легионеров, русофилов и славянофильстве некоторых из них см. [7. С. 49–50; 8. С. 189].

⁵ Так, доход от вечера, организованного ЧРЕ в рамках «Дня русской культуры» в 1933 г. целиком пошел в пользу русских инвалидов, а благотворительный концерт студентов Пржибрамского института под руководством профессора Митинского был дан в пользу бедных русских детей (см. [6. Т. II. С. 183, 187]).

циалистов решала, что публиковать и какую цену назначить, ее решения должен был одобрить комитет ЧРЕ. Фонд Масарика формировался из членских взносов, даров и других поступлений, предоставляемых для финансирования его работы. В случае прекращения работы ЧРЕ, средства должны были быть переданы в распоряжение Чешской Матицы для использования в тех же целях [3. Kart. 152. Sl. 47. Sign. P-460].

При обществе действовали музыкальная, культурная, а также ревизионная комиссия, был создан чайный отдел, отвечавший за традиционные чаепития, без которых не обходились концерты и вечера. Почетными членами объединения состояли: общественный деятель и переводчик Антонин Курц, председатель Чехословацкого Красного Креста, дочь президента Масарика Алиса, писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, поэт, переводчик, славист Адольф Черный и прозаик, драматург и публицист Евгений Николаевич Чириков [10. С. 121].

Уже через две недели после учредительного собрания в Рудольфинуме прошло первое мероприятие, организованное объединением: были заслушаны сообщения редактора газеты «Русское дело» И.А. Тупикова, экономистов Иванова и Ф. Матушека на тему «О русской кооперации» [6. Т. I. С. 12], а в июне 1919 г. ЧРЕ пригласила желающих в Швандов театр на пьесу А.Н. Островского «Без вины виноватые» при участии русских актеров [3. Kart. 185. Sl. 1].

Первое общее собрание членов объединения состоялось 16 сентября 1919 г. [6. Т. I. С. 15]. Со вступительным словом на собрании выступил Б.В. Морковин и министр обороны ЧСР Вацлав Клофач. И это неслучайно, так как финансировало общество чехословацкое правительство. На собрании также чествовали эсеров: «бабушку русской революции» Е.К. Брешко-Брешковскую, Е.Е. Лазарева и др. Именно на эсеров как на «прогрессивных русских» вначале и делало ставку правительство ЧСР [11. С. 143]. Многим тогда казалось, что долго большевистский режим в России не продержится, ему на смену придет более «умеренный», и для установления деловых и культурных контактов с новой «демократической» Россией потребуются «свои» люди. Но общество стремилось быть аполитичным. По свидетельству очевидцев, вскоре политика из него была «изгнана окончательно», и общество являло собой «едва ли не единственное место, где социалисты мирно беседуют с представителями буржуазной мысли» [2. 1924. 14 IV].

Действовало ЧРЕ под патронатом Министерства народного образования ЧСР. На некоторых мероприятиях «Едноты» присутствовал президент Чехословакии, высшие представители власти и городской администрации⁶. Иногда Т.Г. Масарик устраивал приемы для представителей русского общества, в которых участвовали и члены «Чешско-русской Едноты» [2. 1924. 24 III]. Общество принимало активное участие в торжествах в честь юбилеев Т.Г. Масарика [6. Т. II. С. 25].

Вскоре Й. Поливка⁷ сменил Ф. Таборского на посту председателя объединения, его заместителями стали чешский общественный деятель и переводчик А. Курц

⁶ В основном это касалось ежегодных празднований Дня русской культуры, одним из активных организаторов которых являлось ЧРЕ.

⁷ Йиржи Поливка (6.3.1858, Энс, Австрия – 21.3.1933, Прага, Чехословакия) – чешский фольклорист, лингвист, историк литературы. С 1895 г. – профессор Карлова университета в Праге. Член-корреспондент Чешской академии наук и искусств, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук (1901). Один из основателей чешско-словацкой литературной компаративистики. Автор капитальных трудов. Его пятитомная «Опись словацких трактатов» (Súpis slovanských rozprávok) до сих пор сохраняет научное значение. Как фольклорист занимался чешским прозаическим фольклором, лужицкомакедонской словесностью, словенским фольклором и этнологией, сравнительным изучением народных традиций. Изучал славянские сказки, большое внимание уделял их художественной форме (Lidové povídky. Prague, 1929–1939. Vols. 1–2; Slovanské pohádky. Prague, 1932). Являлся специалистом по истории древней и современной славянской литературы, русской литературе XIX в. Один из организаторов Первого съезда славянских филологов в Праге в 1929 г. Особенно ценятся его труды по славянской диалектологии.

и филолог, историк литературы и издатель Е.А. Ляцкий, а членами комитета русские профессора С.В. Завадский, А.В. Маклецов и М.Л. Слоним. В актив ЧРЕ бессменно входила и А.А. Тескова. Живое участие в работе культурной комиссии принимала госпожа Курц. Правление ежегодно переизбиралось и работало безвозмездно. В 1928 г. в него входило уже более 20 человек. Ежегодно проводились общие собрания, на которых заслушивались отчеты о деятельности общества за год, избирался комитет, ревизионная комиссия, члены отделов (музыкально-драматического, библиотечного, по работе в деревне и др.)⁸. Членам «Едноты» выдавались удостоверения сроком на один год. В начале 1920-х годов общество располагалось по адресу: Прага-II, Катержинская ул, 40. В 1930-е годы, после смерти Й. Поливки, ЧРЕ возглавляли д-р Я. Калла, затем Я. Ирасек.

Объединение действовало весьма активно, устраивая практически каждую неделю, за исключением летних месяцев, по два вечера: музыкальные вторники и литературные субботы. Иногда на одной неделе проходило и три мероприятия, когда к литературно-музыкальным вечерам добавлялся доклад либо лекция. В программу «Русских вечеров» входили любительские спектакли, концерты, танцы и чаепития. При объединении существовал драматический кружок. В 1921 г. при «Едноте» возникло товарищество русских оперно-драматических артистов. В музыкальных вечерах и концертах участвовали русские и чешские оперные певцы, артисты Чешской филармонии, ансамбль балалаечников, русский хор.

Конечно, в одной статье не представляется возможным (да это, наверное, и не к чему⁹) подробно на примерах описывать двадцатилетнюю деятельность Общества, но, чтобы составить себе представление об интенсивности его работы в «разгар» проведения «русской акции помощи», возьмем, достаточно короткий период: весну 1924 г.

1 апреля 1924 г. ЧРЕ организовал концерт с участием мастера игры на флейте Я. Вондражка и хоровой студии по руководством Н.Л. Вареновой, в репертуар которой входили арии из опер «Князь Игорь» и «Жизнь за царя» [2. 1924. 7 IV].

6 мая 1924 г. многочисленные гости «Едноты» тепло приветствовали выступление М.В. Мустановой, исполнившей романсы Рахманинова, Гречанинова, Пахомова на слова Ратгауза и арии из «Пиковой дамы» [2. 1924. 12 V].

13 мая 1924 г. известный бас Щастный спел несколько комических народных песен, а певица Гросманова – арию «Азры» и ряд романсов с музыкальным сопровождением на рояле Г. Подашевского [2. 1924. 19. V].

В салонную программу обычных выступлений иногда вносили разнообразие исполнители народной музыки. Музыкальный вечер 20 мая 1924 г. носил чешский народный колорит: музыканты, одетые в живописные шумавские костюмы исполняли народные мотивы на оригинальных инструментах: «шалмее» (прототип кларнета) и «дуде» (своеобразной волынке из козьего меха). Деревенская музыка сменилась, как сообщал хроникер «Огней», «шаловливыми» танцами «слечны» (мисс) Новаковой под музыку Рябикова. В этом же вечере приняла участие Е.П. Германова, спевшая несколько романсов под аккомпанемент скрипки В.К. Ромишовой [2. 1924. 26 V].

Литературные вечера посвящались русским и чешским писателям и часто устраивались совместно с Союзом русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике и Русским народным университетом [12. С. 151–152].

⁸ Отчет за 1920 г. заслушивался на общем собрании ЧРЕ 28 февраля 1921 г. в большом зале Мещанской Беседы (см. [3. Kart. 152. Sl. 47. Sign. P-466]).

⁹ Чешские коллеги в 2000–2001 гг. издали двухтомную «Хронику культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике», где в основном указываются почти все мероприятия, организованные «Еднотой».

В субботу 29 марта 1924 г. в японском зале отеля «Беранек» с большим успехом прошел литературный вечер, посвященный чествованию 60-летнего юбилея знаменитого чешского поэта И.С. Махара¹⁰.

10 мая 1924 г. литературный вечер был посвящен современной чешской поэзии. Вела вечер А. Тескова, которая и познакомила слушателей с основными направлениями чешской поэзии. Переводы из И. Волкера и К. Библа прочел П. Потемкин. Произведения молодых чешских поэтов читал артист театра на Виноградах Выдра [2.1924. 12 V; 19 V]. Вход на мероприятия «Едноты», как правило, был свободным.

Всего в 1920-е годы объединением было проведено около 600 литературных и музыкальных вечеров. В 1930-е годы интенсивность работы практически всех общественных организаций русских эмигрантов снизилась из-за свертывания «русской акции помощи», экономического кризиса рубежа 1920–1930-х годов, отъезда многих эмигрантов в другие страны. Естественно, что эти проблемы касались и ЧРЕ. Однако его деятельность продолжалась¹¹. Лишь 15 июня 1939 г. на общем собрании ЧРЕ было принято решение «ввиду полного отсутствия средств» ликвидировать организацию, а ее библиотечное собрание передать в городскую библиотеку [6. Т. II. С. 506].

Но в середине 1920-х годов собрания объединения проходили еще очень оживленно. Нередко по пятницам в японском зале отеля «Беранек» за самоваром собирался клуб «Чешско-русской едноты». Атмосфера этих вечеров прекрасно описана в еженедельнике «Огни»: «На вечерах “Едноты” людно, оживленно и в то же время необычайно спокойно. Может быть, эти вечера так тем и привлекают посетителей, что в них именно разлито настроение непринужденности [...] Общей благодушной атмосфере много содействуют и присутствие двух огромных, ярко начищенных, истинно русских самоваров, находящихся под опытным управлением очаровательных хозяек чайного стола, с печеньями и сэндвичами [...] Звучит чешская и русская музыка [...] поют прекрасные женские голоса – поют так сладко, так упоительно, что русским гостям часто кажется, будто и самовар, и нежные слова пения, и благодушное настроение – все это совершается не на чужбине, а у себя, на родине, где-нибудь на берегах Оки или Клязьмы» [2. 1924. 14 IV].

В статье «Улыбки чешско-русской взаимности» рассказывалось, что заведомыми вечерами были музыканты и певцы, писатели и поэты, переводчики, ученые, гости югославыне¹², легионеры: «маститый юноша, как всегда бодрый и жизнерадостный» В.И. Немирович-Данченко, «типично русский писатель, с душой, наполовину живущей на Волге» Е.Н. Чириков, «всегда рассеянный и слегка растерянный» проф. Е.А. Ляцкий, «прекрасный оратор, умеющий слово наполнить живым чувством» д-р Д. Прохазка, «всегда остроумный и веселый, не знающий времени и лет» проф. М. Мурко, а также «скромные и застенчивые, но в высшей степени усердные деятели ее («Едноты». – Е.С.) – устроительница лекций А.А. Тескова, библиотекарь проф. Зневак, секретарь В.И. Ильинский, он же поэт» [2. 1924. 14 IV]. Автор шуточной заметки, подписавшийся «случайный беллетрист», так заканчивал свой опус: «Одним из украшений этих вечеров является отсутствие длинных “прочувственных” речей. Если речи иногда и допускаются, то к ним предъявляются требования – быть краткими и содержательными. Публика, ка-

¹⁰ Юбиляр, правда, не смог присутствовать, так как находился в Париже, но на вечере была его дочь. С речами выступили профессор Поливка и сенатор Я. Гербен. Произведения поэта на чешском языке читала артистка Будимова, а русские переводы звучали в исполнении П. Потемкина, В.И. Ильинского, О.А. Ильинской и Миролюбова (см. [2. 1924. 24 III; 7 IV]).

¹¹ ЧРЕ устраивало по 1–2 мероприятия в месяц (см. [6. Т. II. С. 19–21. 25, 27, 32, 35 и др.]).

¹² 11 марта 1924 г. на очередном вечере «Чешско-русской Едноты» присутствовали члены Чешско-славянской лиги. Югославян по-русски и по-сербски приветствовали председатель «Едноты» профессор Й. Поливка и Е.А. Ляцкий. От имени югославян короткую речь произнес писатель Драгутин-Прохазка (см. [2. 1924. 17 III]).

жется, любит, чтоб их произносили скороговоркой. Если при этом произносящий вкладывает в них некоторое чувство, то речь может содействовать иногда подъему настроения, даже если она и не бывает понята до конца. Любимым развлечением служат антракты. В антрактах “встречаются”, “сближаются”, “объединяются” и пьют чай. Хорошо на вечерах “Едноты”» [2. 1924. 14 IV].

Кроме вечеров, организовывались лекции, доклады и диспуты [10. С. 119]. В интервью газете «Огни» председатель ЧРЕ профессор Й. Поливка назвал это направление деятельности объединения одним из главных [2. 1924. 7 I]. Проходили они обычно по четвергам. Так, например, в четверг 6 марта 1924 г. в 7 часов вечера в «Чешско-русской Едноте» на Карловой площади в Каулиховом доме, в помещении профессора Нееды состоялся доклад бывшего секретаря Л.Н. Толстого В.Ф. Булгакова «Л.Н. Толстой как мыслитель» [2. 1924. 3 III]. 27 марта 1924 г. профессор А.В. Маклецов прочел лекцию на тему «Борьба с детской преступностью и беспризорностью в современной России». Надо отметить чрезвычайное разнообразие тематики: публичные лекции на русском языке читались по философии, социологии, педагогике, искусству, истории литературы, религии, народному хозяйству [13. С. 349–354]. Многие лекции и доклады посвящались истории и политике России, ее природным богатствам, отношению ЧСР к советской России, особенностям русского характера, русским и чешским философам. 25 октября 1934 г. ЧРЕ совместно с Русским свободным университетом (бывшим Русским народным университетом) и Союзом русских писателей и журналистов провело дискуссионный вечер «Борьба за литературу», посвященный съезду советских писателей в Москве. С основным докладом выступил А.Л. Бем, а в прениях по докладу участвовали Н. Андреев, С.И. Варшавский и А.А. Аргунов [6. Т. II. С. 270].

В самом конце 1919 г. при «Чешско-русском объединении» Б.В. Морковин организовал издательство «Наша речь» с целью издания книг для изучения русского языка и русской литературы [6. Т. I. С. 21]. Издательство публиковало учебники, учебные пособия, русскую классическую литературу в серии «Библиотека “Нашей речи”» (вышло 20 выпусков). В 1923 г. на базе этого издательства возникло новое – «Пламя», которым руководил профессор, историк литературы и критик Евгений Александрович Ляцкий. Это издательство активно действовало до 1926 г. [14. С. 205–214]. Существовало и еще одно чешско-русское издательство Д.Н. Крачковского и А.А. Несси [2. 1924. 26 V].

В октябре 1920 г. «Еднота» открыла Русскую библиотеку [6. Т. I. С. 36], которую можно было посещать по средам и пятницам, а читальню при ней – ежедневно. Библиотека первоначально была укомплектована книгами из лагерей военнопленных. К 1928 г. она насчитывала уже шесть тыс. томов.

В 1923 г. ЧРЕ устроило выставку русских кустарных изделий, собранных одним чешским коллекционером [2. 1924. 7 I].

В 1926 г. при «Едноте» возникла Педагогическая секция под председательством проф. Ф. Лакогого. Она занималась пропагандой введения преподавания русского языка в средних школах, оказывала помощь русским педагогам, организовывала и руководила работой курсов русского и чешского языков, заботилась о нуждах русской молодежи. Благодаря активной деятельности секции в 17-ти средних учебных заведениях стали изучать русский язык, были созданы курсы для начинающих и продолжающих изучение русского языка и курсы обучения чешскому языку.

Была создана Карпаторусская секция общества, организовывавшая изучение культуры и быта Подкарпатской Руси¹³, действовала секция чешско-русской молодежи [6. Т. II. С. 90].

¹³ 14 февраля 1930 г. Д.Н. Вергун выступал в ЧРЕ с докладом «Карпаторусские современные поэты, на вечеру была устроена декламация и исполнение карпаторусских народных песен, 7 мая 1935 г. Карпаторусский отдел ЧРЕ провел торжественное собрание по случаю 16-й годовщины присоединения Подкарпатской Руси у ЧСР, (см. [6. Т. II. С. 21; 313]).

«Еднота» имела отделения в Брно, Малом Болеславе, Будеевицах, Колине, Моравской Остраве, Кладно [15. Д. 5. Л. 43; 57]. Общество объединяло и координировало работу русских кружков и отделений в Чехословацкой республике. Съезд делегатов от местных организаций состоялся в Праге 6 января 1920 г.

С 1920 г. день рождения А.С. Пушкина стал отмечаться в России как национальный праздник. С 1925 г. его празднование стало проводиться и за рубежом. Русское педагогическое бюро в Праге объявило этот ежегодный праздник Днем русской культуры (ДРК). ЧРЕ не только активно сотрудничало с Комитетом Дня русской культуры под председательством С.В. Паниной, но само выступало организатором ежегодных торжественных заседаний в Староместской ратуше и проведения различных мероприятий. Празднования ДРК должно было стать действенным средством против денационализации русских детей и одновременно информировать молодое чешское и словацкое поколение о русской культуре.

В 1927 г. при содействии Комитета ДРК и «Чешско-русской Едноты» пражская издательская фирма Отто взяла на себя издание на чешском языке серии брошюр русских авторов о достижениях культуры в разных областях¹⁴. Как писал в отчете о праздновании ДРК в 1927 г. Н.А. Цуриков: «В Праге чехи – друзья России – не только присутствовали и участвовали в русском празднике, а сами устроили и сами праздновали “День Русской Культуры”. Это замечательное торжество было чрезвычайно внушительно. Оно было устроено несколькими чешскими организациями, и ему предшествовало обращение к учителям народных школ, ко всем культурным организациям, к книжным магазинам и к чехословацкой журналистике с предложением о соответственном ознаменовании этого чешского “Дня”, посвященного русской культуре. На торжественном заседании в зале Пражской городской ратуши выступали тов. председателя Чешской академии наук и искусства, председатель ЧРЕ, профессор университета Й. Поливка, председатель Национального чехословацкого совета депутат А. Прокупек, вице-председатель Земского школьного совета Н. Полицер, известный чешский писатель Р. Медек, профессор литературы Й. Горак. От имени русских с благодарственной речью выступил профессор М.М. Новиков. В конце собрания был исполнен хорал Б. Сметаны “Ты любимая родина моя»» [15. Д. 10. Л. 16об.].

Готовясь к проведению ДРК в 1928 г., «Чешско-русская Еднота» обратилась к учителям национальных, средних и специальных школ с призывом провести 6 июня десятиминутную беседу о русской культуре, к культурным организациям чешской деревни – организовать соответствующее празднования своими силами, к книготорговцам и библиотекарям – подготовить и выложить для обозрения списки имеющейся литературы о русской культуре, а также произведений русской литературы и их переводов, к чехословацким журналистам – опубликовать в газетах и журналах статьи о русской культуре. В 1928 г. торжественные мероприятия в Староместкой ратуше открыл председатель ЧРЕ Й. Поливка, с приветственными речами выступили представители Чешской академии наук и искусств, городского совета чехословацкой столицы, Чешского национального совета (Národní rady československé, NRČ). Ответную речь произнес представитель комитета Дня русской культуры профессор М.М. Новиков. Профессор Й. Горак прочел лекцию «О русской культуре». Вечером 6 июня 1928 г. в Национальном театре состоялась опера Римского-Косакова «Садко». На следующий день Чешская филармония дала концерт из произведений семи русских композиторов со вступительным словом Й. Кржички о русской музыке, который был передан по радио [3. Kart. 355. Sl. 4. Sign. Z-1699].

¹⁴ Таких как: «Русские философы», «Русские государственные деятели», «Русские полководцы», «Русские естественноиспытатели», «Русские техники и изобретатели», «Русские путешественники», «Русские композиторы», «Корифеи русской сцены» и др. (см. [15. Д. 10. Л. 33, 50, 66]).

В 1929 г. по ходатайству «Едноты» в дни праздника учителя в чешских школах разъясняли детям значение празднования русской культуры [15. Д. 4. Л. 3]. Торжественные заседания в ратуше проходили под патронатом Чешской академии, Городского совета Праги, Чехословацкого национального совета, Славянского семинара Карлова университета и Славянского института. На этих заседаниях с докладами о русской культуре выступали доктора и профессора Карлова университета Ф. Кубка¹⁵, Ю. Горак¹⁶, Й. Гендрих¹⁷, М. Вейнгард¹⁸, А. Пражак¹⁹. Во время музыкальной части праздника залы были до отказа забиты чешской и русской публикой. Концерты, в которых часто участвовал симфонический оркестр под управлением Фр. Скупки, ранее долгие годы жившего в России и знакомившего русских с произведениями чешских композиторов, передавались по радио [15. Д. 10. Л. 107об.; 153]. В 1930 г. на торжественном заседании в честь ДРК прозвучал доклад М. Вейнгарда «Русский язык как проявление русской культуры» [6. Т. II. С. 32], а 1931 г. В.А. Францев выступил с речью «О Пушкине» [6. Т. II. С. 75]. В 1932 г. ЧРЕ организовало по случаю праздника выступление Ф. Кубки «Русская культура и мы» [6. Т. II. С. 132], а на следующий год в День русской культуры Я. Славик произнес речь «Чехословацкий народ и русская революция. Пути чешско-русского сближения» [6. Т. II. С. 206]. ДРК в 1934 г. был посвящен Н.В. Гоголю, с докладами выступили Й. Горак и С.В. Завадский [6. Т. II. С. 260]. Обычно в дни празднований русской культуры в театрах давались спектакли русских драматургов.

ЧРЕ принимало активное участие и в проведении «Дня русской матери» [6. Т. II. С. 66; 128; 198].

Объединение в отличие от многих эмигрантских организаций, появившихся как грибы после дождя, но вскоре бесследно исчезавших, продолжало свою плодотворную работу все межвоенное двадцатилетие. Оно просуществовало почти до начала Второй мировой войны (до середины июня 1939 г.) [1. С. 375–396]. ЧРЕ активно сотрудничало с другими чехословацкими и русскими эмигрантскими организациями и объединениями: Обществом чехов и словаков из России, Союзом русских писателей и журналистов, Русским народным университетом, библиотекой Земгора, Комитетом «Дня русской культуры», Славянским институтом, Карпаторусским обществом «Возрождение», объединением «Скит поэтов» и др. Его деятельность представляла собой яркую страницу чешско-русских отношений. «Еднота», безусловно, способствовала взаимному культурному обогащению чехов и русских, создала условия для лучшего взаимопонимания и, конечно же, помогла русским эмигрантам адаптироваться в новых условиях, принять и полюбить Чехословакию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубеникова М. Чешско-русская Еднота в собраниях пражских архивов // «Russia in Czech Historiograph». Studies published by the Prague Group of Russian History specialists. Prague, 2002.
2. Огни. Прага.
3. Národní archiv (NA). F. Národní Rada Česká (NRČ).
4. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага, 1998.
5. Národní listy.
6. Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Прага, 2000–2001. Т. 1–2.

¹⁵ Выступление в 1933 г. на тему «Русская культура и мы» см. [15. Д. 12].

¹⁶ Речь в 1934 г., посвященную 125-летию со дня рождения Н.В. Гоголя см. [15. Д. 4. Л. 11].

¹⁷ Доклад 1935 г. на тему «Из истории проникновения русской культуры на Балканы» см. [15. Д. 4. Л. 14].

¹⁸ Выступление «Воспоминания о выдающихся русских славистах» в 1936 г. см. [15. Д. 4. Л. 17].

¹⁹ Торжественную речь 1937 г. «Россия и словаки» см. [15. Д. 4. Л. 18об.].

7. *Гарбулёва Л.* Образ России в трудах и воспоминаниях словацких легионеров // Мифы – стереотипы – образы. Братислава; Йошкар-Ола, 2010.
8. *Serapionová J.* Osudy legionára: prípad Mikuláš Gacek // *Východná dilema strednej Európy*. Bratislava, 2010.
9. *Сератионова Е.П.* К. Крамарж и Россия. Идеиные взгляды, политическая активность и связи с российскими государственными и общественными деятелями. 1890–1937 гг. М., 2006.
10. Русские в Праге. Прага, 1928.
11. *Савицкий И.П.* Начало «Русской акции» // *Новый журнал (Нью-Йорк)*. 2008. № 251.
12. *Сератионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике в 1920–1930-е годы. М., 1995.
13. *Бубеникова М.* К истории «Чешско-русской Едноты» (по материалам Литературного архива Музея национальной письменности в Праге) // *Зарубежная Россия 1917–1939*. СПб., 2003. Кн. 2.
14. Издательства и издательские организации Русской эмиграции 1917–2003 гг. СПб., 2005.
15. Российский государственный архив Российской Федерации. Ф. 5850. День русской культуры в Чехословакии. Оп. 1.

© 2012 г. А.С. СТЫКАЛИН

СОВЕТСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ В ВЕНГЕРСКИХ СОБЫТИЯХ 1956 ГОДА. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Старая версия советской историографии о том, что венгерское восстание 1956 г. было инспирировано западными спецслужбами, преследовавшими свои подрывные цели, все более открыто реанимируется в российских изданиях последних лет. Однако тщательное изучение архивных документов показывает ее несостоятельность.

In a number of recent publications in Russia, the old concept of the Soviet historiography underlining that the Hungarian revolution of 1956 was inspired by the Western secret services, which were pursuing their subversive goals, has been reanimated. Nevertheless, a more scrupulous archival research demonstrates inconsistency of such speculations.

Ключевые слова: спецслужбы, Венгрия, 1956 г., «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР».

В рассматриваемый сборник [1] включено более 150 документов из Центрального архива ФСБ, РГНИ, РГВА, раскрывающих деятельность советских силовых структур в условиях венгерского кризиса осени 1956 г. Большинство представленных документов впервые вводится в научный оборот (исключение составляют прежде всего донесения министра обороны СССР Г.К. Жукова и председателя КГБ И.А. Серова из Будапешта в ЦК КПСС, публиковавшиеся ранее). Правда, у компетентного читателя складывается впечатление, что некоторые из ранее не публиковавшихся документов все же использовались в 1950-е годы при выполнении определенных политико-идеологических заказов – фабрикация судебного дела Имре Надя (премьер-министра Венгрии, казненного в 1958 г. по обвинению в государственной измене и оправданного Верховным судом Венгрии в 1989 г.), подготовке ряда пропагандистских публикаций, призванных разоблачать деятельность западных спецслужб в Венгрии, а также выступлений советских и венгерских представителей с трибуны ООН при обсуждении доклада специальной комиссии, изучавшей ситуацию в Венгрии после советского военного вмешательства.

Опубликованные в сборнике донесения в центр по линии КГБ (в том числе документы особых отделов при частях Советской армии), а также МВД, министерства обороны, комитета информации при МИД СССР, посольства СССР в Венгрии заполняют существенные лакуны в нашем знании о некоторых аспектах венгерского кризиса, поскольку дают представление о тех конкретных задачах, которые ставились перед советскими спецслужбами в Венгрии в дни «наведения порядка» в ноябре – декабре 1956 г., после решающей советской военной акции 4 ноября и незаконного приведения к власти (на смену утратившему контроль над

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

обстановкой, а главное, вышедшему из повиновения правительству Имре Надя) нового, абсолютно лояльного Москве правительства во главе с Яношем Кадаром. Как выясняется из документов, структуры КГБ и МВД занимались в Венгрии разоружением бойцов повстанческих отрядов, выступивших в конце октября против венгерского коммунистического режима и ввода в Будапешт советских войск для пресечения беспорядков. В их функции входили также охрана объектов, патрулирование и поддержание комендантского часа, сбор оружия у населения (все оружейные склады в стране были фактически опустошены, а число разоруженных спецслужбами людей превысило 3 тыс. человек), ликвидация подпольных типографий. Подразделение МВД СССР осуществляло задержание и арест оппозиционно настроенных лиц (в том числе задержание свергнутого премьер-министра Имре Надя и его соратников при выходе 21 декабря из югославского посольства, где те нашли убежище 4 ноября, и последующую незаконную переправку их в Румынию – в одном из документов дается подробное описание важных этапов этой акции, правда, без необходимых комментариев). Советские спецслужбы были причастны и к разгону оппозиционных демонстраций, а также всевенгерского съезда рабочих советов, на котором могло быть провозглашено создание альтернативной правительству Кадара общегосударственной структуры. Вплоть до конца ноября, в условиях крайней непопулярности нового правительства, массового саботажа венгерским обществом всех его постановлений и явной слабости венгерских силовых структур, преданных новой власти, на плечи советских спецслужбистов вообще ложилась главная нагрузка в деле нейтрализации любой оппозиционной активности. Существенна роль советников из КГБ и в восстановлении венгерских спецслужб после событий 1956 г.

Публикуемые документы раскрывают довольно сильные антисоветские настроения в венгерском обществе, в массе своей не принявшем силового вмешательства извне в целях разрешения глубокого внутривластного кризиса (само пребывание советского воинского контингента на территории Венгрии после вступления в силу в 1955 г. государственного договора о восстановлении полного суверенитета Австрии воспринималось как нелегитимное). В одной из докладных записок ноября откровенно признается, что «большинство населения продолжает относиться к советским войскам недружелюбно и даже враждебно» [1. С. 224]. Это касалось и основной массы пролетариата, и военнослужащих Венгерской народной армии, которая не только не могла быть надежным союзником советских войск при ликвидации вооруженного сопротивления повстанцев, но фактически распалась, многие солдаты и офицеры армии (как и сотрудники полиции) выступали с оружием в руках в повстанческих отрядах либо участвовали в других акциях сопротивления внешней силе. Полицейских нередко приходилось разоружать, а из отделений полиции изымать оружие. Донесения сотрудников КГБ не только раскрывают многообразие форм сопротивления общества новой власти, но и свидетельствуют о тех трениях, которые возникали в ноябре 1956 г. между советским военным командованием и структурами госбезопасности, с одной стороны, и представителями венгерских властей (в центре и на местах), с другой. Не желая выглядеть в глазах широкого общественного мнения в роли коллаборационистов, чиновники разных госучреждений, функционеры местных советов, начальники отделений полиции и т.д. занимали, как правило, более умеренную позицию в отношении противников режима, иногда напрямую саботируя и бойкотировав жесткие меры по нейтрализации оппозиции (жалобы на отсутствие твердого руководства с венгерской стороны – общее место в донесениях сотрудников КГБ СССР в центр). Со всей остротой стояла на протяжении не одного месяца и проблема лояльности правительству Кадара сотрудников венгерских силовых структур.

С особым интересом читаются документы, свидетельствующие о неоднозначных настроениях советских солдат и офицеров, участвовавших в новой «венгер-

ской кампании». Их глубокий, обстоятельный анализ должен стать предметом самостоятельной статьи.

Документы предваряются большой по объему вступительной статьей. Ее концепцию и задачи, поставленные авторами, в определенной мере раскрывает само название: «Инспирированная революция (западные спецслужбы в венгерских событиях 1956 года)». Авторы (кстати сказать, неуказанные) не считали нужным выявлять и анализировать внутренние истоки венгерского кризиса, очевидно, будучи уверенными в том, что драматические события «будапештской осени» были всецело инспирированы извне западными спецслужбами (а также Ватиканом), преследовавшими свои подрывные цели. А потому, по их мнению, оправдан и вполне самодостаточен такой ракурс рассмотрения венгерского кризиса, при котором он представляется лишь важным эпизодом в противостоянии спецслужб в условиях холодной войны. Эта установка нашла отражение не только во вступительной статье, но и в хронологии событий, где содержится подробная информация прежде всего об американских директивах, связанных с деятельностью спецслужб, о том, как планировались и осуществлялись отдельные акции.

Принципиальная позиция коллектива составителей заявлена как в резюме, так и уже в первых строках книги: речь идет о «тщательно спланированной и скоординированной экспансии западных спецслужб против ВНР», рассматривавшейся ими как «слабое звено» в стратегической парадигме советского блока [1. С. 2]. Более того, венгерские события 1956 г. явились якобы одной из первых в истории «цветных» («оранжевых» и т.д.) революций, организованных спецслужбами США и западноевропейских стран во второй половине XX и начале XXI в. [1. С. 3]. За ними последовали другие антисоветские и антироссийские «диверсии» американских и прочих западных спецслужб – в Чехословакии в 1968 г., в Польше в 1980-е годы, в странах Восточной Европы в конце 1980-х годов, а затем, уже после распада СССР, в бывших советских республиках – на Украине, в Грузии, Молдавии и т.д. Венгерские события 1956 г. и украинская «оранжевая» революция 2004 г. рассматриваются, таким образом, как звенья одной цепи.

По мнению составителей книги, «трагический финал венгерских событий 1956 г. не наступил до настоящего времени», отголоски его, в частности, были слышны в протестных лозунгах людей, стоявших осенью 2006 г., в дни 50-летия тех драматических событий, перед национальным парламентом. «Задают ли молодые венгры себе вопрос: что приобрела их страна, обратившись к холодно-расчетливому миру Запада, и что потеряла, порвав почти все прежние связи с Россией?», – вопрошают авторы вступительной статьи [1. С. 62]. Строки, писавшиеся, кстати говоря, еще в период пребывания у власти в Венгрии (до выборов весны 2010 г.) социалистического правительства, для которого тесные экономические связи с Россией были одним из краеугольных камней внешнеполитической концепции.

Действительно, организаторы ряда уличных политических митингов 2006 г. настойчиво пытались актуализировать в историческом сознании венгерской нации память о событиях 1956 г., возродить некоторые символы «будапештской осени». Так, в некоторых массовых действиях тех недель, свидетелем которых был и автор этих строк, открыто имитировались и даже цитировались конкретные формы и проявления массового движения 1956 г., подобно тому как осенью 1956 г. молодежь следовала традициям 1848 г., что проявилось тогда и в выборе маршрутов шествий, и в специфической форме изложения требований в прокламациях из 12–16 пунктов. В 2006 г. основные митинги проходили в эпицентрах наиболее бурных событий 50-летней давности. Толпа, как и в 1956 г., размахивала национальными флагами с дырой посередине – на месте зияющей дыры после 1949 г. красовался герб ВНР. Все это содержало в себе ярко выраженные элементы карнавальности и бутафории. Достаточно сказать об извлеченном из музейных запас-

ников и заведенном, «рычащем» советском танке, призванном, по мнению политиков новой генерации, символизировать преемственность в событиях. Игра на параллелях между происходившим осенью 1956 г. и осенью 2006 г. проявилась во многих митинговых речах. В который уже раз политики, зачастую родившиеся уже после 1956 г., апеллировали к наследию национальной революции для того, чтобы скомпрометировать своих же сверстников в глазах потенциальных избирателей. Между тем, кардинальное различие событий 1956 и 2006 года особенно четко проступало при сопоставлении их внешнеполитических аспектов. Это хорошо понимали и венгерские правые, склонные к националистической риторике. Ведь в отличие от осени 1956 г. теперь уже не было ни малейших оснований говорить хотя бы о минимальном российском вмешательстве во внутренние дела суверенного государства, о стоящих на повестке дня задачах национально-освободительного характера. В силу этого любые попытки проведения параллелей носили заведомо фарсовый характер. Молодежь, митинговавшая осенью 2006 г. у стен парламента, адресовала свои конкретные претензии отнюдь не Москве, а своим собственным властям, не сумевшим справиться с экономическими проблемами. Совершенно некорректной и недобросовестной представляется и попытка составителей рецензируемого труда «сыграть» на параллелях.

Большое внимание во вступительной статье уделяется подробному описанию планов и конкретных действий ЦРУ в отношении СССР и его восточноевропейских союзников с конца 1940-х годов. Цитируемые американские директивы свидетельствуют о том, что в Вашингтоне отдавали несомненное предпочтение мирным средствам достижения своих внешнеполитических целей в Восточной Европе и, кроме того, осознали, что вопреки всем наступательным декларациям, соответствовавшим доктрине «освобождения» администрации Д. Эйзенхауэра, реальные возможности воздействовать на ситуацию в стране, относящейся, согласно ялтинско-потсдамским договоренностям, к советской сфере влияния, были весьма ограниченны. Тем не менее задачи ослабления советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе, поощрения национального коммунизма, «титоизации» коммунистических режимов и т.д. неизменно считались актуальными, на их решение были мобилизованы разнообразные средства поощрения оппозиции, психологического давления на общество, бойкот экономических связей и т.д. Вопрос, однако, заключается в том, насколько эффективны были все эти средства в принципе и какую роль они сыграли в конкретных условиях такого глубокого внутрисполитического кризиса как венгерский осени 1956 г. Полноценный ответ на него невозможен, на мой взгляд, без обращения не только к внешним, но и к внутренним факторам.

Не уделяя сколько-нибудь значительного внимания анализу социально-экономического положения в Венгрии, политики правящей партии, настроений в обществе, авторы вступительной статьи последовательно и при этом бездоказательно проводят версию о венгерских событиях 1956 г. как о «контрреволюционном путче», организованном остатками внутренней реакции при опоре на помощь Запада. Само восстание 23 октября явилось якобы результатом хорошо спланированного заговора, нити руководства которым тянулись за рубеж. Занимавшая монопольное положение в работах, изданных в СССР вплоть до 1988–1989 гг., эта версия была в дальнейшем признана научно несостоятельной и отброшена российской историографией, прежде всего вследствие глубокого изучения большого количества документов, введенных в оборот в 1990-е годы (см. [2]). Составителями рецензируемого сборника документов, судя по вступительной статье, она открыто реанимируется. Ссылки на новейшую литературу носят зачастую формальный характер, историографические достижения последних двух десятилетий игнорируются, в ряде случаев информация некритически берется из работ первой половины 1980-х годов венгерского партийного функционера Я. Береца, выполнявшего

политический заказ по разоблачению «контрреволюции» 1956 г., а в 1989 г. признавшего свою «необъективность». Это касается данных как о масштабах террора в Венгрии в дни октябрьских событий, так и о деятельности западных спецслужб. Круг конкретных персоналий, олицетворяющих собой западное вмешательство в венгерские дела, за неимением достоверных данных по-прежнему весьма узок, некоторые из них (британский военный атташе Каули или приехавший в Венгрию депутат бундестага ФРГ герцог фон Левенштайн) фигурировали еще в обвинительном деле Имре Надя.

Важно при этом заметить, что данный труд является составной частью более широкого проекта, призванного выполнить определенные политические задачи: разоблачить на большом историческом материале непрекращающуюся подрывную антиросийскую деятельность западных, прежде всего американских спецслужб (см. [3; 4]). Если факты не всегда вписываются в концепцию, тем хуже для фактов?

Непредвзятый читатель не может не обратить внимание на противоречие между концепцией, последовательно проводимой во вступительной статье, и содержанием публикуемых документов, по прочтении которых складывается более сложная, неоднозначная, а иногда и совсем иная картина происходившего. Из документов явствует, что, вопреки версии о заговоре, пик активности американских спецслужб в Венгрии пришелся отнюдь не на дни, предшествовавшие восстанию 23 октября, а на более позднее время, уже после 4 ноября, когда в условиях присутствия гораздо большего количества советских войск было еще труднее повлиять на ситуацию. При этом реальные масштабы шпионажа и всякого рода подрывной деятельности, проводимой извне, были и в это время явно не велики – в разных донесениях приводятся цифры от шести до 12 разоблаченных агентов. Многие подозрения относительно «шпионской» работы тех или иных лиц (сотрудников Международного Красного Креста, приехавших в Венгрию с гуманитарными целями; западных дипломатов и журналистов; перебежчиков из Австрии; а также венгерских граждан), их сотрудничества со спецслужбами основывались на предположениях, вовсе не доказанных. И это при всем вполне понятном желании офицеров КГБ показать вышестоящему начальству свою эффективную деятельность по разоблачению вражеской агентуры (кстати, как явствует из документов, многие из задержанных, в том числе иностранные подданные, были вскоре освобождены за неимением доказательств их враждебной деятельности). Наиболее правдоподобными выглядят свидетельства о сборе информации относительно дислокации советских воинских частей в Западной Венгрии в ноябре 1956 г.: в Австрии проявляли обеспокоенность, не перейдут ли советские войска границы под тем или иным предлогом, хотя бы в «погоне» за беженцами – в задачи советских спецслужб входило среди прочего противодействие массовому исходу венгров в Австрию, они активно участвовали в осуществлении пограничного контроля (см. также [5]). Стремясь к получению разносторонней информации о положении в Венгрии, западные спецслужбы делали главный упор на работу именно с беженцами – на территории Австрии, в лагерях для беженцев. Нельзя, впрочем, отрицать и большого интереса западных военных атташе в самой Венгрии к новой советской военной технике.

Вообще случаи задержания лиц, перебежавших в Венгрию из Австрии, были немногочисленными (см., например [1. С. 218]), даже радикально настроенные представители венгерской антикоммунистической эмиграции не торопились на родину, ожидая более решительной помощи Запада «венгерскому делу». Австрийское же правительство проявляло немалую осторожность: венгерские события стали для него пробным камнем политики нейтралитета в соответствии с духом и буквой государственного договора 1955 г. Когда бывший премьер-министр Венгрии (в 1946–1947 гг.) Ференц Надь приехал в дни событий в Вену, его попроси-

ли побыстрее покинуть страну во избежание кривотолков. Не очень поощрялась с австрийской стороны и активность представителей радикальной русской эмигрантской организации НТС на венгерском направлении. Как довольно голословно отмечалось в одном из донесений, «фактически открытая австро-венгерская граница позволила проникновению в Венгрию большого количества реакционного элемента, хортистов и агентуры иностранных разведок» [1. С. 239]. Однако конкретные факты, приведенные в представленных документах, не дают никаких оснований говорить о массовом проникновении с Запада политически активных лиц, а также агентуры иностранных разведок, даже в условиях хаоса конца октября – начала ноября, когда граница в течение более двух недель действительно была фактически открытой с венгерской стороны. Приводимые в одном из отчетов, адресованных в центр в начале 1957 г., данные о том, что до начала ноября на самолетах Красного Креста было доставлено с Запада в Венгрию 500 путчиков, а через западные границы хлынули многочисленные вооруженные группы, в составе которых было около 4 тысяч (!) хортистских и жандармских офицеров [1. С. 391] – плод откровенного мифотворчества, ни один из документов, рассматривающих конкретные факты, не подтверждает даже косвенным образом подобные масштабы активности западных спецслужб в Венгрии. Некритическое отношение составителей сборника к информации, содержащейся в некоторых публикуемых документах, отсутствие каких-либо комментариев на этот счет, сопоставления с другими источниками ставят под вопрос их профессиональную компетентность.

Утверждения об активной подрывной деятельности извне в канун восстания 23 октября выглядят в свете представленных документов особенно голословными. Факты хулиганского нападения на советских солдат, враждебности некоторых должностных лиц к гражданам СССР, антисоветская агитация свидетельствуют скорее об определенных настроениях в обществе, нежели о скоординированной подрывной деятельности. Западный след в подготовке восстания по документам не прослеживается.

Решение об осуществлении, начиная с 4 ноября, крупномасштабной военной акции по свержению действующего правительства И. Надя и приведению к власти нового правительства, принятое Президиумом ЦК КПСС 31 октября (надо сказать, после длительных колебаний), расценивается как безусловно оптимальное: «кто знает, какой еще более страшный счет человеческим жертвам могла бы принести братоубийственная резня в Венгрии, не будь туда вовремя введена мощная, способная сдерживать буйные эксцессы военная сила?» [1. С. 61]. Действительно, крайне жестокие эксцессы как в Будапеште, так и в провинции имели место в дни, предшествовавшие решающей советской акции. Достаточно напомнить о взбудоражившей всю мировую общественность кровавой драме у здания будапештского горкома партии 30 октября, когда жертвами насилия стали десятки человек. Как не без оснований писала 2 ноября одна из самых влиятельных западноевропейских газет, далекая от симпатий к коммунизму «Frankfurter allgemeine zeitung», охота на сотрудников госбезопасности превратилась в последние дни октября в «своего рода спорт» (о правомерности такого сравнения свидетельствуют и некоторые документы, представленные в книге). На свободу было выпущено не только 3,5 тыс. политических заключенных, но не меньше, а, вероятно, даже больше уголовников, что придало происходившим в Будапеште событиям весьма своеобразную окраску и заставило через 12 лет пражских реформаторов 1968 г. приложить все усилия для того, чтобы избежать развития событий по венгерскому варианту. Реальный, немифологизированный опыт венгерских событий 1956 г. (что правда, то правда) стал грозным предостережением для последующих поколений борцов с тоталитаризмом. При всем этом применительно к субботе 3 ноября, дню кануна решающей советской военной акции, можно, пожалуй, говорить о первых симптомах нормализации положения и консолидации, что подтверждает, на мой

взгляд, правоту А.И. Микояна, который настойчиво и тщетно убеждал соратников по Президиуму ЦК КПСС не торопиться с силовым решением.

Мнение о том, что вмешательством в Венгрии Советская армия спасла мир во всем мире, предотвратив более крупную бойню, не ново. Оно вполне перекликается с тем, что говорил Н.С. Хрущев в начале января 1957 г. в интервью корреспонденту итальянской газеты «Messaggero» [6. Ф. 5. Оп. 30. Д. 225. Л. 73]. В устах советского лидера это было, однако, не более чем пропагандистской риторикой, предназначенной на экспорт, ответом на требования западного сообщества (в том числе с трибуны ООН) обосновать правомерность совершенной акции. Неоднократно публиковавшиеся записи заседаний Президиума ЦК КПСС конца октября 1956 г. показывают, что в момент принятия решения Хрущев более реально оценивал ситуацию: «Большой войны не будет» [2. С. 480]. Отсутствие перспективы третьей мировой войны осенью 1956 г. косвенно подтверждают и авторы вступительной статьи. Они не слишком далеки от истины, утверждая, что «никто из западных политиков и стратегов, раскручивая маховик подстрекательских речей и призывая венгерский народ к вооруженному восстанию против “власти Москвы”, вовсе не собирался “умирать за Венгрию”» [1. С. 61].

Поскольку позиции США и деятельности американских спецслужб в Венгрии (и – шире – в Восточной Европе) уделяется столь большое внимание, на этой теме стоит остановиться поподробнее. Важно заметить: несогласие с установкой на демонизацию роли западных спецслужб в венгерских событиях отнюдь не исключает признания необходимости жестко критиковать политику США в конкретно-исторических условиях венгерского кризиса 1956 г. В последние десятилетия и в самих США, и за их пределами немало сделано для ее критического изучения. Хотелось бы особенно выделить книгу венгерского эмигранта волны 1956 г., известного эксперта-политолога по восточноевропейским делам в истеблишменте демократической партии США Чарльза Гати (см. русское издание [7]), убедительно показывающего, что эта политика не отличалась продуманностью и дальновидностью. Концепция «освобождения», лежавшая в основе восточноевропейской политики США с 1953 г., носила в целом декларативно-пропагандистский характер и мало соответствовала долгосрочным американским интересам в Европе (и это независимо от того, в какой мере стоял за ней необоснованный оптимизм в отношении возможностей потеснить «мировой коммунизм» с завоеванных позиций). Освободительная риторика американской пропаганды приносила вред уже тем, что только ужесточала внутреннюю политику коммунистических режимов Восточной Европы, заставляя спецслужбы повсюду выискивать американских агентов, и ухудшала жизненный уровень населения, поскольку способствовала увеличению затрат на вооружение. Кроме того, наступательная риторика не сопровождалась созданием по-настоящему эффективных структур для осуществления разведывательной деятельности: конкретные неудачи американской политики в отношении Венгрии Гати склонен объяснять не только концептуальными пороками (изъянами доктрины «освобождения», впоследствии пересмотренной), но и элементарной нехваткой квалифицированных экспертов-страноведов, в том числе эффективно работающей агентуры ЦРУ в самой Венгрии. Слабость и даже сознательное лицемерие политики команды Эйзенхауэра проявились не только в отсутствии продуманных действий на фоне шумной риторики «освобождения» (для расшифровки аббревиатуры НАТО автор предложил свою, не лишённую остроумия формулу: No Action, Talk Only – нет действия, только разговоры), но и в противоречии между декларируемыми решениями и неспособностью (или нежеланием) проводить их в жизнь.

Заверив в дни венгерского кризиса Москву по дипломатическим каналам в отсутствии интересов США в регионе, относящемся к советской сфере влияния, Вашингтон вопреки всей своей предшествующей «освободительной» риторике

молчаливо согласился с существующим порядком вещей, понимая, что СССР не «отпустит» страну, граничащую с нейтральной, но прозападной Австрией и независимой, хотя и коммунистической Югославией. В то же время США ни разу не призвали повстанцев к сдержанности, что в тех условиях было бы единственно правильным решением. Вместо того, чтобы выступить с конструктивными дипломатическими инициативами (например, с рекомендацией о поездке в Будапешт генсека ООН, или с предложением обсудить вопрос об обоюдном сокращении вооруженных сил в Европе, или ликвидации некоторых американских военных баз в обмен на вывод советских войск из Венгрии), госдепартамент позволил радиостанции «Свободная Европа» пропагандировать заведомо невыполнимые задачи. Декларируя во всеулышание намерение заставить коммунистов отступить, в которое оно и само не верило, правительство США ввело в заблуждение весь мир. Главными же жертвами безответственной политики оказались молодые венгры. Поощряя и подогревая с помощью пропаганды их максималистские требования, администрация Д. Эйзенхауэра (отчасти под влиянием «ястребов», имевшихся в Пентагоне и настаивавших на более решительных действиях против СССР) манипулировала их страданиями, сделав венгерских повстанцев пешками в великой «шахматной партии» (по известной метафоре З. Бжезинского).

Таким образом, американские спецслужбы в ходе венгерских событий оказались не на высоте прежде всего в профессиональном отношении. Они недостаточно глубоко знали внутривнутриполитическую ситуацию в стране и тем самым явно недооценили возможности открытых выступлений оппозиции, оказались к ним неподготовлены, в определенной мере даже «проморгали» начало событий и только в последующие недели, уже в ноябре, стали ускоренно наверстывать упущенное, несколько активизировав (в узких пределах возможного) агентурную работу, усилия по налаживанию связей с оппозицией. Венгерское восстание высветило слабости в работе ЦРУ и ряда других американских структур. Внимательное же прочтение представленных в сборнике документов, в которых есть хоть какие-то упоминания об агентурной деятельности западных спецслужб, скорее подтверждает (очевидно, вопреки желанию составителей книги) правоту построений Гаги, нежели версии о «контрреволюционном путче», инспирированном извне.

Работа над научным аппаратом книги и археографическим описанием публикуемых документов выполнена не только не профессионально, но и крайне недобросовестно. Нет, как правило, ссылок на первые публикации тех документов, которые давно введены в научный оборот, а в данном издании опубликованы повторно. Очень много неточностей в биографических справках, иногда, например, к числу осужденных после 1956 г. в самой Венгрии отнесены люди на самом деле эмигрировавшие, как видная деятельница венгерской социал-демократии Анна Кетли. Неправильно транскрибируются венгерские имена, фамилии, географические названия; составители, не владеющие венгерским языком и источниками на этом языке, некритически переносили в свой труд те или иные сведения из материалов КГБ середины 1950-х годов, не удосужившись перепроверить. Комментарии к документам почти отсутствуют, что противоречит элементарным принципам публикации источников. Соответственно не обращено внимание на явные неточности, встречающиеся в документах. Так, процесс по делу Ласло Райка состоялся в 1949 г., в условиях разгоравшегося советско-югославского конфликта, а не в 1946 г., видный же деятель радикального крыла венгерской оппозиции осени 1956 г. Й. Дудаш к делу Райка не имел отношения.

Во вступительной статье и биографических справках доминирует черно-белый подход, иногда огульно осуждаются как враги коммунистического режима люди, занимавшие весьма неоднозначную политическую позицию. Зачастую не проводится должного водораздела между различными идейно-политическими течениями, представленными в событиях; все политически активные лица, не поддержав-

шие так или иначе советскую военную акцию, безразборно оказываются в одном «контрреволюционном» лагере. Среди них и влиятельный деятель левого крыла партии мелких хозяев З. Тилди, президент Венгрии в 1946–1948 гг. Его партия (формально сохранявшаяся, кстати сказать, и после 1948 г.), будучи однозначно антифашистской с момента своего основания, в одном из документов (как и социал-демократы) отнесена к фашистским [1. С. 81]. Оставить это место без комментариев – не просто научный промах, но определенная политическая позиция. Таким же образом с легкой руки составителей книги в роли «опасного государственного преступника» оказался и один из крупнейших философов-марксистов XX в. многократно издававшийся в СССР и постсоветской России Дердь Лукач, задержанный при попытке выйти из югославского посольства 18 ноября, «благодаря высокой бдительности» сотрудников МВД, вместе с еще двумя «опасными преступниками» (бывшим первым секретарем венгерской компартии З. Санто и ветераном венгерской компартии З. Вашем, около 15 лет проведенным в хортистской тюрьме) [1. С. 347].

Вообще же некоторые штампы в донесениях КГБ 1950-х годов (когда хортистами, к примеру, называли всех оппонентов существующего режима независимо от их убеждений) оказались настолько живучими, что повлияли, как мне представляется, и на составителей биографического справочника. Впрочем, одномерность мышления, заикленность на постоянной западной угрозе (куда более естественная в 1950-е годы, в условиях холодной войны, нежели сегодня) не помешали составителям некоторых донесений довольно адекватно оценивать дефицит народной поддержки действующего правительства, влияние общественного мнения на действия тех или иных функционеров.

Ошибки касаются не только венгерских реалий, но и деятельности советских структур, что вызывает удивление. Так, комитет информации при МИД СССР не был ликвидирован, как утверждается, в 1954 г., а функционировал до 1958 г., что прослеживается и из публикуемых документов.

Иногда в биографических справках можно прочесть явный вздор, например о том, что непримиримый противник коммунизма кардинал Миндсенти в условиях советского военного присутствия мог руководить действиями восставших из американского посольства, в котором укрылся на рассвете 4 ноября. Эта и некоторые другие подобные глупости тиражируются в широком общественно-научном сознании – тираж книги велик по меркам сегодняшней научной литературы (2000 экз.), он вдвое превышает тираж упомянутого фундаментального издания «Советский Союз и венгерский кризис 1956 г.». Кроме того, в отличие от названного издания, рецензируемый сборник издан при финансовом содействии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, что наводит на грустные размышления о целях выполненного политико-идеологического заказа. Особенно, когда дело касается оценок во вступительной статье внешней политики СССР начиная с 1953 г. Меры, принятые руководством СССР после смерти Сталина и направленные на некоторое смягчение международной напряженности, расцениваются однозначно негативно, как ослабляющие безопасность СССР, предпочтение отдается курсу на конфронтацию с Западом. Особое сожаление выражено по поводу увольнения в 1954–1955 гг. из органов нескольких тысяч сотрудников ГБ, в том числе «стоявших у истоков спецслужб послевоенного времени восточноевропейских государств» [1. С. 36]. Можно вспомнить в этой связи генерала М.И. Белкина, главного советника в деле инсценировки осенью 1949 г. процесса по делу Ласло Райка, имевшего большое международное значение: по итогам этого процесса антиюгославская кампания, инициированная Сталиным в 1948 г., вышла на новый виток, Югославия объявлялась страной, находившейся во власти уже не просто националистов и ревизионистов, но шпионов и убийц. Деятельность М. Белкина и его коллег в Будапеште в 1949 г. дала в то время определенные основания од-

ному из лидеров югославской компартии М. Пьяде публично назвать сталинский СССР страной, экспортирующей виселицы в государства своей сферы влияния. Вся рецензируемая книга, вступительная статья, комментарии к ней, биографические справки не только пронизаны апологетикой конфронтационного подхода во внешней политике. Стремление защитить честь своего мундира приводит составителей в лучшем случае к замалчиванию, а в худшем к циничной апологетике преступлений, совершенных при Сталине и осужденных на XX съезде КПСС. Фактическая солидаризация с этой позицией федеральной структуры – Агентства по печати и массовым коммуникациям, вызывает у непредвзятого читателя вполне естественные вопросы.

Выход в свет рецензируемой книги не случаен, отражая наметившуюся в последние годы определенную тенденцию, связанную с ревизией некоторых принципиальных оценок, утвердившихся в нашей литературе с конца 1980-х годов. В декабре 1989 г. Политбюро ЦК КПСС официально признало необоснованность и ошибочность вступления войск пяти стран-участниц Организации Варшавского договора в Чехословакию 21 августа 1968 г. В 1989–1990 гг. подверглась критической переоценке и советская политика в Венгрии в 1956 г., в ноябре 1992 г. первый президент России Б.Н. Ельцин при посещении Будапешта говорил с трибуны венгерского парламента о неправомерности советского военного вмешательства во внутренние дела Венгрии в трагические дни «будапештской осени». Однако судя по отклику некоторых российских СМИ на отмечавшееся в августе 2008 г. 40-летие ввода войск ряда стран-членов ОВД в Чехословакию (особенно показательна публикация сотрудника ИНИОНа РАН А.И. Фурсова в «Литературной газете» [8]), начиная со второй половины 2008 г. кое-кем была предпринята попытка апологетически пересмотреть отношение к отвергнутой М.С. Горбачевым и его окружением «доктрине Брежнева», к теории «ограниченного суверенитета» стран советской (российской) сферы влияния. За этим стоит апология права СССР (как и постсоветской России) на свободу рук в своей зоне безопасности, на широкое применение силовых методов во внешней политике. Распространенным аргументом в пользу правомерности силовой политики является ссылка на аналогичные действия США и НАТО в Югославии и на Ближнем Востоке. Эта позиция все более проявляется и в учебных пособиях по истории, что соответствует официальным установкам, нашедшим отражение в прессе. Как отмечалось в документе государственной комиссии, разрабатывавшей концепцию новых учебников по истории, в прежних учебниках «тенденциозно, в антипатриотическом ключе рассматривается участие Советского Союза в подавлении антикоммунистических выступлений в Венгрии и в Чехословакии в 1956 и 1968 гг.» [9]. Последовательное претворение в жизнь выше обозначенной позиции ведет к отказу от любых моральных оценок при обращении к истории и налагает veto на сколько-нибудь критический подход к освещению нашего недавнего прошлого. Ведь «любая критика преступлений периода коммунизма отдает русофобией и играет на руку силам, ведущим подлую игру против России», утверждает в своей статье А. Фурсов [8]. Отечественные историки, не склонные к безудержной апологетике советской внешней политики, становятся, по его мнению, орудием в информационно-психологической войне, цель которой заключается в том, чтобы «выработать у русских разрушительные комплексы неполноценности и вины, нанести как можно более мощные психодары (так в тексте. – А.С.) по коллективному сознанию и коллективному бессознательному нации, загнать ее в психологически оборонительную позицию». Сторонниками указанной точки зрения последовательно проводится принципиальный знак равенства между антисоветским и антироссийским, что вступает в видимое противоречие не только с научным знанием, но и с обозначенной в феврале 2006 г. при посещении Будапешта позицией тогдашнего президента России В.В. Путина, акцентировавшего внимание именно на нетождественности

советской и российской политики: современная Россия, отмежевываясь от ошибок советской внешней политики, не несет ответственности за решения, принятые в венгерском вопросе осенью 1956 г. Таким образом, любое стремление к выявлению исторической правды о нашем прошлом чревато политическими обвинениями в русофобии, во избежание таких обвинений историки вынуждены не касаться острых тем, возрождается прежний, табуированный подход к отечественной истории новейшего времени. Согласно предложенной некоторыми авторами логике, поскольку критика советской, в том числе сталинской внешней политики в ее конкретных проявлениях расценивается как антироссийский акт, задача «честных» российских историков сводится к апологии советского прошлого, внешней политики СССР и к разоблачению антироссийских происков Запада.

Возвращение к некоторым догмам советской историографии, мало способствующее повышению престижа отечественной гуманитарной науки, вряд ли, однако, получит поддержку исследователей, которые привыкли основывать свои штудии не на идеологемах, а на выверенных архивных источниках. Они не собираются сдавать свои позиции, хотя и подвергаются обструкции определенной части коллег и голословным обвинениям в «антироссийскости». Показательно проведение в 2008–2010 гг. новых международных конференций, публикация их материалов и выпуск ряда документальных сборников и исследований (в том числе выполненных методом «oral history» [10]), проливающих свет на разные стороны и аспекты восточноевропейских кризисов эпохи социализма (особенно серьезные публикации касаются чехословацкого кризиса 1968 г. [11–13]). Поиск исторической истины продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. Сост.: А.А. Зданович (руководитель коллектива) и др. М., 2009.
2. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. М., 1998.
3. Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов / Сост. А.А. Зданович и др. М., 2010.
4. Мурашко Г.П. Чехословацкие события 1968 года глазами КГБ и МВД СССР: размышляя над книгой... // Славяноведение. 2012. № 1.
5. Стыкалин А.С. К истории решения одной международной гуманитарной проблемы. Венгерские беженцы и мировое сообщество. 1956 – 1957 // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XX вв. / Отв. ред. Т.А. Покивайлова. СПб., 2011.
6. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
7. Гати Ч. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006.
8. Литературная газета. № 32. 2008.
9. Новая газета. 2009. 6 VII.
10. Шинкарев Л.И. «Я это все почти забыл...» Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М., 2008.
11. «Пражская весна» и международный кризис 1968 г. М., 2010. Т. 1–2.
12. 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива). Сборник статей / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М., 2010.
13. Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.

«СЛУЖЕБНОЕ» СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века

В статье вводится понятие «служебное славяноведение», которое объединяет ведомственные исследования балканских славян в первой половине XIX в. В этой связи рассматриваются работы русских военных и дипломатических чиновников С.А. Санковского, А.Г. Розелион-Сашальского, Я.Н. Озерецковского, Е.П. Ковалевского и, несколько подробнее, И.П. Липранди.

The article introduces the concept of «official Slavic studies», which defines studies on the Balkan Slavs pursued, in the first half of the nineteenth century, under the patronage of respective ministerial departments. In this regard, the works of the Russian military and diplomatic officials S.A. Sankovskiy, A.G. Rozelion-Sashalskiy, Y.N. Ozeretskovskiy, E.P. Kovalevskiy and, in more detail, I.P. Liprandi are considered.

Ключевые слова: славяноведение в России, изучение южных славян, С.А. Санковский, А.Г. Розелион-Сашальский, Я.Н. Озерецковский, Е.П. Ковалевский, И.П. Липранди.

При некоторых различиях во взглядах на развитие отечественной славистики, ее периодизацию, закономерности исследовательской динамики, дифференцирующие факторы этой области знания и т.д. общим для всех авторов и в целом справедливым является акцентирование внимания на успехах академического (университетского или классического) славяноведения, достигнутых во второй половине XIX в. [1. С. 40–55; 2. С. 11–46; 3. С. 113–136¹; 4. С. 7. Прим.; 5. С. 3–17; 6. С. 8–12]. Обратной стороной принципа академизма при историографическом отборе явилось исключение из сферы интереса историков науки побочных и рудиментарных форм знания (в том числе славистических), сопутствовавших научной институционализации этой дисциплины на протяжении, по крайней мере, части XIX в.

Показателен в этом отношении пример чрезвычайно плодovitого автора, внушительный список опубликованных работ которого [7. С. 16–17] является лишь верхушкой айсберга-наследия, частью покоящегося в архивах, а частью несохра-

Белов Михаил Валерьевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

¹ Специфика историографических исследований А.С. Мыльникова заключена в особом внимании к предистории славистики, ее подготовительному этапу (до XVIII в. включительно), т.е. к доначным в понятиях XIX в. и спорадическим формам знания.

нившегося или необнаруженного, – И.П. Липранди. Даже если принять во внимание репутацию «доносящего по особым поручениям», как назвал его А.И. Герцен в связи с разгромом петрашевцев, умалчивание его имени труднообъяснимо. Ученые заслуги Липранди, в том числе в области славистики, были признаны советскими литературоведами и историками [8. С. 362–391; 9. С. 231–253; 10. С. 203–208], но сведения о нем не попали в словарь «Славяноведение в дореволюционной России» (1979) и коллективную монографию с таким же названием (1988). Лишь в 1989 г. на страницах журнала «Советское славяноведение» в рубрике «портреты» был опубликован очерк В.В. Ишутина о Липранди [11. С. 85–94]². Позднее изучением наследия чиновника занималась М.М. Керимова [13. С. 33–36].

Итак, вытолкнутый со службы то ли в силу скандальных обстоятельств, то ли благодаря своему излишнему рвению, компенсируя неудачи и удовлетворяя амбиции, Липранди демонстрировал познания балкано-славянского мира, приобретенные по ведомственной надобности, очень настойчиво, особенно на закате своей весьма продолжительной жизни³. Статьи и брошюры отставного чиновника приоткрыли завесу над тем узусом знания, который вовсе не предназначался для посторонних глаз.

Проведение «восточной» политики, дипломатические сношения и войны, которые вела Россия с Османской империей в XIX в., контакты с разными этническими и религиозными группами ее подданных настоятельно требовали базовых данных для выработки квалифицированных решений, их верификации и экспертизы. При отсутствии академического знания (до возникновения институционализованного славяноведения, а равно и иных региональных дисциплин, прежде всего востоковедения) роль исследователей и экспертов должны были взять на себя сами чиновники. Труды подавляющего большинства из них оставались неизвестными широкой публике⁴.

В литературе исследовательская деятельность Липранди уже определялась как «практическая» и «прагматическая» [9. С. 272; 11. С. 92], с тем, очевидно, чтобы подчеркнуть ее инструментальный характер. Думается, такая качественная характеристика вводит в заблуждение, поскольку игнорирует институционально-процессуальную прописку этого типа знания. В действительности академическое знание вовсе не исключает притязаний на его практическое использование, а «прагматический» подход в историописании зачастую связывается со способами обращения с прошлым в донанучные эпохи и имеет негативные коннотации. Понятие «служебное» славяноведение (равным образом можно говорить о «служебной» балканистике или «служебном» востоковедении) видится оценочно-нейтральным, адекватным источнику его происхождения и симметричным понятию академического (университетского) славяноведения, уже вошедшему в научный обиход⁵.

² Библиографию работ о Липранди см. [11. С. 93; 12. С. 364].

³ Начало научных и просветительских публикаций Липранди относится ко времени его военной службы в 1830-е годы [9. С. 234. Прим. 10; 12. С. 363]. В письме А.Ф. Вельтману от 16 марта 1865 г., уже после утраты надежды возвратиться на службу, он «недоумевал» по поводу появления на страницах «Чтений в Обществе истории и древностей российских» его статьи о Молдавии и Валахии, составленной «конфиденциально по высочайшему повелению» в 1831 г. Однако тут же предложил редакции через того же Вельтмана другие аналогичные тексты более позднего происхождения [11. С. 87; 14. Ф. 47/II. П. 4. Ед. 18. Л. 28–28об.].

⁴ Помимо Липранди можно назвать еще одно исключение – Е.П. Ковалевского, успешно сочетавшего служебную и публичную арены [2. С. 186–187]. Пример совмещения А.Ф. Гильфердингом [2. С. 121–125] двух поприщ – профессионального слависта и дипломатического чиновника относится к более позднему времени, когда утверждалось университетское славяноведение, и является симптоматическим симбиозом.

⁵ К подобному определению близко подошла И.С. Достян. Один из разделов своей монографии 1980 г. она назвала так: «Изучение Балкан и русско-турецких войн по заданиям военного ведомства и министерства иностранных дел» [10. С. 186–208].

Вместе с тем, служебно-ведомственные исследования, очевидно, не следует изолировать от остального поля познавательной деятельности, как профессиональной, так и любительской, а также от литературной или просветительской практики, поскольку все это осознанно или неосознанно оказывалось арсеналом используемых в работах чиновников систем структурирования знания, классифицирующих схем, оценочных суждений и стилистических приемов. Будучи зависимым от них, «служебное» славяноведение чаще всего не претендовало на выработку целостной концепции изучаемой реальности, и тем более, не вникало в гносеологические проблемы исследовательской работы, а потому являлось иногда наивным и спонтанным, неустранимо эклектичным и ситуативно-обусловленным знанием. Организующим элементом при этом могли выступать наставления вышестоящих должностных лиц (воля государя или министра), а также корпоративно-бюрократические представления о государственном интересе. Необходимо также учитывать степень личной вовлеченности и заинтересованности функционера в экспертной работе, быть может, случайно ставшей его должностной обязанностью, а также уровень его эрудиции и способностей. В статье анализируются работы лишь некоторых дипломатических и военных чиновников первой половины XIX в., изучавших народы Балканского полуострова и представляющих автору статьи наиболее репрезентативными фигурами.

Разумеется, интерес российских центров власти к балканскому миру проявился уже во второй половине XVIII в. с активизацией в екатерининские времена восточного направления внешней политики [15. № 4. С. 48–64; 16. С. 27–30; 17. С. 110–111], а может быть, даже ранее [18]. Однако более внимательное знакомство с этим регионом относится к эпохе наполеоновских войн. «Специальный представитель» Александра I в Черногории С.А. Санковский (1804–1807) и первый дипломатический агент России в Белграде К.К. Родофиникин (1807–1809) получили особые правительственные и дипломатические указания о сборе сведений, касающихся географии, хозяйственного уклада, общественного устройства, военных возможностей, нравов народов, населяющих земли, в которые они направлялись [19. С. 291–293; 20. С. 623–625].

Усердие, проявленное Санковским при выполнении этого поручения, позволило исследовательнице его бумаг И.С. Достян назвать серию подробных, тематически обособленных донесений от 24 октября (5 ноября) 1805 г., шифрованных и затем дешифрованных в МИДе, «описанием Черногории». Первое из них за номером 44 содержит общие сведения (о географическом положении, административном устройстве, системе управления Черногории, характере, обычаях и занятиях ее жителей) и может рассматриваться как ранний образец «служебного» энциклопедизма, комплексного, но обзорного страноведения. Текст донесения испытал на себе влияние нового литературного стиля – сентиментализма. Автор сравнивает горы с развалинами городов, а суровость ландшафта соотносит с воинственным характером и природными «добродетелями» истинного солдата. Конечно, «весьма часто (странные правила чести. – М.Б.) рождают в людях разума необработанного варварское своеволие». Но такой народ «заслуживает внимание любителя рода человеческого» в целях просвещения «несчастливых людей», поскольку насаждение «художеств и ремесел» избавило бы их от нужды и смягчило нравы [15. № 5. С. 66–69]. Несмотря на отдельные замечания, касающиеся дикости и буйств (по тем или иным причинам они были исключены из текста первым публикатором), донесения Санковского в целом проникнуты искренним интересом и симпатией к черногорцам, которая транслируется сквозь призму известного руссоистского концепта⁶. Следует отметить присущую дипломату просветительскую

⁶ Разумеется, концепт «благородного дикаря» начал складываться в европейской литературной традиции задолго до Руссо [21. С. 251–278].

уверенность в силе социальной инженерии, в возможности разумного и быстрого переустройства местного общественного быта. Мотивы славянской общности, исторические и этнографические параллели подобного рода в донесениях Санковского не прослеживаются.

То же необходимо отнести и к донесениям Родофиникина. Сербские реалии просеивались сквозь опыт «просвещенного» чиновника: рабству и невежеству в его сознании противостояли сословные привилегии, которых он здесь не находил, и образованность, хотя бы на уровне элементарной грамотности. Из невежества, по его представлениям, проистекают в одном случае своекорыстие и алчность, в другом – легкомыслие и горячность [22. С. 122]. Сентиментальный подход не выявлял специфики, обращал слишком малое внимание на детали, поскольку, как заметил разделявший взгляды Родофиникина главнокомандующий Молдавской армией А. А. Прозоровский, «народ везде одинаков, без просвещения и понятия о политике не имеет» [23. Ф. ВУА. Д. 394. Ч. 5. Л. 173–177об.].

Важной вехой в подобных исследованиях стало «Статистическое описание»⁷, составленное капитаном генерального штаба А.Г. Розелион-Сашальским по результатам поездки в Сербию в 1830 г. [25. С. 104–116; 26. С. 601–607; 27. С. 211–220; 28. С. 58–68]. Председатель диванов Молдавии и Валахии П.Д. Киселев, написавший инструкции для визитеров, внес в одну из них пункт, выходящий за рамки военных или дипломатических задач. В нем руководителю миссии предписывалось заняться «отысканием древностей, могущих служить полезным материалом для истории, и другими по словесно данным наставлениям учеными исследованиями и изысканиями сего столь мало известного и во многих отношениях любопытного края» (цит. по [25. С. 106]). Хотя эта инструкция являлась лишь прикрытием для проведения военной разведки, Розелион-Сашальский всерьез подошел к решению сформулированной в ней «отвлекающей» задачи (к которой, вероятно, также серьезно относился и сам Киселев). В качестве разделов «Статистического описания Сербии» значатся не только «географическое положение и граница» (пункт 1), «пространство и народонаселение» (пункт 2), «географическое и гражданское разделение» (пункт 4), «качество поверхности края» (пункт 5), «свойства грунта и произведения земные» (пункт 6), «богатство, торговля и промышленность» (пункт 7), «города и местечки» (пункт 8), сведения о порядке управления, судебной системе, налогообложении и т.д. (пункт 9–11), но также материалы о «нравах и обычаях» сербов и их соседей (пункт 3), вероисповедании (пункт 12), «умственном образовании», науках и памятниках древности (пункты 13, 14). Кроме того, автор снабдил «Описание» пространственным историческим введением, которое занимает чуть ли не половину текста (55 листов из 117) [23. Ф. 439. Д. 6].

Необходимо учитывать: ввиду слабой дисциплинарной дифференциации гуманитарного знания и эмансипации его отдельных областей, понимание сущности статистических данных в то время было значительно шире, нежели современное. В результате этого Розелион-Сашальским был составлен ведомственный комpendиум страноведческих знаний о Сербии, опиравшийся как на непосредственные наблюдения или свидетельства, собранные на месте, так и на известную ему описательную литературу. При этом внимание к фольклору, пережиткам язычества, бытовой и духовной культуре сербов, равно как и установление ее сходства с этнографией россиян, ведущее к выводу об общности происхождения славянских народов, выдвигает автора «Описания» на передовые рубежи тогдашней науки.

⁷ «Краткая статистическая записка о Сербии», являющаяся как бы эскизом к основной работе офицера, опубликована в [24. С. 141–172]. В отдельных случаях, по наблюдениям И.С. Достян, приводящиеся в ней данные не совпадают с составленным позднее «Описанием».

Розелион-Сашальский, с одной стороны, разделял просветительскую убежденность своих предшественников (в лице того же Санковского) в том, что «полезные учреждения могут в короткое время сообщить сему народу хорошие свойства, коих он еще не имеет, и употребить суровые его наклонности» [24. С. 156]. С другой же стороны, сознание автора отягощалось ориенталистскими конструктами [29], и, дабы избежать отождествления Сербии с Востоком, к которому принадлежали, по распространенному в то время мнению, все земли к югу от Савы и Дуная, он использовал ряд нейтрализующих приемов.

Угол зрения, лежащий в основе «Описания», осознается и прямо фиксируется во фрагментах, отделяющих «историю» от основной части текста. «Европеец почти нигде не может встретить (в Сербии. – М.Б.) тех удобств жизни, которые для него служат признаком благосостояния и образованности края, но в том виноваты обычаи народа, столь долго носившего узы турецкого рабства, которое препятствовало развитию в нем способностей, влекущих человека к усовершенствованию своего быта, и которое во многих отношениях ввело между сербов образ жизни их тиранов; виновны столь частые войны, опустошавшие Сербию и отучившие, так сказать, ее думать об удобствах жизни, наконец, виновна новость самая настоящего порядка и вещей» [23. Ф. 439. Д. 6. Л. 54]. Авторская рефлексия позволяла признать относительным европоцентристское высокомерие. Условия жизни в Сербии автор «Описания» предлагает сопоставить с другими провинциями, находящимися под властью Османской империи, и в этом случае результат будет иным.

Прежде чем перейти к характеристике коренных жителей Сербии в пункте 3 «Описания», Розелион-Сашальский более или менее подробно останавливается на «свойствах и нравах» валахов и цыган [23. Ф. 439. Д. 6. Л. 58–59]. И те, и другие вызывают у него неприязненные ощущения. Удаленности от цивилизации, в рассказе офицера-исследователя о валахах, соответствует лживость природы как непрменный атрибут «варвара» – стереотип, имеющий давнюю литературную традицию. Еще более отталкивающих, лишенных спасительной иронии характеристик удостоены цыгане с их подозрительным бродяжничеством и непотребными или даже преступными занятиями. Здесь к уже указанным «варварским» характеристикам (нагота, лень, лукавство) прибавляется тема «развращенного Востока». По-видимому, экскурсии в «этнографию» валахов и цыган выполняют в «Описании» Розелион-Сашальского роль контрастно-проблемного фона для повествования о сербах. «Варварские» («восточные») элементы в их образе жизни и обычаях подверглись сравнительному умалению.

Негативному стереотипу «варвара» противостояла модель «благородного дикаря» с его естественной простотой. С нее и начинается рассказ: «Нравы сербов весьма просты. Чиновники, купцы и другие горожане, коих одежда и отчасти род жизни сходствуют с турецкими, не исключаются из сего». Дальнейшее описание сербского «национального одеяния» не акцентирует эти азиатские черты. Напротив, автор подбирает аналоги из традиционного восточнославянского костюма⁸. В описании женской одежды, где влияние показной роскоши варварских и восточных народов более ощутимо, автор предупреждает нежелательные выводы снисходительными ссылками на особенности слабого пола, т.е. прибегает к своеобразной гендерной нейтрализации.

Рождающаяся этнография строилась на интуитивных основаниях. «Описание» содержит любопытный образец физиогномики⁹, позволяющей распознать добрый нрав серба под обманчивыми внешними атрибутами – необходимо лишь вни-

⁸ «Для зимы имеют род суконного зипуна или тулуп». Сербская обувь сравнивается с «малороссийскими постолами» [23. Ф. 439. Д. 6. Л. 59–59 об.].

⁹ О влиянии физиогномических моделей на «визуальную антропологию» начала XIX в. см. [30. С. 95–154].

мательно взглянуть в его лицо: «Физиономия сербов сохранила всю близость к чертам прочих единоплеменных. Они весьма редко имеют совершенно черный цвет волос, но наиболее русый. Лица их, в коих правильности и даже красота не суть редкие явления, представляют выражение мужества и вместе того доброты, которое обещает готовность всякую минуту предаться приятным ощущениям и удовольствиям сообщества, что находится в разительной противоположности с отталкивающей угрюмостью турок. Это есть признак, по которому почти всегда можно распознать серба, хотя бы он был в турецкой одежде» [23. Ф. 439. Д. 6. Л. 60–60об.]. Двигаясь на ощупь, подобная этнопсихология, тем не менее, с неизменной четкостью воспроизводила, как явствует из отрывка, поляриность условного Запада и Востока («своего» и «чужого», славянского и турецкого стереотипа).

Известное воздействие на суждения русского офицера оказало «славянское возрождение», воспринятое, скорее, опосредованно, из западноевропейских или русских источников. Однако автор не склонен был полностью отдаваться стихии «народного духа». Рационалистическое благонравие в «Статистическом описании Сербии» берет верх над романтическими тенденциями. Хотя Розелион-Сашальский отдает должное народной поэзии сербов, завоевавшей признание просвещенной Европы, он оказывается неспособным принять все ее проявления. Те из них, что не вмещаются в классицистические каноны величественной красоты, списаны на пагубное влияние турок. В результате, заказное «Описание» сербского народа в сочинении Розелион-Сашальского выглядит переплетением разноречивых концепций. Взгляд из мира цивилизации, хотя и был подвергнут остранию, сохранил базовую значимость. Доминантным познавательным подходом оставалась сентиментально-русоистская модель, отягощенная неприятием «варварства» и «восточной деспотии». Кроме того, на отдельные выводы «Описания» повлияли официальные оценки ситуации в Сербии из окружения князя Милоша Обреновича в случае, если они совпадали с авторским видением современной истории в свете задач европеизации.

С обострением конституционного конфликта в середине 1830-х годов в Сербии побывал ряд русских дипломатов. Их отчеты касались в основном оценки политической ситуации [31. С. 132–148; 32. С. 27–81]. Однако даже спустя несколько лет после учреждения русской дипломатической миссии в Белграде ее глава Г.В. Ващенко направлял в министерство сведения о местных занятиях и нравах [33. С. 15].

Со второй половины 1830-х годов под пристальное внимание официальных экспертов попадает и Черногория [15. № 17. С. 185–192]. В 1837 г. там побывал жандармский подполковник Я.Н. Озерецковский, отправленный годом ранее с наблюдательной миссией в Вену [34. С. 214–222; 35. С. 155–176]. Инструкцией для этой поездки послужило отношение главы Азиатского департамента МИДа К.К. Родофиникина послу в Вене Д.П. Татищеву от 11 июня 1837 г., где, в частности, говорилось: «Вместе с тем подполковнику Озерецковскому воспользоваться пребыванием своим в Черной Горе, чтобы собрать подробнейшие и положительные сведения о сей стране, доселе во всех отношениях малоизвестной» [36. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 64–65об.].

Поездка сполна удовлетворила ту «страсть к путешествиям», которая, по признанию Озерецковского, была в нем так сильна: «Чем более углубляюсь я в эти огромные горы, тем более найду нового и странного, судя по их началу». Странностей хватало, и один такой случай, произошедший близ Цетинье, новоявленным дипломат внес в первое же сообщение с берегов Адриатики: «Семейство делило жито. Сын заспорил против отца, отец убил его наповал пистолетным выстрелом. Говорят, однако, будто это случилось нечаянно, и отец хотел только пострашать сына» [36. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 66–67, 69–70].

Несмотря на «странности», Озерецковскому не потребовалось много времени, чтобы оценить в первом приближении социально-экономическую и политическую ситуацию в Черногории. 1 сентября 1837 г., т.е. спустя две недели после приезда в Цетинье, подполковник составил обширную записку на имя Д.П. Татищева, копию которой отослал шефу III Отделения с сопроводительным письмом. В нем, в частности, говорилось: «Край любопытный [...] [с] народом далеким от России, но преданным ей до чрезвычайной степени. [Помощь Черногории] [...] есть в прямом смысле помощь человечеству. Она извлечет этот народ из невежества [...] составит его счастье и прибавит новый луч к славе нашего Великого Государа» [36. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 71–72]. Этим надеждам, похожим на мечтания Санковского треть века назад, соответствовали реформы просвещенного владыки Петра II Негоша, направленные на разрушение патриархальных институтов и организацию государственной структуры.

В записке от 1 сентября 1837 г. Озерецковский попытался выделить приоритетные векторы усилий и денежных вливаний, способные вытянуть Черногорию из вековой отсталости. Его мысль при этом наталкивалась на труднопреодолимые препятствия, зримым воплощением которых стал местный ландшафт: «Без сомнения, одна из главнейших надобностей Черногории есть дороги. Их вовсе не существует здесь ни внутри страны, ни даже к крепости Катаро. Глыбы гор, чрез которые пробираются черногорцы в эту крепость, доступны только им одним. Привычка ходить по скалам и утесам, прыгая, так сказать, с камня на камень, позволяет им посещать Катаро – этот единственный пункт, откуда могло бы перейти к ним какое-нибудь понятие о европейском устройстве, и куда с трудом приносят они на базар связками дрова, шерсть, кожи и пригоняют по несколько штук скота» [15. № 18. С. 200]¹⁰.

Необходимо было признать и сопротивление местного населения; просветительский оптимизм дал трещину: «Важные изменения в закоснелых обычаях народа идут, однако медленно: зло ослабевает здесь, но все еще время от времени вспыхивает в прежнем виде и с прежнею силою». Оставалось лишь уповать на волю Провидения и твердость владыки на пути реформ, поскольку, кроме силы правительства, «нет иного способа привести черногорцев в повиновение и заставить их со временем вносить хоть небольшую подать для дальнейших надобностей страны». Своеобразным пряником в этой политике должен стать организованный правительством продовольственный кредит. «Теперь же черногорец не находит талера, если у него требуют онаго как подать, и в то же время найдет червонец, чтобы купить хоть сколько-нибудь патронов [и] пороха!» [15. № 18. С. 201–202].

Озерецковский составил ряд информационных документов о состоянии Черногории и вскоре после приезда в Петербург 24 февраля 1838 г. подал еще одну записку на имя шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа [15. № 19–22. С. 204–225]. В ней косвенно указывалось на необходимость организации самостоятельной наблюдательной службы, поскольку «все сведения, получаемые русским кабинетом о Черногории, так сказать, прогоняемы были через куб австрийских и турецких надобностей, и бедные черногорцы в борьбе за веру и независимость с явным врагом своим Турциею, выкупая кровью каждый шаг земли, окруженные австрий-

¹⁰ В другом месте Озерецковский писал: «Я переходил четыре раза через Кавказские горы, но их огромность смирилась перед молотком и порохом работников, и Кавказ лежит красивый, колоссальный, но достигаемый для всякого. Здесь горы не более как в тысячу сажень выше поверхности моря, но они лежат в первобытной дикости, в том виде и положении, как были они взрыты во дни мироздания. Бедна и необразованна будет Черногория, пока не будет ей дороги к Приморью» [36. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 85–86об.]. Эти параллели подталкивали к идее о переселении «нескольких семей» черногорцев на Кавказ для борьбы против горцев, сторонником которой был и сам митрополит Петр II [15. № 22. С. 224].

ской политикой, турецким оружием, бедностью и нуждами, приобрели название разбойников» [15. № 22. С. 221]¹¹.

В целом же в суждениях Озерецковского о Черногории при сохранении знаковой сентименталистской парадигмы (точнее, ее бюрократической редакции) намечилось преодоление крайних тенденций в изображении местных реалий: автор уклонился как от слепого восторга перед простотой нравов и верой местных жителей во всемогущего царя, так и от снисходительного презрения к детям-дикарям. Отчасти этому способствовало антизападничество, усвоенное Озерецковским из «теории официальной народности». Его замечания порой достигают уровня сбалансированного анализа и технических рекомендаций эксперта.

Эта тенденция получила дальнейшее развитие в деятельности Е.П. Ковалевского, посетившего Черногорию в первый раз в 1838 г. [34. С. 222–229; 37; 38; 39. С. 115–136]¹². Помимо геологических изысканий, ему было поручено собрать сведения по географии и статистике этой страны. Выполняя данный пункт инструкции, Ковалевский составил «Статистическое и географическое обозрение Черногории», хотя и сетовал в сопроводительном письме русскому послу в Вене Д.П. Татищеву: «Может быть, это было сказано так, мимоходом, но я принял это к сердцу и старался выполнить во всей точности волю его (МИДа. – М.Б.)» [15. № 27–28. С. 229].

В «Обозрении» эксперт прямо отказывается от использования в отношении столь специфичной страны «тех начал и понятий, которыми привыкли измерять европейские государства [...] тем более, что сила Черногории и ее политическое бытие основаны не на пространстве страны, не на числе народа, но заключается в духе его, в правлении и самых обычаях, которые заменяют здесь закон и сохраняются точнее, нежели закон писанный» [15. № 27–28. С. 231]. И действительно, Ковалевский попытался концептуализировать свои взгляды на местные реалии с помощью романтического понятия «народного духа». Это не уберегло автора от классифицирующих схем ориентализма – в «Обозрении» дважды подчеркнута: «Этот народ по своей политике и характеру принадлежит к народам Азии» [15. № 27–28. С. 232, 234]. Но в итоговых характеристиках черногорцам достались и те черты, которые в это время нередко приписывались всему славянскому племени, и в частности россиянам, исключая проблематичную воинственность: «Народ, одаренный от природы умом чрезвычайно пылким и переимчивым, храбростью иступленной [...] не терпящий другого вероисповедания, кроме греко-российского, хотя мало прилежный и к нему»; только русское покровительство «может изготовить блестящую участь для этого народа сильного, юного и преданного России безгранично и безусловно» [15. № 27–29. С. 234, 241]. В экспертных заключениях Ковалевского содержатся противоречия. С одной стороны, – пускай приглушенное чувством заведомого превосходства, романтическое восхищение неприхотливой жестокостью черногорцев, с другой – рациональная убежденность чиновника в пагубности этой привычки: «Торговля, образованность, искусство находятся в Черногории в самом бедственном положении. Причины тому недостаток труда, стесненность неприязненными соседями и описанный выше порядок вещей, следствие – повсеместная бедность. Но до какой степени процветания

¹¹ Десятью годами ранее с похожим предложением выступал И.П. Липранди. 3 февраля 1828 г. он подал записку «Об учреждении постоянных агентов и надлежащих корреспондентов (в высших размерах) в Молдавии, Валахии, Сербии, Болгарии и в некоторых районах Австрии и пр.». Она была, по словам автора, «высочайше утверждена» [14. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 62об.–63].

¹² Идея миссии Ковалевского принадлежала Озерецковскому: «Опытный геолог мог бы посетить и рассмотреть Черногорию с большой пользою для науки, а может быть, открыл бы и новую отрасль богатства страны». На полях записки от 1 сентября 1837 г. Николай I в этом месте сделал пометку: «Можно послать офицера горных инженеров» [15. № 18. С. 202–203; 36. Ф. 109. Оп. 2. Д. 132. Л. 80об.].

не мог бы достигнуть этот край!» [15. № 27–28. С. 234]. Однако, «пока время и обстоятельства не изменят народного духа», Ковалевский вслед за Петром II Негошем и Озерецковским предлагал применить способность черногорцев к войне на Кавказе.

Тогда как Озерецковский в 1840 г. не получил одобрения Бенкендорфа на публикацию в каком-либо русском журнале подготовленной им статьи «О политическом положении Черногории» [34. С. 222, 241. Прим. 169], Ковалевскому через год удалось издать целую книгу о своей поездке, и она стала для русской публики первым столь подробным описанием экзотической страны. Одна из лучших в путевой прозе своего времени, книга Ковалевского удачно сочетала в целом адекватное представление о патриархальном быте черногорцев с романтической образностью и картинными зарисовками. И здесь автор прочил «молодому» народу славную будущность: «невеста, готовая под венец, а не под жертвенный нож»; «юное и сильное деревце некогда вырастет высоко, возмужает, окрепнет и широко раскинет ветви свои над тем местом, где будет истлевать полуразвалившийся, отживающий свои века дуб, и, может быть, приютит его под отрадную тень и доставит ему питательную росу» [40. С. 9, 13].

Спустя тринадцать лет сопровождавший Ковалевского в качестве секретаря при его очередном посещении Черногории в начале Крымской войны Н.Д. Ступин констатировал знакомство своего шефа с этой страной «как бы с родиной» и оценивал далее его книгу как эталонную: «Прекрасное, полное описание Черногории г-на полковника Ковалевского, служа верным руководством новому посетителю страны, избавляет его в то же время от труда изображать картины черногорской природы, представлять нравы жителей и все то, что должно и не может иначе быть как оставаться неизменным, неприкосновенным» [15. № 35а. С. 274, 279]. К этой исчерпывающей картине можно было добавить лишь описание курьезного случая, свидетельствующего, тем не менее, «о направлении умов и сердечных движений как в Черногории, так и у южных славян вообще». Представление Ступина секретарем Ковалевского сразу отодвинуло его «в круг сиромахов (нищих), детей и женщин, несущих наши пожитки», и только переаттестация в «адъютанты», т.е. в воина, предпринятая мудрым полковником, позволила «сблизиться до приязни с моими храбрыми знакомцами» [15. № 35а. С. 279–280]. Текст путевых заметок Ступина пестрит романтическими клише («кровавая, огненная стихия» войны, «орлиные налеты» на врагов и т.д.), апробированными применительно к черногорцам его предшественниками¹³. Автор убежден, что «родовое единство происхождения» славянских племен обеспечит союз «неразрывный, неизменяемый ничем, никакою волею, ни насилем, ни обольщением» [15. № 35а. С. 280–281]. От окончательной экзальтации, равно как и от «секретарских» обид, Ступина спасает все то же ощущение превосходства русского европейца над балканскими «полудикарями».

Экспертная стратегия, выработанная Ковалевским в описании черногорцев, применена Ступиным далее и к болгарам¹⁴. Социальная ничтожность гражданской службы в Черногории, познанная на основе личного опыта, стала поводом к рассуждению о различиях в характере славянских племен, поскольку у мирных болгар, «после капиталистов, немного хотя грамотные люди пользуются всеобщим уважением» [15. № 35а. С. 280]. А финальную часть путевых заметок о Черногории их автор, извиняясь за отклонение от темы, специально посвятил проникнутому сентиментально-романтической симпатией и сдобренному покровительственной риторикой рассказу об этом «юго-восточном славянском племе-

¹³ Помимо Ковалевского в романтическую разработку темы внесли вклад Н.И. Надеждин и А.Н. Попов [41. С. 209–254; 42]. О ее отражении на страницах периодики см. [43].

¹⁴ С конца 40-х годов по 1861 г. Н.Д. Ступин служил генеральным консулом в Адрианополе.

ни» [15. № 35а. С. 281–282]. Кроме того, в 1853–1854 гг. Ступин подготовил ряд отдельных записок о болгарах. Они предназначались разным должностным лицам Российской империи и сохранились среди бумаг Ковалевского в копиях, направленных, очевидно, ему для ознакомления. В одной из них он разъяснял ситуацию, сложившуюся в Болгарии накануне Крымской войны, и описывал реакцию населения на ее начало [44. Ф. 356. Д. 435], в другой – характеризовал развитие образования и национального самосознания болгар за последние десятилетия [44. Ф. 356. Д. 436], в третьей – предлагал рецепты для лечения греко-болгарской церковной распри [44. Ф. 356. Д. 435].

Биография самого плодовитого эксперта И.П. Липранди до сих пор вызывает споры и имеет лакуны. И до, и после окончательной отставки он прилагал много сил для укрепления своей служебной и экспертной репутации. Однако приводимые им данные (в опубликованных трудах, переписке и своего рода оправдательной автобиографии – «Записке о службе» 1860 г., отложившейся в фонде Н.П. Барсукова) иногда уклончивы, иногда уточняют, а иногда противоречат друг другу.

Так, в длинном примечании к напечатанным в 1878 г. рекомендациям по организации военной разведки Липранди, доказывая свою компетентность, сообщал: «В бытность мою в Бессарабии, когда возникла гетерия (т.е. в 1821 г. – *М.Б.*), на меня возложено было генералом от инфантерии Сабанеевым и генерал-майором Орловым собрание сведений о действиях турков в Придунайских княжествах и Болгарии, для чего я неоднократно был послан под разными предлогами в турецкие крепости. Ознакомился я с этим предметом при постоянном изучении страны и свойств жителей, из коих каждого племени и разных званий находилось знатное количество в Кишиневе и в других местах Бессарабии, куда они бежали из Константинополя и разных турецких областей. В 1823 году, во время служения моего при кн. Воронцове, на меня возложено было несравненно уже в больших размерах, между другими занятиями, продолжение и этого» [45. С. 53. Прим.]¹⁵.

А в письме А.Ф. Вельтману от 20 октября 1835 г. Липранди отнес начало своего изучения Оттоманской империи уже точно к 1820 г.: «До 1824 г. круг мой был ограничен; но потом сношения с различными фанариотами, проживавшими в Бессарабии и Одессе, – множество других этеристских выходцев, мало-помалу расширили первоначальный объем мой – и, наконец, события 1827, 1828, 1829 и 1830 гг. распространили оный вне даже пределов [Турции]. В сей последний год, проживая в Бухаресте, я соединил все мною собранное, учредил постоянных корреспондентов [...] и таким образом в продолжение почти шести лет здесь, в Тульчине, с помощью богатейших библиотек и получаемым мною по ним сведениям, я соорудил что-то огромное, разнообразное, многосложное, которому хотел дать вид систематический, приближающийся более к целому» [11. С. 88; 14. Ф. 47/II. Ед. 17. Л. 5–5об.]. В результате сложился корпус словаря из 6000 статей на 8000 листах, писарские копии, черновые материалы и разные редакции которого хранятся теперь в РГИА [47. Ф. 673. Оп. 1. Д. 138–165, 172–218].

Однако, по позднему утверждению Липранди, работа над этой энциклопедией, не имеющей аналогов в европейской литературе, началась по высочайшему повелению лишь в 1832 г., уже после выхода в отставку с военной службы по состоянию здоровья. Спустя два года, в апреле 1834 г., первая половина словаря была отправлена военному министру «для поднесения» царю. Но вместо этого Липранди получил от генерал-квартирмейстера Шуберга отзыв военно-ученого комитета генерального штаба о неудобности для использования «азбучного по-

¹⁵ В черновой версии автобиографии Липранди уточнял: «В начале генерал Сабанеев поручил мне, между прочим, и описание границ с Турцией, а в 1821 году вместе с тем и надзор за перебегающими гетеристами» (цит. по [46. С. 271. Прим. 2]; ср. [14. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 4об.]).

рядка», принятого в изготовленном им труде, и разрешение на издание его в свет «без пособия правительства» [45. С. 58–59. Прим.]¹⁶. Ввиду этого составление второй части словаря было отложено; о возобновлении работы автор в примечании не сообщает. Судя же по «Записке о службе», в 1836 г. труд был все-таки завершен. Годом ранее Липранди просил Вельтмана о помощи в литературной обработке текста и обещал выслать на пробу «одну букву» из словаря [9. С. 234]. А в 1837 г., находясь проездом в Москве, он показал всю рукопись тому же А.Ф. Вельтману и В. П. Андросову, с подачи которого, как редактора, в декабрьский книжке «Московского наблюдателя» появилась заметка о словаре, привлекающая интерес иностранной печати [14. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 83–86об.].

В приложенном к «Записке о службе» реестре сочинениям конца 1820–1830-х годов под номером 28 словарю дан такой заголовок, отличающийся от названий соответствующих дел в РГИА: «Оттоманская империя. Подробнейшее описание сего государства в военном, гражданском, политическом и религиозном отношениях, с историческим исследованием устройства придворного, обычаев, обрядов, суеверий, предрассудков, пословиц с приложением историографического обзора: Румелии, Македонии, Албании, Турецкой Кроации, Сербии, Болгарии, земель некрасовцев, запорожцев, добружских татар и Придунайских княжеств, с пояснением разных мест, носящих турецкие, греческие и древние наименования. Расположенное в азбучном порядке, связывающим по предметам все отделы, с шестью оглавлениями, для удобства отыскивать желаемые отделы вполне. Тульчин. 1836. 60 толстых тетрадей in fol.». В примечании Липранди дополнительно сообщает, по-видимому, чтобы придать больший вес своей работе, о содействии ученых греков, переселившихся в 1821 г. в Бессарабию. Они перевели «многие неизвестные повествования и пр.: с арабского, персидского и турецкого языков». Это три князя Суцо, князь Маврокордато, Скина, два князя Гики, Мало, Кариджи, Струдза, князь Кантакузин и др. [11. С. 88–90; 14. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 83–86об.]¹⁷. Кроме того, информаторами Липранди являлись поселившиеся в Кишиневе предводители и участники Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Вучич, Ненадович, Живкович, братья Македонские и др. [48. С. 330]¹⁸.

Липранди хвалился сетью агентов, созданной им на территории Османской империи накануне русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В нее, кроме прочих, входил и секретарь сербского князя М. Герман [14. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 9]. А во время войны в его отряде партизан-волонтеров воевало до 1000 человек из «албанцев, арнаутов, македонцев, фессалийцев, болгар, босняков, сербов и черногорцев» [14. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 14; 49. С. 91–108; 50. С. 5–10].

По долгу службы Липранди участвовал в допросах перебежчиков и пленных. Ссылаясь на этот опыт, он давал рекомендации: «Турка нельзя спрашивать так, как армянина, еврея – как цыгана, серба и босняка – как волоха и т.д. Малейшее невнимание к их обычаям может повлечь за собою иногда самые пагубные последствия. Притом много значит у различных обитателей Турецкой империи и происхождение лица, которое их спрашивает: турок будет рассказывать с боль-

¹⁶ Этой версии соответствует в основном рассказ из «Записки о службе», хотя Липранди обрывает при цитировании вторую (негативную по оценке его труда) часть выписки из журнала военного комитета и уклоняется от объяснения причин, заставивших его приостановить работу. Но «пользуясь более свободным временем в отставке и получая постепенно облегчение от раны в ноге, раздраженный усиленными трудами в продолжение многих лет, Липранди, – сообщает он сам о себе в третьем лице, – успел привести все многочисленные материалы свои в систематический порядок» [14. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 16–17, 82об.–83].

¹⁷ Некоторые работы из списка были позднее опубликованы.

¹⁸ Иной перечень сербских информаторов Липранди см. в [14. Ф. 205. Ед. 672. Л. 3об. Прим. и др.]. Фонд Липранди в РГИА содержит неавторизованные свидетельства участников восстания, возможно, скомпилированные им самим. В основном они посвящены деталям военных действий [47. Ф. 673. Оп. 1. Д. 316].

шею откровенностью драгоману, находящемуся при армии, если драгоман этот перот или фанариот, но будет воздержаннее, если тот будет грек (то есть мореот или другой); напротив того, серб, волох и болгар скорее будут откровенны с греком, чем с фанариотом или с периотом (которых, впрочем, они и не различают)» [49. С. 14–15]. В другом месте Липранди говорит о методах работы над словарем: он сравнивал показания выходцев из разных земель, сопоставлял их с книжными свидетельствами, и таким образом устанавливал истину; например, он пользовался «Сербским словарем» В.С. Караджича, дополняя извлеченную из него информацию [13. С. 35–36].

Предприятие по составлению энциклопедического словаря Османской империи, безусловно, являлось предметом особой гордости для Липранди и, по его собственному признанию, источником для многих последующих работ. При этом просветительская установка на исчерпывающее знание делала границы объекта изучения подвижными. Не принявший романтической концепции «народного духа», Липранди, тем не менее, был одним из первых собирателей фольклорного материала [9. С. 236–245]¹⁹.

Модель словаря вообще была одной из излюбленных форм выражения его учености. Помимо «словоистолкователя» Османской империи перу Липранди принадлежит еще одна масштабная рукопись «Историческое и топографическое описание Сербии» 1833 г. в двух переплетах (140 и 295 листов) – выделившаяся часть основного проекта [14. Ф. 205. Ед. 679; 47. Ф. 673. Оп. 1. Д. 166–171]. Половину первой рукописной книги составляет по большей части компилятивная история Сербии с древнейших времен. Лишь в рассказе о событиях первой трети XIX в. Липранди использовал сведения, собранные им самим²⁰. Кроме того, судя по текстуальным совпадениям, он был знаком с «Описанием» Розелион-Сашальского. Вторая половина первой книги (описание Белграда) и вся вторая книга выполнены в виде словаря.

К тому же самому времени относится черновая рукопись рецензии на статью о Сербии, помещенной в № 14–17 «Северного архива» за 1827 г. Наткнувшись на нее с опозданием в шесть лет, Липранди жадно бросился читать «о крае столь мне любопытном и, к удивлению, доселе столь мало известном, не взирая, что он в многих отношениях так близок к русским» [47. Ф. 673. Оп. 1. Д. 263. Л. 1–1об.]. Разочарованный рецензент обнаружил, что статья неоригинальна и представляет собой неряшливо выполненный перевод «какой-то немецкой книжки». Поскольку подписи не было, он обрушил тяжкие упреки на редактора журнала Ф. В. Булгарина: «Вопреки надеждам, что сей ученый муж, трудящийся над переводом Горация, снабдит книжку комментариями и исправит погрешности, но в итоге текст вышел еще более искаженным, название изуродовано, а стиль темен настолько, что перевод Мавроурбина при Петре I покажется верхом совершенства» [47. Ф. 673. Оп. 1. Д. 263. Л. 1об.–2]. Липранди взялся восполнить эти упущения (исключая стилистические), и его рецензия приобрела вид словарного комментария.

Следующий период экспертной активности Липранди как знатока Османской империи приходится на период Крымской войны. В преддверии ее были состав-

¹⁹ В поздних публикациях, относящихся ко времени русско-турецкой войны 1877–1878 гг., отставник корил правительство, ответственное за лишние потери из-за недостатка информации о театре действий. «Полудикие нравы и обычаи обитателей разных областей Турецкой империи, столь же различные, как и самая природа сих областей, производят то, что одна область не может быть рассматриваема с той же точки зрения, с которой другая представляет удовлетворительные последствия» [50. С. 10–13; 45. С. 53–80]. Одним из следствий этой методологической рефлексии было внимание к деталям, концентрацию которого обеспечил составленный Липранди «словоистолкователь». В замечаниях старика сквозила обида на то, что его труд оказался мало востребованным правительством.

²⁰ В. Богишич опубликовал оригинальный фрагмент этого сочинения (л. 33об.–38об.), излагающий причины поражения сербского восстания 1804–1813 гг. [22. С. 243–247].

лены записки о событиях в Дунайских княжествах и о возможных военных действиях на Балканах, доведенные до сведения царя и наследника престола. А «по приезде в начале 1854 года генерал-фельдмаршала князя Паскевича в Санкт-Петербург, он тотчас послал за Липранди, которого знал с 1812 года; приказал ему изложить некоторые предметы, которые по специальности его постоянных, в продолжении 35 лет, занятий были известны [...] Одиннадцать раз Липранди работал с ним от 11 часов вечера до 2-х за полночь и далее, а часто занимался и днем» [14. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 22–22об.]. В письме А.Ф. Вельтману, написанном после опубликования в Чтениях ОИДР упомянутой выше статьи о Молдавии и Валахии, говоря о цикле работ периода Крымской войны, Липранди добавлял: «Мне по высочайшему повелению Я. И. Ростовцев сообщал современные сведения и вообще от меня в то время ничего не скрывалось» [11. С. 88; 14. Ф. 47/II. Ед. 18. Л. 28–28об.]. Список созданных в этот период работ состоит из 14 позиций [14. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 100–104]²¹. Некоторые из этих сочинений включались в авторские сборники или же вышли отдельными брошюрами в 1877–1878 гг. Седьмую позицию в списке занимает «Краткий очерк этнографического, политического и нравственного состояния христианских областей Турецкой империи» из шести текстов: Придунайские княжества, Сербия, Босния, Албания, Румелия и Болгария; ОИДР опубликовал два из них [52; 53]. Оставшиеся четыре хранятся в архиве общества [14. Ф. 205. Ед. 669–672]²².

Названные тексты относятся к другому излюбленному Липранди жанру – «историко-критическим замечаниям, включавшим в себя в той или иной мере его собственные воспоминания»; при этом автобиографическая интонация вызывала у читателя «яркий, запоминающийся “эффект присутствия”» [55. С. 80; 12. С. 364]. Действительно, эмоциональная вовлеченность автора подобных критических этюдов вела к гибридации экспертного текста, способного, благодаря этому, привлечь интерес широкой публики. Хотя до нее «записки» Липранди доходили, как правило, с большим опозданием. Мемуарные реминисценции были продиктованы, в свою очередь, характерной для Липранди стратегией жизнетворчества и саморекламы (ср. [10. С. 206]), которая подталкивала его к постоянной корректировке и шлифовке биографической легенды. Эта тенденция еще более усилилась после крушения карьерных амбиций в динамичной общественной среде пореформенного периода²³.

В случае Липранди, особенно применительно к его страноведческим изысканиям, можно говорить о специфической концептуальной рамке военной этнопсихологии. В одном из сочинений он попытался сформулировать свои представления о науке, которая «еще нигде вполне не была изложена, тем не менее, существование ее отвергать нельзя. Следы этой науки мы находим в самой отдаленной древности: свидетельством тому некоторые из книг Ветхого Завета и Илиада». Исходные посылки сводятся к следующему: «Каждый народ имеет свои характерологические свойства, свои нравы, обычаи, привычки и пр. Все это никогда и нигде не

²¹ В 1854 г. типографский департамент Генерального штаба напечатал более ранний труд Липранди [51], составленный в 1842 г. как дополнение к «Описанию» русско-турецкой войны 1806–1812 гг. А.И. Михайловского-Данилевского и удостоенный наградой царя в виде бриллиантового перстня «с изображением имени Его Величества» [45. С. 59. Прим.]. Экземпляр книги хранится в Государственной публичной исторической библиотеке. По свидетельству Липранди, Генеральный штаб печатал для служебного пользования и другие его труды.

²² Как уверял Липранди, его записки 1854 г. читали великая княгиня Елена Павловна, граф Киселев и граф Панин. В конце 1960-х годов писарские копии текстов о Придунайских княжествах, Сербии, Боснии и Албании были обнаружены в библиотеке краеведческого музея Нижнего Тагила. По предположению Ю.М. Курочкина, они могли принадлежать А.Н. Карамзину, отправившемуся в марте 1854 г. воевать на Балканы [54. С. 145–151].

²³ Исследователи, например, обнаружили деформирующие элементы в воспоминаниях о Пушкине, которые основывались на дневниковых записях, а также фиктивность истории сотрудничества Липранди со знаменитым Видоком [56; 57. С. 114–138].

обнаруживается так сильно, как во время войны и, в особенности – в день битвы, при встрече лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает все свои страсти, свойства, способности, недостатки и слабости» [49. С. 18, 25].

Дополнительную информацию о методологической основе подобных изысканий можно обнаружить в приложении № 40 к «Записке о службе», где приводится список неопубликованных трудов и специально говорится об одном из главных дел всей жизни автора. Начиная с 1810 г., когда Липранди изучал коллекцию библиотеки г. Або (Финляндия), и до сих пор (то есть до 1860 г.) он собирал материалы для сочинения «О тождестве характеристических свойств человека с различными животными, как в отношении физическом, так в нравственном и физиологическом. С замечаниями разительных сближений и некоторых поколений с животными тех и других пород, даже в наружном сходстве, физиономии, сложении, ухватках и т.п.». Таким образом накопилось до 10 000 выписок из 3000 сочинений и, как сообщал Липранди в приложении к «Записке», последние три года он занимался приведением их в порядок, чтобы изложить результаты на 10 000 листов [14. Ф. 18. К. 7. Ед. 57. Л. 114–114об.]²⁴.

Если бы этот труд сохранился и был обнаружен, мы имели бы замечательный свод физиогномических представлений (квазипсихологии и антропологии) своего времени, базирующийся на традициях сенсуализма и натурализма прошлых веков [58. С. 120–154]. Впрочем, эти традиции смыкались с исканиями романтиков в постижении «национального характера», и именно эта часть наследия Просвещения подверглась у них наименьшему пересмотру, если отбросить сгущенную метафорику и другие стилистические излишества романтического текста, а также учитывать смену знака (нейтрализацию) в оценке тех или иных человеческих качеств²⁵. Такая метаморфоза была не чужда и Липранди, практику и пропагандисту «малой войны».

Липранди выбивается из круга других функционеров, занятых служебными изысканиями, поскольку его труды на ниве балканистики и славяноведения диктовались не только ведомственными заданиями, но также энтузиазмом дилетанта, создававшего, как он считал, новую науку. По-видимому, прав Н.Я. Эйдельман: талантам этого человека было тесно в крепостной бюрократической России. «В Англии он, пожалуй, преуспел бы в то время поболее – присоединил бы пяток империй, княжеств, султанатов, заинтересовал бы крупный капитал, при случае сам пустился в поход» [8. С. 379]. Липранди стремился к сочетанию власти и знания, столь характерному для западного ориентализма, который расцвел в условиях колониальной экспансии. В России такой чиновник-энтузиаст – расчетливый авантюрист и даровитый графоман – оказался «лишним человеком».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мьльников А.С. Проблема периодизации истории мировой славистики // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978.
2. Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979.
3. Мьльников А.С. Становление истории славяноведения в России // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.
4. Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988.
5. Латтева Л.П. К вопросу об основных этапах развития отечественного славяноведения (1835–1985) // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. М., 1987.
6. Латтева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

²⁴ На этот труд, свидетельствующий о широте интересов и работоспособности Липранди, обратил внимание Н.Я. Эйдельман [8. С. 365–366, 379, 391].

²⁵ Так, романтик Ю.И. Венелин, рассуждавший о специфике балканского характера и поэзии балканских славян, расставил европейские народы на лестнице «ожесточения» с помощью аналогии из «царства зверей», при этом «жестокость» удостоилась у него позитивной оценки [59]. Подробнее о разработке понятия «нрав народа» в России см. [60].

7. Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1888. Вып. 4.
8. Эйдельман Н.Я. «Где и что Липранди?» // Эйдельман Н.Я. Обреченный отряд. М., 1987.
9. Вауру В.Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов (этюды и разыскания) // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1.
10. Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.
11. Ииутин В.В. И.П. Липранди // Советское славяноведение. 1989. № 2.
12. Рогачевский А.П. Липранди // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3.
13. Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997.
14. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
15. Црногорско-руски односи 1711–1918. Подгорица; М., 1992. Књ. 1. Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека.
16. Драговић М. Материјал за историју Црне Горе // Споменик Српске Краљевске академије. Београд, 1895. Књ. XXXV.
17. Белов М.В. Русские путешественники и дипломаты на Балканах в начале XIX века: поиск языка описания // Политическая культура и международные отношения в Новое и новейшее время. Нижний Новгород, 2009.
18. Политические и культурные отношения России с югославскими землями в XVIII в. М., 1984.
19. Достян И.С. Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С.А. Санковского // Балканские исследования. Историография и источниковедение. М., 1972.
20. Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1963. Т. 3. Сер. 1.
21. Дюше М. Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. Основы антропологии у философов // Век Просвещения. М.; Париж, 1970.
22. Богшищ В. Разбор сочинения Н.А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872.
23. Российский государственный военно-исторический архив.
24. Москва – Србија, Београд – Русија: Документа и материјали. Београд; М., 2011. Т. 2. Друштвене и политичке везе 1804–1878.
25. Достян И.С. Об описании Сербии, сделанном в 1830 г. русским офицером Розелион-Сашальским // Славянское возрождение. Сб. статей и материалов. М., 1966.
26. Бојовић Р. Карта «савремене» Србије Александра Григоријевића Розелион-Сашальског из 1831 // Архивска грађа као извор за историју. Београд, 2000.
27. Бојовић Р. Опис Београда Александра Григоријевића Розелион-Сашальског // Београд у делима европских путописаца. Београд, 2003.
28. Белов М.В. Русский офицер в роли этнографа: А.Г. Розелион-Сашальский описывает Сербию // Studia Balkanica. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010.
29. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
30. Вишенкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011.
31. Достян И.С. Миссии русских государственных деятелей и военных в Сербском княжестве после прихода к власти уставобранителей // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. М., 1992. Ч. 1.
32. Кудрявцева Е.П. Россия и Сербия в 30–40-е годы XIX века. М., 2002.
33. Никифоров К.В. Сербия в середине XIX века. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.
34. Анишаков Ю.П. Становление черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.
35. Белов М.В., Вишняков Я.В. Сентиментальный жандарм: миссия Я.Н. Озерецковского в Вене и Цетинье // В «интерьере» Балкан: Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010.
36. Государственный архив Российской Федерации.
37. Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956.
38. Виленкин В.Л. Странствователь по суше и морям. М., 1969.
39. Хитрова Н.И. Дипломатическая деятельность Е.П. Ковалевского в 30–50-х годах XIX века // Портреты российских дипломатов. М., 1991.
40. Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории // Ковалевский Е.П. Собрание сочинений. СПб., 1872. Т. 3. Черногория и славянские земли.
41. Надеждин Н.И. Черногорцы (Из воспоминаний путешественника) // Утренняя заря. Альманах на 1842 год. СПб., 1842.
42. Попов А. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.
43. Анишаков Ю.П. Русские журналы как источник изучения исторического прошлого южнославянских народов и русско-югославянских связей (30-е – середина 50-х годов XIX в.) // Двести лет новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб., 2005.
44. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

45. *Липранди И.П.* Взгляд на настоящий театр военных действий на Дунае и на содействие, которое мы можем встретить в Болгарии. М., 1878.
46. *Садиков П.А.* И.П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов (По новым материалам) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6.
47. Российский государственный исторический архив.
48. *Липранди И.П.* Из дневника и воспоминаний // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., 1985. Т. 1.
49. *Липранди И.П.* Особенности войн с турками. СПб., 1877.
50. *Липранди И.П.* Общие сведения об Европейской Турции. М., 1877.
51. *Липранди И.П.* Обзорение пространства, служившего театром войны России и Турции с 1806 по 1812 год. СПб., 1854.
52. *Липранди И.П.* Краткий очерк христианских областей Турецкой империи. Придунайские княжества. М., 1877.
53. *Липранди И.П.* Болгария. Из записок. М., 1877.
54. *Курочкин Ю.М.* Дело Липранди // Урал. 1973. № 6.
55. *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.
56. *Богач Г.Ф.* Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1967.
57. *Ввозный А.Ф.* Петрашевский и царская тайная полиция. Киев, 1985.
58. *Слезкин Ю.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М., 2005.
59. *Венелин Ю.* О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835.
60. *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.

© 2012 г. В.В. МАРЬИНА

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ: ВСТРЕЧИ СО СЛОВАЦКИМИ И ЧЕШСКИМИ ИСТОРИКАМИ

В воспоминаниях отражены основные этапы формирования чехословацкой историографии после 1948 г., описаны встречи автора с политическими деятелями и учеными ЧССР, а также некоторые трудности, с которыми приходилось сталкиваться историкам-славистам в СССР в 1960–1970-е годы.

The memoirs reflect main stages in the development of the Czechoslovakian historiography after 1948, contain descriptions of the meetings the author had with politicians and scholars of the Czechoslovak Socialist Republic and refer to some complications the Soviet historians-Slavists were facing in the 1960s–1970s.

Ключевые слова: Словацкое национальное восстание, Г. Гусак, М. Госпоровский, «историки-шестидесятники», Институт славяноведения РАН.

По институтским меркам – я долгожитель: Институту 65 лет, а мне, если считать аспирантуру, – а почему же ее не считать? – 62 года. Я пришла в Институт в 1950 г. и прошла в нем все ступени, начиная с аспиранта и младшего научного сотрудника (т.е. солдата) до главного научного сотрудника (т.е. генерала). Я помню всех директоров Института: Бориса Дмитриевича Грекова, Петра Николаевича Третьякова (он принимал меня на работу), Ивана Александровича Хренова, Ивана Ивановича Удальцова, Дмитрия Федоровича Маркова, Владимира Константиновича Волкова, и, наконец, Константина Владимировича Никифорова. В Институте мне всегда было тепло, уютно и комфортно, и никогда не возникали мысли о том, чтобы поменять место работы. Занималась я и организационной стороной научной деятельности: долгое время являлась ученым секретарем сектора новейшей или современной (его названия менялись) истории (им долгое время руководил прекрасный человек и ученый Любомир Борисович Валев), некоторое время исполняла обязанности заведующего этого сектора (отдела), в течение двух десятков лет была ученым секретарем, а затем заместителем председателя советской части советско-чехословацкой комиссии историков и архивистов. Так что с чешскими и словацкими историками я многократно встречалась и на научной, и на организационной стезе. Но, к сожалению, я не вела никаких записей об этих встречах, а в памяти сохранились лишь отдельные, разрозненные эпизоды, которые, видимо, произвели на меня чисто человеческое впечатление. С них и начну рассказ.

Далекие послевоенные годы. Я – студентка кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Заведующий кафедрой – Сергей Александрович Никитин (тогда он, совсем еще молодой человек, казался мне пожилым и очень строгим, которого все студенты боялись, а я

Марьина Валентина Владимировна – д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

почему-то нет); преподаватели кафедры: Ирина Михайловна Белявская (она мне запомнилась тоже своей строгостью и тем, что очень хорошо читала лекции по истории Польши, медленно, четко формулируя мысли. Поэтому записи о ее лекциях у меня долго хранились и по ним я сдавала вступительные экзамены в аспирантуру), Бася Менделевна Руколь (она была моим научным руководителем во время написания диплома и вообще опекала всех студентов-богемистов), Генрих Эдуардович Санчук (запомнила его как преподавателя чешского языка). Короткое время язык преподавала также молодая женщина по фамилии Егорова (возможно, журналистка). Тогда никаких пособий по этому предмету не существовало, хотя может и были какие-то самодельные, но студентам приходилось туго, так как надо было сдавать зачеты по языку (определенное количество переведенных страниц). А книг, чтобы обеспечить всех студентов текстами, не было. Помню, что нам давали какие-то куски из сочинений Ф. Палацкого, написанные очень своеобразным, тяжелым языком, трудным для неспециалиста вообще, а студента-неуча тем более. Вспоминаю, что, чуть не плача, я билась над переводом «ужасного» текста, сидя в полутемном зале здания исторического факультета на Герцена, 5. И тут явился «ангел-спаситель» в образе чеха Миши Реймана (он курса на два был моложе меня, знал русский язык), и помог мне с переводом, удивившись попутно, как можно давать такие сложные тексты необученным студентам. На факультете я познакомилась и со словаком Володей Матулой. Но близко я не знала ни того, ни другого. Они жили в общежитии на Стромынке, где, собственно, и протекала вся «веселая» студенческая жизнь, а я встречалась с ними только случайно на факультете.

Еще хуже, чем с чешским, обстояло тогда дело со словацким языком. Я, признаться, даже не знала, что такой существует. Но вот подошло время думать о дипломной работе. Случайно, по-моему на кафедре (как они там оказались, не знаю) мне попалось под руку несколько книг на каком-то непонятном, но явно славянском языке. Книги, типа брошюр, повествовали, насколько я поняла, о восстании в Словакии в 1944 г., что для меня тоже было внове. Я заинтересовалась, и как нельзя кстати, это был 1949 год, подошла пятая годовщина Словацкого национального восстания. Институт славяноведения АН СССР, которому тогда исполнилось уже два года (он размещался на верхнем этаже здания на Волхонке, 14), отметил пятилетие восстания на расширенном заседании дирекции (по-моему, это собрание называлось именно так, а может, и по-другому). На мероприятие пригласили и студентов-чехословакистов кафедры истории южных и западных славян, в том числе и меня. Это было мое первое знакомство с Институтом. Доклад делал Иван Иванович Удальцов (какие он тогда занимал должности, не знаю), а после заседания был фуршет, тоже первый для меня. Видимо, после этого заседания мне и пришла в голову мысль о написании диплома на тему о восстании. Никто меня не отговаривал, мое смелое намерение даже поощрялось. «Источники» были те же, о которых я говорила выше: несколько воспоминаний и публицистических брошюр о восстании. Словацким языком овладевала по наитию, с помощью сопоставления незнакомых слов с известными мне из чешского языка. Дипломом руководила Б.М. Руколь, которая, далекая от этой проблематики, всячески старалась мне помочь, особенно что касалось понимания словацкого языка. Диплом был написан и защищен на «отлично». Словаки мне потом говорили, что это была вообще первая «научная» работа, написанная о Словацком национальном восстании. Конечно, это был наивный взгляд на проблему, научного там ничего не было, и сейчас смешно было бы читать этот текст. Но тогда я почувствовала вкус к словацкой проблематике, новейшей истории Словакии и словацкого народа. Поступив в аспирантуру Института славяноведения, я написала и защитила в 1955 г. диссертацию на тему «Словакия в годы послевоенного революционного подъема (1918–1923 гг.)». Моими научными руководителями являлись Валентина Адриа-

новна Смирнова (зам. директора Института), а потом Ирина Николаевна Мельникова. Ей я особенно благодарна: тогда у меня не было денег на то, чтобы печатать текст, и Ирина Николаевна брала фрагменты рукописи, знакомилась с ними, высказывала свои соображения и т.д. Защита проходила на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, председательствовала Зинаида Владимировна Удальцова.

В октябре достопамятного 1956 г. я первый раз оказалась в Словакии. А случилось это так. Академии наук СССР и ЧСР приняли решение обменяться молодыми учеными, чтобы те могли познакомиться со страной и коллегами по научной работе. В Институте пал выбор на меня и Анну Ивановну Виноградову, которая, по-моему, тогда занималась историей средневекового города. Для меня все было новое: и полет на самолете, и выезд за границу, и знакомство с известной только по книгам и разговорам Чехословакией. Рейс был ночной, и, представляете, директор Института П.Н. Третьяков распорядился предоставить нам институтскую машину, чтобы добраться до аэропорта. Мы летели в Словакию через Прагу. День был воскресный, и летевшие с нами сотрудники советского торгпредства предложили свою помощь, если нас никто не встретит, а такое случалось. Но, к счастью, тревоги оказались напрасны. Нас встретил на машине сам директор пражского Института истории Йозеф Мацек. Потом, по-моему в тот же день, мы отправились поездом в Братиславу. Но там нас никто не встретил, и мы с большим трудом добрались до советского консульства, где началось выяснение, кто мы, зачем и к кому прибыли. После довольно длительного выяснения вопроса, в консульство приехали зам. директора Института истории САН Мирослав Кропилак и наш знакомый Володя Матула, которому мы страшно обрадовались. Они объяснили, что не получали никаких сообщений о нашем приезде, но вручили нам какие-то деньги (по-моему, собственные) и отвезли в потрясший нас роскошный отель «Карлтон». Через несколько дней все выяснилось, и мы стали уже «законными» гостями Словацкой академии наук. В этот первый приезд я и А.И. Виноградова знакомились с институтами, библиотеками, людьми, выясняли вопросы, касающиеся нашей научной деятельности. Нас принял отсутствовавший во время нашего приезда директор Института истории Людовит Голотик и члены дирекции. Побывали мы и в Институте истории КПС, который находился на Гундуличовой, 4 в мрачном здании, где в 1940–1941 гг. размещалось советское постпредство. Директором Института являлся Богуслав Граца, выпускник Ленинградского университета, так что общаться с ним было легко. После 1968 г. он впал в немилость как диссидент. В институте истории партии я познакомилась с прекрасными людьми, с которыми потом долгие годы поддерживала тесные личные и научные связи. Вот их имена: Зденька Голотикова (жена Л. Голотика), Марта Вартикова, Штефан Штвртецки (тоже выпускник ЛГУ) и его жена Анна Гучкова-Штвртецка (оба пострадали после 1968 г.). Все наши новые знакомые были примерно одного возраста с нами, что облегчало общение, но имели за плечами уже солидный научный багаж. Разговаривать с ними было очень интересно. Беседы касались не только науки, но жизни вообще, семьи, детей, быта и пр. Не помню, чтобы обсуждались политически острые вопросы, например о XX съезде КПСС и его решениях, о событиях в Польше и Венгрии (напомню, что это был октябрь). Возможно, и мы, и они интуитивно избегали этих тем. Венцом этой моей первой командировки в ЧСР стало недельное автопутешествие по Словакии. В поездке нас сопровождали Володя Матула и его жена Люся. Мы проехали всю Словакию с запада на восток по южному маршруту (Братислава – Кошице), с востока на запад по северному маршруту (Кошице – Жилина) и возвратились в Братиславу. До сих пор перед глазами стоят чистые словацкие селения, уютные словацкие города и словацкие горы в разноцветном осеннем убранстве. Я полюбила Словакию и всегда с удовольствием приезжала сюда.

Что же представляла собой чехословацкая (и словацкая в частности) историческая наука того времени? Каковы были основные тренды ее развития? Становление новой «марксистской» историографии в Чехословакии началось в обстановке нараставшей холодной войны, международной конфронтации, усвоения коммунистическими партиями тезиса об «обострении классовой борьбы» по мере построения социализма. Чехословацкая историография начала 1950-х годов безоголочно следовала в фарватере советской исторической науки. Основной задачей чешских и словацких историков, по тогдашним представлениям, являлось написание истории коммунистической партии как авангарда рабочего класса, противостоявшего буржуазии на всех этапах своего развития. Среди историков старой школы лишь незначительная часть испытала влияние марксистской идеологии. Ее носителями стали в основном представители молодого поколения, которые активно пропагандировали новые взгляды, участвуя в качестве членов редколлегии и авторов в работе таких журналов, как теоретический орган КПЧ «Новая мысль», «Чехословацкий исторический журнал», издаваемый созданным в 1953 г. Историческим институтом Чехословацкой академии наук (директор Й. Мацек), «Исторический журнал», орган Исторического института САН (директор Л. Голотик). Особое внимание обращалось на разработку проблем и периодов, которые ранее либо не исследовались вообще, либо, как считалось, извращались буржуазной историографией: социально-экономические отношения, классовая борьба, революционное рабочее движение, создание коммунистической партии и ее деятельность. Именно под этим углом зрения началась подготовка краткой истории Словакии, в которой участвовали представители молодого поколения: Я. Дубницкий, М. Госиоровский, Я. Декан, Я. Тибенский и др.

В это же время приступили к разработке «на основе марксистско-ленинской теории» проблем антифашистской национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов (Йозеф Грозиенчик, Мирослав Кропилак, Богуслав Граца – в Братиславе, Честмир Аморт, Йиржи Долежал, Ярослав Шолц – в Праге). Основное внимание уделялось Словацкому национальному восстанию (СНВ) и руководящей роли в нем коммунистической партии. Однако тут возникли трудности: партия действовала без своего верховного органа – V нелегального ЦК КПС, члены которого (Карол Шмидке, Густав Гусак, Ладислав Новомеский) получили клеймо «буржуазных националистов». В 1950 г. в рамках набиравшего силу «поиска внутреннего врага строительства социализма» против них была развязана мощная политическая кампания. Своего апогея фальсификация СНВ достигла в 1954 г., когда отмечалось десятилетие восстания. «Огромной помощью и неким ориентиром для нас должны стать выступления и статьи наших руководящих партийных деятелей, в которых выражено мнение партии», – говорилось на научной конференции, организованной Словацкой академией наук в преддверии десятилетия СНВ (*Historický časopis*. 1954. № 1. S. 6). Тогда в результате проведенного политического процесса Г. Гусак был осужден на пожизненное заключение, а Л. Новомеский – на десять лет лишения свободы.

Достаточно сильные импульсы для оживления общественно-политической жизни в Чехословакии дал XX съезд КПСС (февраль 1956 г.). Разоблачение культа личности Сталина положило начало реабилитации безвинно пострадавших ранее в результате политических репрессий. Зарождалась и набирала силу идея обновления социализма, очищения его от «искажений» сталинизма. В стране развернулась сначала внутривнутрипартийная, а затем всенародная дискуссия по основным вопросам строительства социализма. Новые веяния проявились и в исторической среде, о чем, в частности, свидетельствовала статья К. Гайяна, Й. Мацека и З. Шолле «К некоторым проблемам нашей исторической науки» в партийном журнале «Новая мысль» (1956. № 6). Авторы критиковали пренебрежение объективной реальностью, догматизм, преклонение перед политическими авторите-

тами, лизоблюдство, не всегда обоснованное восхваление советской науки и т.д. В статье содержались призывы вернуться к действительному марксизму и принципам ленинизма. Примерно в таком же духе писали статьи Й. Гайек, М. Гюбл, К. Пихлик, Ф. Яначек, Й. Долежал, Л. Липтак. Подвергались критике допущенные деформации при одновременном подчеркивании направляющей роли партии. Руководство КПЧ, формально принимая и поддерживая курс, заданный XX съездом КПСС, в то же время не склонно было глубоко переосмысливать прежнюю политику и пересматривать, в частности, политические процессы. Резкие суждения о положении дел в Чехословакии и деятельности КПЧ, раздававшиеся во время вышеозначенных дискуссий, были заклеены властями как ревизионистские. В 1957 г. ревизионизм был объявлен главной опасностью для строительства социализма в стране.

В чехословацкой исторической науке, в отличие от литературы, в это время не наступило явственно ощутимого подъема и перелома. Вместе с тем она не стояла на месте. В этот период обнаружилось стремление к более глубокому изучению источников и фактов. Но исторической наукой по-прежнему руководили партчиновники из кабинетов ЦК КПЧ. Под их неустанным наблюдением находилась, в частности, подготовка учебника по истории компартии. По наиболее сложным вопросам, относившимся к новейшему времени, консультировались с членами политбюро ЦК КПЧ А. Новотным, В. Широкиным, В. Копецким, Й. Гендрихом, Я. Доланским. В 1960 г. в Праге вышли в свет тенденциозные воспоминания В. Копецкого «ЧСР и КПЧ», подвергшиеся впоследствии весьма резкой критике за содержащиеся в них фальсификации. Увидела свет доведенная до 1960 г. «История КПЧ» (Praha, 1961), в которой хотя и были скорректированы некоторые утверждения Копецкого, но общая положительная оценка деятельности партии в послевоенные годы и в период «строительства основ социализма» в стране не подвергалась сомнению.

Особое внимание руководители КПЧ уделяли съездам, конференциям и другим собраниям историков, о чем свидетельствовали, в частности, подготовка их Третьего съезда (1959 г.), его ход и результаты. Программа съезда была предложена секретариату ЦК КПЧ, рекомендовавшему ее доработать. Новый вариант рассматривался и был одобрен на заседании политбюро ЦК КПЧ, которое утвердило и состав делегации на съезд. Ее возглавлял Й. Гендрих, второе лицо в партии, а членами были В. Коуцкий, З. Нееды, Й. Ленарт и З. Урбан. Историкам надлежало поддержать решения XI съезда КПЧ и поставить историю «на службу культурной революции в период завершения строительства социализма в стране». Рекомендовалось творчески сотрудничать с советской наукой и «занять непримиримые позиции в отношении ревизионистских и буржуазно-идеалистических течений в новейшей историографии». Политбюро также одобрило основные доклады Й. Мацека «Задачи исторической науки в период завершения строительства социализма» и И. Веселого о роли рабочего класса в борьбе чешского и словацкого народов. Тональность доклада Мацека соответствовала заданной, но, думается, не отвечала его внутренним сомнениям, о чем свидетельствовали как его позиция в 1956 г., так и деятельность в 1960-е годы. По окончании съезда политбюро проанализировало его ход и результаты. По мнению Гендриха, съезд выполнил возложенные на него задачи и стал первым съездом историков, руководствовавшихся принципами марксизма-ленинизма.

Во второй половине 1950-х годов продолжалось исследование истории СНВ и освободительной борьбы в Чехословакии. В то же время наметились некоторые более конкретные аспекты ее изучения. К числу фундаментальных, написанных в тот период трудов, следует, на мой взгляд, отнести и работу В. Крала, посвященную проблемам социально-экономического развития чешских земель в 1938–1945 гг., впоследствии незаслуженно забытую историками в связи с лично-

стью ее автора, в 60–70-е годы прошлого века выступавшего с яростной критикой «ревизионистских» тенденций в историографии. Что касается истории СНВ, то внимание исследователей привлекли такие темы, как международная солидарность в восстании, деятельность первых подпольных руководящих органов КПС, развитие партизанской войны, освободительная миссия советских вооруженных сил. Но коренного пересмотра оценок предшествовавшего периода, в частности касавшихся деятельности подпольного руководства компартии Словакии в период подготовки и хода восстания, не произошло. В работах, опубликованных к 15-летию СНВ (1959), сохранялась принятая в начале 1950-х годов концепция и содержалась критика негативных сторон восстания, связанная с деятельностью «буржуазных националистов». В резолюции Третьего съезда историков отмечалось, что ревизионистские тенденции не нашли серьезного проявления в исторической науке.

О некотором ослаблении «зашоренности» историографии во второй половине 1950-х годов свидетельствовали и дискуссии, проходившие по такой острой теме, как характер народной демократии и народно-демократической революции в Чехословакии. Однако споры не выходили за рамки представлений марксистско-ленинской теории о революции, учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Разница была в том, что некоторые исследователи толковали процессы, происходившие в стране сразу после войны, как начало социалистической революции, другие же, их было большинство, стояли на позициях перерастания и окончательной победы социалистической революции в феврале 1948 г. Видение в народной демократии особого, специфического пути к социализму осуждалось как ревизионизм марксизма-ленинизма.

Историки партии приступили к изучению такой архиполитизированной темы, как строительство основ социализма в Чехословакии. Во внутривнутрипартийных дискуссиях, в документах партийного характера ставились и теоретические вопросы, например о формах диктатуры пролетариата в Чехословакии, об осуществлении общих принципов социалистического строительства в конкретных условиях ЧСР. Обсуждение этих проблем началось еще ранее, и было связано с выработкой генеральной линии строительства социализма, намеченной IX съездом КПЧ в 1949 г. Перед съездом на конференции партработников обозначилось стремление выявить различия между Чехословакией и Советским Союзом в построении социалистического общества и определить национальную специфику этого процесса. Однако в дальнейшем об особенностях перестали говорить, сделав упор на «общих», проявившихся в ходе строительства социализма в СССР, закономерностях. Указания шли сверху и как бы закреплялись в выступлениях К. Готвальда в январе 1953 г., посвященном международной значимости ленинизма, воплощенном в советском опыте. Народная демократия в Чехословакии теперь однозначно трактовалась как одна из форм диктатуры пролетариата.

Внимание историков, главным образом занимавшихся историей КПЧ, было обращено на необходимость изучения процессов построения основ социализма в стране. Такие работы, вышедшие преимущественно из-под пера Я. Опата, стали появляться уже с середины 1950-х годов. В них рассматривались вопросы формирования генеральной линии партии после ее февральской 1948 г. победы, строительства и перестройки национальной экономики, в частности, особенности процесса индустриализации в Чехословакии, взаимоотношений классов и политики по отношению к ним. Естественно, методологической основой этих, пока немногочисленных, работ была марксистско-ленинская теория.

Можно сказать, что вторая половина 1950-х и начало 1960-х годов являлись для чехословацкой исторической науки временем поисков направления дальнейшего развития. «Новая интеллигенция, воспитанная на идеологии марксизма-ленинизма, только постепенно осознала действительное положение вещей и бралась

за ум», – писала в 1994 г. группа чешских историков-шестидесятников, возражая против создания новых легенд в историографии (Soudobé dějiny. 1994. № 2).

Меня в конце 1950-х годов интересовало все, что касалось истории Словакии. Обмен научной литературой между СССР и странами советской сферы влияния был поставлен достаточно хорошо. В библиотеках можно было обнаружить интересные меня исторические журналы, немногочисленные тогда еще книги и сборники статей. Знакомство с западной литературой было ограничено: вся она находилась в спецхране. Но, к слову сказать, тогда она меня и не очень интересовала. Так получилось, что я являлась единственным в нашем Институте специалистом по Новой и новейшей истории Словакии. Тогда шла работа над вторым томом «Истории Чехословакии», и я получила задание написать все разделы, касающиеся словацкой истории. Что это было за мучение, трудно сейчас даже представить: материал собирался по крупицам в библиотеках Москвы и Ленинграда. В Словакии, точнее в словацкой марксистской историографии, этот период не нашел к тому времени достаточного освещения. В конце концов, текст, написанный с позиций марксистско-ленинской методологии (другой тогда в советской исторической науке не существовало), появился, получил одобрение сектора и коллектива труда и стал частью второго тома «Истории Чехословакии» (М., 1959).

В то же время я заочно познакомилась со словацким историком Милошем (Ивановичем) Госиоровским (в прошлом – секретарем ЦК Коммунистической партии Словакии – КПС). Он написал первую книгу, посвященную истории развития словацкого рабочего движения с конца XIX в. до образования Коммунистической партии Чехословакии в 1921 г. Она была переведена на русский язык издательством «Иностранная литература», которое и попросило меня написать предисловие к русскому изданию. Книга вышла в СССР под названием «Очерки по истории словацкого рабочего движения» (М., 1958). И с тех пор мы стали друзьями с Госиоровским, встречались и в Москве, и в Братиславе. Милош Иванович всегда был внимателен, оказывал помощь по работе, когда это было в его силах. Освободившись от партийной работы (не знаю, по собственной воле или не угодив чем-то партийному начальству, скорее второе), он стал преподавать в братиславском университете, где получил звание профессора.

В начале 1960-х годов я заинтересовалась историей Словакии первых послевоенных лет и стала собирать материал по этой теме. Осенью 1963 г. приехала в Братиславу, где и лично познакомилась с М. Госиоровским. Узнав о том, что меня интересует, он вызвался организовать мою встречу с Густавом Гусаком, свидетелем и активным участником событий тех лет в Словакии. Обвиненный в «буржуазном национализме», Гусак с 1951 по 1960 г. находился в заключении, по амнистии 9 мая 1960 г. вышел на свободу, а 17 февраля 1961 г. на основе личного помилования президента ему возвратили чехословацкое гражданство. Юрист по образованию, он получил разрешение работать в юридическом кабинете Словацкой академии наук. Тогда Гусак писал книгу о Словацком национальном восстании, одним из руководителей которого являлся. Встреча состоялась в здании САН, ученым секретарем которой тогда являлся сын К. Шмидке, одного из руководителей V нелегального руководства КПС в годы войны. К. Шмидке умер в 1949 г. или 1950 г., избежав тем самым печальной участи своих товарищей Г. Гусака и Л. Новомеского. В первые послевоенные годы коммунист Гусак активно участвовал в строительстве «новой» жизни, занимая различные посты в партийном и государственном аппаратах Словакии. Он возглавлял ведомство внутренних дел, являлся председателем словацкого правительства – Корпуса уполномоченных. И, конечно, не без его участия была раскручена в начале 1950-х годов машина политических репрессий, под колеса которой он сам попал благодаря усилиям, в первую очередь, своего недруга в КПС В. Широкого. Гусак еще в период войны высказывался за федеративное устройство возрожденной Чехословакии, а Ши-

рокий стоял близко к Праге и отстаивал принцип централизованного управления страной. После прихода к власти коммунистов в 1948 г. идея федерализма, к этому времени уже «спущенная на тормозах», казалось, канула в Лету. Гусак, конечно, не был словацким «буржуазным националистом», но то, что он являлся словацким националистом, в хорошем, не ругательном смысле этого понятия, политиком, отстаивавшим интересы словацкого народа, у меня не вызывает сомнения. Другое дело, какие методы и способы он, как убежденный коммунист, избирал для этого. Но это – рассуждения сегодняшнего дня, а тогда передо мной был только пострадавший от репрессий человек, которому я всей душой сочувствовала. Ни мне, ни, думаю, ему тогда не было известно об участии в раскручивании политических процессов в Чехословакии советских советников. Но, тем не менее, я не знала, как отнесется ко мне Гусак, как сложится беседа с ним. Госиоровский, который в начале 1950-х годов, как уже говорилось, занимал пост секретаря ЦК КПС, тоже был причастен к развязыванию кампании против «словацких буржуазных националистов». Однако, по словам Милоша Ивановича, у него к тому времени уже сложились добрые отношения с Гусаком, который нашел в себе силы понять и простить его и, более того, сделать своим союзником. Вероятно, это было действительно так, потому что в противном случае Гусак вряд ли согласился бы встретиться со мной. Хотя, может, у опального коммуниста были и другие соображения на этот счет: понять, что у политиков и дипломатов на уме, всегда трудно, и даже невозможно. К моему великому сожалению, я постеснялась делать записи во время разговора, не зная, как это может воспринять Гусак. Вечером в отеле я сделала короткие заметки о беседе, потом куда-то исчезнувшие. Но общее направление разговора и позиции Гусака помню. Мы сидели с Госиоровским за небольшим круглым столом, когда в зал вошел, как мне показалось, высокий стройный человек в темном костюме. Гусаку было тогда около 50 лет (он родился в 1913 г.). Госиоровский представил нас. «Как мне Вас называть? – спросила я. – Мне было бы удобнее по имени и отчеству». «У нас нет отчества», – ответил он, но все же сказал, что его отца звали Никодим. Так я и обращалась к нему во время нашей двухчасовой беседы: Густав Никодимович. Я задавала вопросы, подготовленные заранее, он отвечал. Тогда Гусак, как я уже упоминала, работал над книгой о Словацком национальном восстании, и, естественно, речь шла и о роли словацкого коммунистического руководства в подготовке и ходе СНВ, а также о событиях 1945–1948 гг. Не помню, чтобы шла речь о решении словацкого национального вопроса в эти годы, об аресте Гусака, его отношении к В. Широкому и А. Новотному, о политическом процессе и годах, проведенных в тюрьме. Скорее всего, эти вопросы из-за их остроты и болезненности для моего собеседника я не рискнула затронуть, хотя никто меня не ограничивал. Гусак много говорил об особенностях развития революционного процесса в Словакии в послевоенные годы, о политике компартии и ее партнера по Национальному фронту Демократической партии, о причинах победы на парламентских выборах в 1946 г., о политическом кризисе в Словакии осенью 1947 г. Когда я задала вопрос о том, действительно ли Демократическая партия готовила заговор (тогда уже вовсю шли разговоры о фальсификации и искусственном конструировании заговора), который был раскрыт и ликвидирован, Гусак, немного помолчав, сказал: «Они же (“демократы”) выступали против коммунистов». Ответ, таким образом, был не прямой, а косвенный, и как бы содержал скрытый намек на то, что этот заговор и разоблачение заговорщиков нужны были для утверждения власти коммунистов. А Гусак был активным сторонником их полной победы. Больше я с Гусаком не встречалась, но М. Госиоровский, который одним из первых словацких историков приехал в Москву после событий августа 1968 г., передавал мне от него привет.

В этот мой приезд в Словакию (конец 1963 г. – начало 1964 г.) я стала свидетелем важных событий: снова в политической повестке дня оказался словацкий

вопрос, который будоражил, прежде всего, интеллигентские умы, но затронул и все общество. С чем это было связано? В июле 1960 г. общегосударственная партийная конференция наметила конкретную программу «всестороннего развития социалистического общества». В одобренной Национальным собранием новой конституции Чехословакия характеризовалась как социалистическое государство, которое стало именоваться Чехословацкая социалистическая республика (ЧССР). Провозглашая равноправие чехов и словаков, конституция одновременно значительно ограничила компетенцию словацких национальных органов. Мотивировалось это тем, что, дескать, неизбежное сближение наций в условиях социализма приведет в ближайшей перспективе к их слиянию. Фактическое ущемление прав словаков и вызвало недовольство в интеллигентских кругах словацкого общества. Кроме того, реабилитация политически заключенных, в том числе и так называемых словацких буржуазных националистов, проходила недостаточно активно и последовательно, хотя в августе 1962 г. была создана и начала работать комиссия «по пересмотру важнейших политических процессов против лиц, занимавших высокие политические посты». Под давлением общественности в Праге развернула деятельность так называемая Барнабитская комиссия, в которой работало много историков. Вопреки ожиданиям партийно-государственной верхушки ЧССР комиссия не подтвердила наличия в словацкой компартии в послевоенные годы «буржуазно-националистического уклона». А. Новотному не удалось воспрепятствовать возвращению в политику Г. Гусака, который теперь уже вступил на политическую сцену как его активный противник. Думаю, что немалую роль в том, что словацкое общество пришло в движение, сыграли и «самиздатовские» материалы – письма Гусака «наверх» с просьбой о его полной реабилитации по государственной и партийной линиям. Все эти материалы, напечатанные на пишущей машинке на папиросной бумаге, чтобы можно было сделать как можно больше закладок, распространялись по Братиславе, а может, и в других городах, главным образом среди интеллигенции. Получила их и я как представитель страны, к голосу которой в Словакии тогда еще прислушивались и где дело с реабилитацией политзаключенных, по мнению словаков, шло хорошо. Мне эти нелегально распространяемые материалы были даны с наказом передать их в Москве, кому я сочту нужным. Письма «в интересах конспирации» были помещены в картонные папочки, на которых было написано что-то вроде: материалы обсуждения истории КПЧ. С ужасом вспоминаю, какого страха я натерпелась, перевоза эти папочки через границу. Но, к счастью, все обошлось. Встал вопрос, кому все это передать? В ЦК КПСС? В отдел внешних сношений АН СССР? В дирекцию Института И.И. Удальцову? Но как этими материалами во всех этих инстанциях распорядятся? И как вообще отнесутся к моей «курьерской» роли и общению со словацкими диссидентами? Это было начало 1964 г. В Советском Союзе заканчивалось время «оттепели» и обозначились признаки «заморозков». Какой-либо уверенности в том, что привезенные мной материалы могут помочь решению словацкого вопроса, у меня не было. Поэтому я оставила эти материалы у себя. Думаю, что поступила правильно: теперь, по крайней мере, как историк я могу их использовать.

Расскажу еще об одном частном курьезном случае, который, по большому счету, тоже был связан с решением словацкого вопроса. Профессор М. Госиоровский тогда работал над статьей «К некоторым вопросам взаимоотношений чехов и словаков в политике Коммунистической партии Чехословакии». Он готовил ее для публикации в теоретическом органе ЦК КПЧ журнале «Новая мысль» и одновременно направил руководству КПЧ и КПС. Тогда же статья появилась в «самиздате», получила ее и я. Автор опирался на труды классиков марксизма-ленинизма, на решения XX и XXII съездов КПСС, на опыт многонациональных СССР и Югославии в решении национального вопроса. По мнению Госиоровского, в

ЧССР в результате построения социализма возникли все условия для реализации принципа федеративного устройства республики. В Праге отрицательно отнеслись к этой идее. «Новая мысль» отказалась публиковать статью и развернуть дискуссию по ней. Статья вышла только в 1968 г. в «Историческом журнале», органе Института истории САН. Но Госиоровский все эти годы продолжал работу над темой, углубленно изучая и решение национального вопроса в СССР. В одном из писем, адресованных мне, он попросил прислать ему хотя бы несколько номеров газет, выходящих в наших национальных республиках. Поскольку у меня не было возможности получить подобные издания, я решила обратиться за помощью к И.И. Удальцову, тогда директору нашего Института. Но он негативно отреагировал на просьбу Госиоровского, которому явно не симпатизировал, и сказал мне, что такие издания запрещено направлять за границу, куда идут только центральные газеты. Затем Иван Иванович посоветовал мне «поделкатнее» отказать Госиоровскому и попросил показать ему написанное мною письмо. Я была страшно возмущена тем, что моя личная переписка будет подвергнута цензуре, и приняла, на мой теперешний взгляд, глупое ребяческое решение. Письмо в заклеенном конверте я передала секретарю Нонне Константиновне Кольцовой с просьбой показать его директору. Что она и сделала. Иван Иванович мне ничего не сказал, но, по слухам, счел меня, мягко говоря, недалекого ума женщиной. Ну, что ж, его можно было понять! Справедливости ради, следует сказать, что этот инцидент внешне не сказался на отношении директора ко мне.

Но, может быть, поэтому, а может, и нет, И.И. Удальцов посчитал, что заниматься мне словацкими делами не стоит, и предложил нам с Галиной Павловной Мурашко работать над темой кооперирования чехословацкой деревни. К этому времени оно было завершено, а исторических работ по теме ни в ЧССР, ни у нас пока не было. Предполагалось, что особых трудностей с разработкой проблемы не будет: официальная пресса и публицистика полнились статьями и брошюрами об успехах социалистического преобразования сельского хозяйства в ЧССР. У самого Ивана Ивановича имелась масса популярного материала об успехах социалистического строительства в чехословацкой деревне, которые он нам и передал. Мы с Галиной Павловной рьяно взялись за дело. К тому времени и чехословацкие историки обратились к этой теме. Но они пока занимались лишь периодом, предшествовавшим началу социалистического кооперирования, т.е. аграрными преобразованиями первых послевоенных лет, историей кооперативного движения, прежде всего в чешских землях, подходом компартии к решению вопроса о переводе деревни на социалистический путь развития. Чехословацкие историки занимались этой проблематикой серьезно, опираясь на архивные материалы, доступ к которым постепенно открывался.

Здесь следует сделать отступление и охарактеризовать состояние чехословацкой исторической науки в «боевые» 1960-е годы, когда историки активно участвовали в подготовке «Пражской весны». Тогда историография начала постепенно, а потом бурно высвобождаться из пут коммунистической идеологии с ее чернотным изображением мира. Следует сказать, что в эти годы налицо было и стремление советской исторической науки отойти от существовавших догм и схем, что не могло не сказаться благотворно на работе наших чехословацких коллег. «Мы все чувствуем и знаем, – отмечал в 1963 г., в частности, чешский военный историк О. Яначек, – что не будь XX и XXI съездов КПСС, мы не смогли бы правильно понять и отобразить годы Второй мировой войны» (Historie a vojenství. 1963. № 3. S. 454). Именно исследователи истории чешского и словацкого народов в годы войны стали первыми уточнять и корректировать оценки предшествовавшего периода. В 1960 г. был создан Комитет по ее изучению, который с 1963 г. и до его ликвидации в 1970 г. возглавлял профессор Я. Кладива. В Комитете с чешской стороны активно работали К. Бартошек, Ф. Беер, А. Бенчик, Й. Долежал,

Ф. Яначек, О. Янечек, Я. Кржен, В. Курал, Я. Навратил, Й. Новотны, Б. Пекарек, В. Пречан, Я. Тесарж и другие, со словацкой стороны – Я. Шолц (председатель словацкого комитета, созданного в 1964 г.), Б. Граца, С. Фалтян, Г. Гусак, Й. Хрене, Й. Яблоницкий, А. Штвртецка, Ш. Пажур, Я. Ушия, Я. Шуфлярский. Научные и организационные результаты деятельности Комитета освещались в специальном ротапринтном издании «Спротивление и революция. Сообщения». Я ознакомилась с опубликованными в нем чрезвычайно интересными материалами гораздо позднее, когда в 1980-е годы стала заниматься историей чешского и словацкого движения Спротивления в годы войны.

Одной из задач Комитета стало содействие формированию действительно научной источниковой базы изучения проблемы. В середине 1960-х годов вышел ряд прекрасных с профессиональной точки зрения подготовленных объемных сборников документов, к которым до сего времени обращаются исследователи, в том числе и я. Не могу их не перечислить. Это – «Словацкое национальное восстание. Документы» (составитель и автор обширного предисловия Вилем Пречан) (Bratislava, 1965); «Путь к Маю. Документы о возникновении и развитии народной демократии в Чехословакии до Февраля 1948 г.» (составители Милош Климеш, Петр Лесьюк, Ирена Мала, Вилем Пречан; ответственный редактор Вацлав Крал) (Praha, 1965. Sv. I. Č. 1, 2). Планировалось и издание следующего тома документов, посвященного первым послевоенным годам. Велась кропотливая работа в архивах по выявлению документов, готовился макет сборника, однако из печати он не вышел: после 1968 г. его издание показалось властям идеологически опасным. Часть собранных документов вошла в вышедший в 1975 сборник «По пути Мая. Документы о начале нашей народно-демократической революции. Апрель 1945 – май 1946 г.» (составитель Ярослав Соукуп) (Praha, 1975). Опубликованные в сборнике материалы носили в основном официальный характер: декреты президента, законы, распоряжения Словацкого национального совета, воззвания компартии и национального фронта, выступления деятелей КПЧ и пр. Из вышедших в 1960-е годы следует упомянуть два прекрасных тома, подготовленных к изданию Либушей Отагальной и Миладой Червинковой: «Документы по истории чехословацкой политики 1939–1943 гг.» (Praha, 1966), в первом из которых рассматривалось отношение международной дипломатии к политике чехословацкой эмиграции на Западе, а во втором – ее сотрудничество с сопротивлением на родине, отношение к правительству Протектората и германизаторской политике оккупантов.

В то же время упомянутый Комитет вел работу по написанию трилогии о национально-освободительной борьбе чешского и словацкого народов. В 1965 г. был опубликован макет задуманной работы «Спротивление и революция. 1938–1945». В эти годы в корне изменился и взгляд на историю СНВ. Политическая реабилитация его руководителей от КПС К. Шмидке, Г. Гусака, Л. Новомеского создала благоприятные условия для решительной переоценки всего ранее написанного о восстании. Состоявшийся в июне 1963 г. съезд Словацкого исторического общества прошел на высокой самокритической ноте и принял решение о борьбе с деформациями в исторической науке. Некоторые его участники, в том числе и М. Госиоровский, публично осудили свои прежние позиции. На конференции в Смоленицах летом 1964 г., посвященной 20-летию СНВ, было дано много новых принципиально важных оценок, касавшихся самых разных сторон его подготовки и проведения. О задачах марксистской историографии в новых условиях говорил на конференции А. Дубчек, тогда член президиума ЦК КПЧ и первый секретарь ЦК КПС. В работе конференции активно участвовали Гусак и Новомеский. Большинство из тех, кто готовил эту конференцию и содействовал утверждению нового взгляда на восстание, позднее, в 1970–1980-е годы, когда Гусак возглавил сначала компартию, а потом и страну, были лишены возможности

официально заниматься наукой и репрессированы: Л. Липтак, М. Тихы, Я. Кржен, М. Виетор, А. Штвртецка, С. Фалтян, Б. Граца, Й. Яблоницкий, А. Бенчик, В. Курал, Я. Навратил, Я. Тесарж, Е. Фриш, О. Янечек, Ф. Яначек, Ф. Беер и др. Но тогда Гусак пользовался несомненной поддержкой и симпатиями как большей части исторического сообщества, так и словацкой общественности. Именно поэтому написанная им и вышедшая сначала небольшим тиражом книга «Свидетельство о Словацком национальном восстании» (Bratislava, 1964) оказала большое влияние как на историографию СНВ, так и вообще на настроения в Словакии. Книга представляет собой своеобразный сплав воспоминаний активного участника событий и научного труда. Автор защитил ее как диссертацию на звание кандидата исторических наук. Она опиралась на большой массив документов, почерпнутых Гусаком, в частности, и из упомянутого сборника «Словацкое национальное восстание. Документы», с которым он ознакомился еще на стадии подготовки сборника к печати. Гусак предложил отличную от прежней концепцию восстания, по-новому оценивал участие в нем V нелегального руководства КПС, буржуазного крыла Сопrotивления, словацкой армии, партизан, позиции противостоявших повстанцам сил, деятельность Словацкого национального совета и т.д. В общем, это был настоящий переворот во взглядах на восстание. Книга Гусака стала настоящим «бестселлером» и, бесспорно, значительным явлением в историографии восстания. Она сыграла, если иметь в виду концептуальный аспект, роль «путеводной звезды», особенно в 1970–1980-е годы, когда ее автор возглавил процесс «нормализации» в стране. В момент выхода большинство рецензентов положительно оценили работу, хотя говорилось и о ее слабых сторонах. Полтора года спустя после выхода книги с ее публичной критикой, по сути с позиций оценок 1950-х годов, выступил В. Крал, тогда директор Института истории европейских социалистических стран ЧСАН. Фронт чехословацких историков Сопrotивления, как писал впоследствии один из самых серьезных исследователей истории СНВ Йозеф Яблоницкий, фактически объединился против автора рецензии и на заседании идеологического отдела ЦК КПЧ, где состоялось обсуждение книги, никто из приглашенных историков не поддержал Краля. Однако Яблоницкий, оценивая книгу позже, полагал, что хотя она содержала много новых сведений и оценок, ее автор все же не сумел выйти за рамки участника событий с субъективным взглядом.

Второе издание книги появилось в августе 1969 г., когда Гусак занял пост генерального секретаря ЦК КПЧ. Тогда же в «пожарном порядке» и поэтому в ущерб качеству книга была переведена на русский язык. Вспоминая, как все богемисты и словакисты Москвы (историки, литературоведы, лингвисты) в течение недели, а может и больше, собирались в здании на Старой площади, где размещался ЦК КПСС, и переводили книгу. Каждый получил по куску текста, рукопись перевода сразу же передавалась находившимся рядом машинисткам для перепечатки на машинке. Помню, некоторые наиболее отважные, например Лев Сергеевич Кишкин, чтобы ускорить процесс, диктовали машинистке текст перевода прямо с книжного листа. 29 августа 1969 г. (29 августа – день начала СНВ) книга объемом 46 п.л. была сдана в набор, 2 сентября подписана к печати, и вскоре издательство «Правда» выпустило ее в свет. Тираж не указывался, как и имена переводчиков и редактора (не уверена, существовал ли он вообще), но цена была проставлена – 1 рубль 40 коп.

Первым по-настоящему научным обобщением новых подходов к истории СНВ стала книга «Исторический перекресток» (Praha, 1964). Не претендуя «на конечную правду и безошибочность», авторский коллектив (Франтишек Беер, Антонин Бенчик, Богуслав Граца, Ян Кржен, Вацлав Курал, Ярослав Шолц) полагал, что «преодоление старого не сводится ни к простому отрицанию прежних представлений, ни к их выворачиванию наизнанку, а состоит в упорном стремлении

выяснить правду, которая должна впитать в себя из прошлых представлений все, что сохраняет непреходящую ценность» (с. 9–10). Думается, что чешские и словацкие «историки-шестидесятники» руководствовались при написании своих работ именно этим, весьма актуальным и для сегодняшнего дня принципом. Книга с автографами авторов хранится в моей библиотеке. История Словацкого национального восстания, вопрос помощи со стороны СССР интересовали меня на протяжении всех лет моей работы в Институте. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на список трудов В.В. Марьиной на сайте Института славяноведения РАН.

Но были и другие интересы. Я уже упоминала, что намеревалась заниматься историей Чехословакии первых послевоенных лет и поэтому внимательно следила за работами по этой проблематике, активно разрабатывавшейся в ЧССР в 1960-е годы. Тогда в связи с 20-летием восстановления Чехословацкой республики на страницах научной литературы, и в первую очередь в журналах, развернулась дискуссия по вопросу о характере революции 1944–1948 гг. в стране. Этот вопрос рассматривался в статьях К. Каплана, М. Реймана, Я. Опата, Я. Кладивы, Я. Шедивого и других, опубликованных в журналах «К вопросам истории КПЧ», «Чехословацком историческом журнале» и других в 1966 г. Обсуждение указанной проблематики стало весьма актуальным в связи с критикой допущенных ранее деформаций социализма и поисками путей его реформирования в направлении построения «социализма с человеческим лицом». Многие чехословацкие историки, анализируя сложные общественные процессы послевоенного периода, снова обратились к забытому в 1950-е годы термину «чехословацкий путь к социализму». Идея национального пути к социализму, принятая вскоре после войны на вооружение многими коммунистическими партиями с благословения Сталина, подчеркивала необходимость учитывать особенности, отличия, специфические условия отдельных стран при переходе к социализму. В 1950-е годы, когда упор делался на копировании советского опыта социалистического строительства, эта идея стала своеобразным запретным для гуманитариев плодом. Вопрос снова был поставлен и теоретически обоснован в решениях XX съезда КПСС, а затем в документах совещаний коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг. Тогда проблема и привлекла к себе внимание чехословацких обществоведов, активно обсуждавших возможность реализации альтернативной сталинизму модели демократического социализма.

Сторонники указанных взглядов полагали, что чехословацкая революция 1944–1948 гг. относится к типу западноевропейских революций, особенности которых определялись тем, что в XIX в. на Западе возникла реальность в форме буржуазной демократии, парламентаризма, гражданского общества. Вместе с тем подчеркивалась специфика развития революционного процесса в Чехословакии, обусловленная конкретно-историческими внутренними и внешними обстоятельствами конца Второй мировой войны и тесной связью революции с антифашистской освободительной борьбой. Отмечалось органическое единство национальных, демократических и социалистических целей революции. Большое внимание уделялось социально-экономическим (национализации промышленности и банков, аграрной реформе) и политическим преобразованиям первых послевоенных лет.

Активно обсуждалась также роль Национального фронта в послевоенной истории страны. Эта дискуссия была связана с оценкой на страницах печатных органов итальянской и французской компартий политики народного фронта, разработанной VII конгрессом Коминтерна в 1935 г. Проведенная в конце 1965 г. в Институте истории КПЧ встреча историков была реакцией на итальянскую дискуссию по этой проблеме. Некоторые чехословацкие историки поддержали тезис о том, что слабость политики народного фронта крылась в ее связи с советской

моделью социализма. В частности, М. Гюбл и Ф. Яначек полагали, что наибольшее противоречие VII конгресса состояло в принятии тезиса о необходимости искать новые формы и подходы к революции, конечной целью которой считалась советская модель. Рассматривая вопрос о чехословацкой революции 1944–1948 гг., историки стали указывать на тесную взаимосвязь внутренних и внешних условий ее развития (Я. Опат, М. Рейман, К. Каплан, Я. Шедивы). Февральские события 1948 г. они считали результатом давления внешних обстоятельств и полагали, что специфические условия развития революции в Чехословакии вели к новой модели социализма. В то же время оппонировавший им Й. Белда считал, что в 1944–1948 гг. речь шла не о целенаправленном создании некоей новой модели, а лишь о попытке мирным путем реализовать унифицированную советскую модель. В общем и целом дискуссия о характере революции 1944–1948 гг. и чехословацком пути к социализму, имевшая, несомненно, творческий и новаторский для своего времени характер, не вышла – да и не могла тогда еще выйти – за рамки марксистско-ленинской доктрины с ее незыблемым постулатом о руководящей роли рабочего класса во главе с компартией в революциях XX в.

С большинством упомянутых выше историков я была знакома, с одними меньше, с другими больше, и в течение моих неоднократных командировок в Чехословакию в 1960-е годы стала свидетелем, а иногда и участником, горячих споров по волновавшим их вопросам. Но, как я уже говорила, с середины этого десятилетия меня вместе с Г.П. Мурашко занимала, прежде всего, тема социалистической перестройки чехословацкой деревни. Именно со специалистами по этой проблематике мы и общались главным образом во время поездок в Чехословакию. Назову их имена: чех Карел Ех (он был аспирантом нашего Института и знал русский язык, но его, того времени, я плохо помню; Ех опубликовал в 1963 г. фундаментальную книгу об аграрных преобразованиях в ЧСР в послевоенные годы); словак Самюэль Цамбел написал работу о решении аграрного вопроса в Словакии; в статьях Желмиры Рихтовой, Властимила Лацины, Марии Лавовой, напечатанных в журнале «Вопросы истории КПЧ» (тогда это был один из самых прогрессивных журналов, как и издававший его Институт истории КПЧ), на конкретно-историческом материале рассматривались вопросы перехода от демократических преобразований к социалистическим и начала социалистического строительства в деревне ЧСР. Все эти люди чрезвычайно дружелюбно относились к нам, делились своими идеями, мыслями, подсказывали, где можно найти тот или иной материал. Много сделал для того, чтобы мы попали в нужные нам архивы, Карел Каплан. Он работал в комиссии по реабилитации, хорошо знал архивные фонды и людей, причастных к архивной службе. Оказывали нам помощь в этом плане и другие историки. Так мы получили доступ к архивам Институт истории КПЧ и КПС (позднее они были переименованы в институты марксизма-ленинизма), оперативным архивам Министерства сельского хозяйства ЧССР, Государственной плановой комиссии ЧССР. Все изученные нами материалы показали, что дело с социалистической перестройкой сельского хозяйства в Чехословакии обстояло не так гладко, как описывалось в официальных изданиях, что в этом процессе были трудности, провалы, сомнения, перегибы, откаты и т. д. Надо сказать, что во время работы над темой мы тесно общались с Виктором Петровичем Даниловым (Институт истории СССР), который возглавлял коллектив, готовивший к изданию трехтомный труд по истории коллективизации в СССР. Профессионал высокого класса, знаток советских архивных фондов по исследуемой теме, он очень помог нам войти в проблему. К слову сказать, подготовленный к изданию труд так, в конце концов, и не был опубликован, поскольку уж очень нетрадиционно и отлично от официальной точки зрения трактовалась там история коллективизации в СССР. В.П. Данилов понес наказание, был отстранен от руководства отделом и, хотя остался в Институте, однако стал заниматься другими, менее «острыми» темами.

Но когда мы с Г.П. Мурашко работали над нашей книгой, Виктор Петрович очень помогал нам советами. Он знакомился с текстом подготовленной нами рукописи, участвовал в ее обсуждении и рекомендовал работу к печати.

В 1969 г., т.е. уже после событий августа 1968 г., рукопись была сдана в издательство «Наука». И тут начались проблемы, дело застопорилось. Начальство решило перестраховаться и затягивало под разными предлогами выпуск книги. Замечания касались необходимости ее доработки с точки зрения методологии, т.е. опоры на марксистско-ленинскую идеологию. Мы как-то так «умудрились» написать текст, что там отсутствовали цитаты из ленинских работ, и нам предписано было вставить во введении большой кусок о ленинском кооперативном плане, добавить то там, то сям ленинские цитаты, что мы, естественно, и сделали, так как уж очень хотелось, чтобы наша первая монографическая работа увидела свет. Издательским редактором книги была Татьяна Георгиевна Иванова, молодая, очень энергичная женщина, тогда председатель профкома издательства (впоследствии она возглавила парторганизацию издательства, потом стала секретарем райкома партии, а затем даже заместителем председателя президиума Верховного Совета РФ). Татьяна Георгиевна очень помогла нам в подготовке книги к изданию, подбадривала нас («все будет хорошо») и вселяла оптимизм. Всячески помогал нам и заведовавший тогда историческим отделом издательства мой однокурсник, выпускник кафедры истории южных и западных славян Виктор Иванович Зуев. Ответственным редактором книги являлся Александр Яковлевич Манусевич. Но в издательстве, видимо, сочли, что он плохо разбирается в проблеме, и обратились с просьбой ознакомиться с книгой и высказать свои соображения к Владимиру Константиновичу Волкову. Почему именно к нему, уже не помню. Владимир Константинович (однокурсник Г.П. Мурашко) честно прочитал рукопись, сделал несколько частных замечаний и рекомендовал к изданию. Но и на этом дело не кончилось. От нас потребовали заключения международного отдела ЦК КПСС, и мы отправились туда. Там встретили нас благожелательно, но сказали, что в проблеме ничего не понимают, и направили в экономический отдел ЦК. Недели через две или три мы получили вполне доброжелательный отзыв. Однако и этого оказалось мало: нужно было мнение чехословацкой стороны.

И вот мы – в Чехословакии, по-моему, это был 1970 год. В стране уже полным ходом шел процесс «нормализации», но исторические институты еще не совсем были разогнаны и худо-бедно функционировали. Рукопись мы передали в Институт истории КПЧ (тогда – один из активных рассадников «крамольных» идей), где было много наших хороших знакомых, в том числе и заместитель директора Вило Ганзел. Нам обещали организовать обсуждение рукописи и дать отзыв. А пока нас поселили в партийной гостинице «Прага» в центре столицы. В. Ганзел сказал: «Пока мы (т.е. Институт) еще это можем сделать, а вы посмотрите, как живут наши партийные боссы». А жили они, с нашей точки зрения, неплохо, во всяком случае, бесплатное питание им обеспечивалось. Нас с Галиной Павловной и «нормализаторь», и наши прежние знакомые, которые не попали в эту категорию, но пока еще работали, встретили хорошо. Они определенно знали, что мы не виноваты в том, что случилось в августе 1968 г. И общались мы больше с опальными историками, чем с их идеологическими недругами. Например, в ресторане гостиницы к нам как-то подсел Б. Граца (бывший директор Института истории КПС), рассказывал о ситуации в стране и... анекдоты (я плохо их запоминаю, и поэтому ни одного не помню). В холодном зале Института истории ЧСАН, куда нас привел В. Пречан, Йиржи Долежал, который тогда уже работал таксистом, долго убеждал нас в преимуществах социал-демократической идеологии перед коммунистической. Но были и представители «нормализаторов», которые настойчиво искали встреч с нами. Один (не помню его фамилии, тоже занимался проблемой кооперирования, работая преподавателем в каком-то сельскохозяйствен-

ном институте) буквально преследовал нас, поджидал то в холле гостиницы, то у ее дверей, стремясь поделиться с нами своими соображениями и уверить, что коллективизация в Чехословакии прошла прекрасно. В назначенный день состоялось обсуждение нашей рукописи в Институте истории КПЧ. За круглым столом собралось человек десять. Заседание, которое протоколировалось, вел В. Ганзел, а основным докладчиком являлся К. Ех. Он дал очень хороший отзыв о работе, подчеркнув ее оригинальность, новизну, фундированность выводов. Последовали вопросы и высказывания. В. Ганзел подвел итог и заявил о готовности дать отзыв от имени института. Тут же возникла мысль об издании книги в Чехословакии. Несколько позже договорились об этом с директором Института истории КПС в Братиславе Вильямом Плевзой (В Словакии издать было проще). Мы оставили рукопись, получили отзыв и отправились в Москву. В издательстве, видимо, неважно было, кто дал отзыв, каковы личные политические позиции его авторов, важна была марка партийного института. В конце концов, в 1972 г. книга «Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1948–1960)» объемом 17 п.л. вышла из печати тиражом (представляете!) 1750 экз. по цене 1 рубль 29 коп. В Братиславе в первоначальном, неурезанном виде рукопись была переведена на словацкий язык и вышла под названием «Распаханные межи. К истории социалистического кооперирования чехословацкой деревни 1948–1960» (объем около 23 п.л., тираж 1000 экз., научный редактор В. Плевза) в 1971 г., т.е. раньше, чем в Москве, но из тактико-политических соображений (ведь, якобы, переводилась книга, а не рукопись) официальным годом издания стал 1972-й. И мы с Галиной Павловой очень неожиданно для себя (никаких предварительных разговоров на эту тему не было) получили даже гонорар (с извинениями, что небольшой), на который смогли купить по дубленке. Книга получила положительные рецензии, как в СССР, так и в Чехословакии.

К слову сказать, кооперирование сельского хозяйства в Чехословакии прошло с меньшими издержками (социальными, политическими, экономическими), чем в СССР. Насколько эффективно функционировала эта система? Сказать трудно: нужно специальное независимое исследование на этот счет. Те оценки, которые существовали в ЧССР, однозначно свидетельствовали о положительном эффекте обобществления сельского хозяйства. Во всяком случае, достаточно успешно функционировавшие сельскохозяйственные кооперативы существовали, и я видела такие. В частности, словацкий историк Юлиус Мессарш возил нас с Галиной Павловой в свое родное село на юге Словакии, где мы, встреченные очень приветливо правлением кооператива, ознакомились с его деятельностью. Конечно, это ничего не значит: такие «показательные» хозяйства существовали и у нас. Определенно, имелись и другие, плохо работавшие хозяйства, которые нам не показывали. Трудно сказать, каких было больше. Но вот что интересно: известно, что после «бархатной революции» попытка тут же ликвидировать сельхозкооперативы наткнулась на сопротивление деревни. Дело в том, что кооперированное крестьянство, достаточно хорошо защищенное в социальном отношении, было заинтересовано в сохранении полученных льгот. Другой вопрос, насколько сильным было это сопротивление и сохранилось ли что-нибудь от созданной в коммунистические времена в деревне кооперативной системы? Не знаю.

После августа 1968 г. наступили тяжелые времена для чехословацкой исторической науки, и прежде всего, для ее мыслящего авангарда, к которому относилось большинство, по крайней мере известных мне, историков-шестидесятников. Я продолжала ездить в Чехословакию теперь уже не только в качестве научного работника, но и в качестве ученого секретаря Комиссии историков и архивистов СССР и Чехословакии. Но об этом другой разговор.

T. HODANA. Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów – obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI – połowy XVII stulecia). (=Studia Ruthenica Cracoviensia. T. 4). Kraków, 2008. 262 s.

Т. ХОДАНА. Между королем и царем. Московское государство глазами православных русинов – жителей Речи Посполитой (на основе письменных памятников конца XVI – первой половины XVII в.)

Монография польского историка Томаша Ходаны представляет собой попытку реконструировать на основе письменных памятников конца XVI–XVII в. взгляды православного восточнославянского населения Речи Посполитой на Московское государство и его подданных. Несмотря на то, что в работе охвачен небольшой хронологический отрезок – всего лишь половина столетия (от 1596 г., момента заключения Брестской унии, до 1648 г., года восстания под руководством Богдана Хмельницкого), такое решение автора представляется вполне оправданным, поскольку именно в это время в жизни православного населения Речи Посполитой происходили большие изменения.

Во введении автор обосновывает важность и актуальность выбранной проблематики тем, что православные русины Речи Посполитой оказались «между двух огней»: с одной стороны, с Московским государством их связывало православное вероисповедание, языковое и этническое родство, но с другой стороны, они жили в ином государстве, с иным общественно-политическим устройством, и не могли однозначно определить свое отношение к единоверным жителям России.

В работе воспроизведены, в основном, взгляды православного духовенства Речи Посполитой, в меньшей степени – мещанства и казаков. Связано это с особенностями большинства источников, в которых так или иначе отразилась точка зрения украинско-белорусского населения Речи Посполитой на Московское государство. Автор опирается на произведения религиозного, публицистического, исторического, литературного характера, полемические трактаты, литургические тексты, агиографические сочинения, частную и официальную корреспонденцию, учебники, поэтические сочинения польского и украинско-белорусского происхождения. В целом, корпус используемых источников достаточно широк, однако автор привлекает в основном документы, находящиеся в польских архивах и библиотеках, хотя большое число важных для данной проблематики источников находится в Российском Государственном архиве древних актов.

Т. Ходана использует работы как польских и западных, так и российских, украинских и белорусских ученых. Однако специального раздела, посвященного историографии данной темы в монографии нет.

Основная часть работы состоит из трех глав. В первой главе («Русины и Москва на рубеже XVI–XVII веков») рассматриваются взгляды православных русинов на Московское государство накануне Брестской церковной унии 1596 г. и сразу после ее заключения, а также деятельность Константина Острожского. Т. Ходана интерпретирует ранее не изучавшуюся в Польше грамоту князя к московскому патриарху Иову (1604), которую ввел в научный оборот А.А. Турилов. Кроме того, анализируется отношение православных жителей Киевской митрополии к Московскому патриархату, особенно после заключения Брестской унии, а также реакция православных подданных польского короля на польско-русский конфликт периода Смутного времени. Т. Ходана пришел к выводу, что заключение Брестской унии оказало весьма неблагоприятное влияние на «русинско-московские» связи, которые стали восприниматься как политически опасные, и польское правительство всячески им препятствовало. Кроме того, по мнению автора, в указанный период стали углубляться культурные различия между украинско-белорусскими территориями Речи Посполитой и Московским государством. Тогда как православные жители России продолжали оставаться в сфере влияния средневековой византийской традиции, жители восточных территорий Речи Посполитой стали воспринимать элементы западной культуры, не характерные для традиционного православия. Однако православные русины по-прежнему осознавали общность с единоверным Московским государством, которое, однако, в цивилизационном и географическом смысле представлялось им чем-то неизведанным и отдаленным. Возможно поэтому после заключения Брестской унии православные русины не стремились искать поддержку у Московского патриархата, а предпочитали сотрудничать с протестантами. Кроме того, во времена Смутного времени большинство православных участников конфликта из украинско-белорусских земель поддерживали в борьбе за московский престол польского короля.

Вторая глава – «Православная Киевская митрополия и Россия в 20-е годы XVII века» посвящена драматическим событиям

1620-х годов, когда православные русины, после восстановления православной иерархии, впервые встали перед дилеммой – оставаться лояльными королю-иноверцу или обратиться за помощью к единоверному государству. Исследователь предпринял попытку проанализировать взгляды митрополита Иова Борецкого и других православных иерархов на Московское государство и интерпретировал многочисленные прошения о милостыне. Он впервые в историографии подробно прокомментировал обстоятельства посольства Исаакия Борисковича в Москву и послание Иова Борецкого царю 1624 г. и выявил некоторые высказывания митрополита, не замеченные исследователями ранее.

Здесь, на мой взгляд, следует подробно остановиться на послании Иова Борецкого в Москву в 1624 г., поскольку несомненно, что это важный документ, в котором впервые отчетливо прозвучала мысль о родстве православных Московского государства и Речи Посполитой. Иов Борецкий с почтением обращается к царю Михаилу Федоровичу («смиранный и недостойный богомолец Иов Борецкий, милостию божию архиепископ, митрополит киевский и галицкий, твоему пресветлому царскому величеству, и богом украшенному образу, и богосиятельному лицу смирения своего низайший до пресветлых царских стоп и до самого лица земного поклон отдает» [1. С. 46]), затем приводит библейское предание об Иосифе Прекрасном, который был продан братьями в Египет, однако стал его правителем, сумел добиться его процветания, помог многим странам во время голода, а потом позаботился и о своих братьях и помог им, когда в Израиле начался голод. С Иосифом Прекрасным Иов Борецкий сравнивает Михаила Федоровича и говорит в послании о том, что московский государь должен позаботиться о родственном ему по вере, крови и происхождению народе – православных Речи Посполитой («российскаго ти племени единокровным людем державы ти и твоему самому царскому величеству родом плоти и родом духа единого») подобно тому, как Иосиф позаботился о своих братьях. Когда же в письме речь заходит о польском короле, митрополит называет его «попущенным над нами», а поляков вооб-

ще ставит в один ряд с «безбожными агарянами». Кроме того, Иов Борецкий описывает, каким притеснениям со стороны униатов в Польском государстве подвергались православные: «Всячески гонение на православных, не хотящих последовати нечистотам их, воздвигоша, наипаче же нас, православных епископов, от престол, от мест, от обителей наших изгнаша и до крове на святую православную веру вооружавшася» [1. С. 47]. Далее митрополит пишет о том, что посылает к царю верного человека, могущего сохранить царскую тайну, т.е. речь идет о миссии Исаакия Борисовича. А в заключение митрополит выражает надежду на поддержку русским государем православных.

Т. Ходана достаточно подробно комментирует послание Иова Борецкого к царю, но, на мой взгляд, не все в этих комментариях убедительно. Говоря о вступительной части послания, он предостерегает исследователей от «сверхинтерпретации» возвышенной риторики, которая прослеживается в обращении митрополита к царю, видит в этом дань традиционной риторике и ничего больше. Однако трудно не признать, что сама риторика в данном случае многозначительна и именно она задает некую идеологическую парадигму для развития взгляда на соседнее православное царство. Необходимо иметь в виду, что Иов Борецкий был нелегально поставленным православным митрополитом Киева, а послание было написано уже после Витебского восстания 1623 г., и тот факт, что в его сочинениях мы сталкиваемся именно с таким отношением к московскому царю, не может быть объяснен только протокольной риторикой. В тексте ясно выражена идея, что для православных жителей Речи Посполитой Михаил Федорович не просто правитель соседнего государства, но и глава общества, связанного с русинами родственными узами.

Т. Ходана комментирует и основную часть послания, т.е. пересказанную Иовом Борецким библейскую легенду о Иосифе Прекрасном. При этом самой легенде исследователь уделяет, на мой взгляд, недостаточное внимание. Он считает, что митрополит призывает московского царя позаботиться обо всех угнетенных православных, особенно о жителях Речи По-

сполитой, которые тоже принадлежат к «российскому» народу, лишь потому, что Михаил Федорович на тот момент был единственным независимым православным правителем и мог оказать киевскому духовенству существенную поддержку. Кроме того, по мнению исследователя, Иов Борецкий так часто указывает на родство православных Речи Посполитой и России не потому что видит в этом основу для дальнейшего их объединения в одно государство, а потому, что Киевская церковь – «родительница» не только Русской церкви, но всего Российского государства. Действительно, в тексте нет свидетельств того, что митрополит стремился к объединению России и украинско-белорусских земель, но нет и нарочитых высказываний о том, что Московское государство своим существованием обязано Киевской церкви.

Фрагмент, в котором Иов Борецкий сравнивает Михаила Федоровича с Иосифом Прекрасным, а православных русинов – с его младшим единоутробным братом Вениамином, Т. Ходана интерпретирует как призыв к царю позаботиться о них, не требуя ничего, кроме благодарности, взамен. Последняя же часть послания, в которой описываются преследования, чинимые поляками в отношении православных, нужна Иову Борецкому, по мнению Ходаны, лишь для того, чтобы еще больше «разжалобить» Михаила Федоровича. Кроме того, для Т. Ходаны принципиальное значение имеет то, что этим же числом датировано письмо Иова Борецкого литовскому гетману Кшиштофу Радзивиллу, в котором митрополит также жалуется на тяжелое положение, в котором оказались православные Речи Посполитой, и просит у него поддержки. Таким образом, по мнению Т. Ходаны, главной задачей Борецкого была легализация православной иерархии, а кто именно окажет в этом поддержку, митрополиту было не столь важно. Однако, на мой взгляд, это не совсем так, поскольку в риторике, в содержании, в тексте обращений видны различия, позволяющие предположить, что для митрополита разные адресаты имели различное значение. В целом послание Иова Борецкого в Москву имеет более многослойное содержание, чем это продемонстрировал в своем анализе Т. Ходана.

Основным мотивом послания является именно уподобление царя Михаила Федоровича библейскому Иосифу Прекрасному. Нужно внимательно присмотреться к тому, как именно Иов Борецкий в своем тексте использует библейское предание и какую связь митрополит устанавливает между этим преданием и ситуацией, сложившейся в украинско-белорусских землях Речи Посполитой в начале XVII в.

Сравнение Михаила Федоровича с Иосифом Прекрасным объясняется тем, что они, по мнению митрополита, оказались в похожих ситуациях: как Иосиф Прекрасный был продан своими братьями из родной страны в «чужую» землю Египта, так и царь Михаил Федорович оказался «в чужду заведен краину». Таким образом, к Египту в послании Иова Борецкого приравнивается Московская Русь, а к Израилю – украинско-белорусские земли Речи Посполитой, т.е. земли – наследницы Киевской Руси, откуда, как и из Израиля в свое время, началось христианство. На мой взгляд, следует обратить должное внимание на это чрезвычайно важное и в каком-то смысле очень смелое сравнение, никем прежде в историографии не замеченное. Это сравнение позволяет увидеть парадоксальную вещь: Иов Борецкий указывает православному царю на то, что его «Израиль» как «родная земля» находится в Речи Посполитой. Митрополит тем самым указывает на важность и первостепенность украинско-белорусских территорий по сравнению с Московским государством, в котором царь оказался как бы вынужденно и поэтому должен позаботиться о земле предков. Тема сопоставления Израиля и украинско-белорусских территорий для Иова Борецкого не нова; еще в 1621 г. он прямо назвал Киев вторым «русским» Иерусалимом, что говорит об особом восприятии митрополитом Киева – города, откуда пошло христианство восточных славян. До этого в украинско-белорусской полемике тема сравнения Украины и Израиля встречается крайне редко, и Иов Борецкий, возможно, открывает новую страницу в общественной мысли православного населения Речи Посполитой.

Но, согласно легенде, отец и братья Иосифа оставались в Египте до самой своей смерти, т.е. оставили Израиль. Продол-

жая аналогию, можно предположить, что Иов Борецкий, в принципе, допускает ситуацию, при которой православные могут оставить Киев и каким-то образом переселиться под власть родственного православного правителя. Однако митрополит, конечно, не призывает Михаила Федоровича вступать в борьбу с Речью Посполитой и присоединять украинско-белорусские территории к России.

Иов Борецкий пишет о том, что Иосиф был продан в чужую землю «смотреньем божьим» и «о прокормлению в богопущенную казнь не токмо Египту, в нем же начальник явися». Этот фрагмент, на мой взгляд, можно проинтерпретировать так: тот факт, что Иосиф божьей волей оказался в Египте, с одной стороны, наказание в виде изгнания из родной страны; но с другой – это и Богом дарованная возможность возвыситься, стать правителем, а для братьев – это кара, поскольку они совершили греховный поступок, но потом испытали голод и вынуждены были обратиться за помощью к брату. Получается, что в таком иносказательном виде митрополит описывает положение, в котором оказались православные Речи Посполитой: действительно, они воевали против единоверного народа (например, в эпоху Смуты они поддерживали польского царевича Владислава в борьбе за царский трон и тем самым предали единоверных православных), но теперь они наказаны за это, подвергаются притеснениям и надеются на помощь милосердного русского правителя.

В послании 1624 г. к московскому царю Михаилу Федоровичу появляются и новые мотивы в отношении к польскому королю. Иов Борецкий фактически развивает идею «иерархии» властей. Получается так, что в послании 1624 г. он явно отдает предпочтение русскому православному царю. О польском короле он говорит: «В державе великого короля польского, государя *Богом пущеного* над нами». Он признает законность правления польского короля, но указывает на то, что бог лишь «допустил» правление польского короля как бы в наказание православным. Однако он, по мысли митрополита, не оправдывает доверия Бога, а покровительствует различным «ересям» (в данном случае униатам). Иов

Борецкий продолжает мотивы, обозначенные им в более ранних текстах (любая власть от Бога), но теперь он задается вопросом, стоит ли относиться с лояльностью к власти даже тогда, когда она не оправдывает поставленного Божьей волей назначения, и что делать православным в такой ситуации: бороться против такой власти или нет?

В связи с этим опять встает вопрос, который никогда не ставился раньше: как православные должны воспринимать власть короля-католика, в то время как рядом находилось единое православное государство? Вероятно, проблема правителя-иноверца возникла именно после заключения унии, когда православные задумались, нормальна ли такая ситуация, в которой они живут под монархом-иноверцем? И если в более ранних текстах Иов Борецкий указывал на преданность и лояльность православных королевской власти, то в этом тексте о лояльности не говорится. Однако, конечно, неверно было бы видеть в самом этом тексте призыв к борьбе с польским королем. Эта идея лишь начала появляться в сочинениях Иова Борецкого и, возможно, других православных (хотя пока вопрос не изучен), но еще не получила четкого оформления.

В тексте послания есть и этнонациональные мотивы. Ведь митрополит не только сравнивает царя с библейским Иосифом, но и православных Речи Посполитой, о которых он должен позаботиться, – с Вениамином, единственным из двенадцати *единоутробным* братом Иосифа. Этот фрагмент весьма красноречив: Иов Борецкий говорит, что среди двенадцати родственных народов-братьев, родившихся от одного отца, лишь два народа – суть *единоутробные* братья, родившиеся еще и от одной матери. Это «русское» население Речи Посполитой и русские Московского государства. В этом контексте указания на особенно близкое родство двух народов слова «единоутробного Вениамина благоутробне с слезами приятова» могут восприниматься как намек на идею объединения двух именно «братских» народов. Конечно, такая интерпретация выходит за рамки того, что дословно сказано в послании: как было сказано выше, прямо об объединении укра-

инско-белорусских земель и Московской Руси в тексте не говорится.

Одновременно с этим митрополит начинает более радикально высказываться о поляках. Интересно, что в послании в Москву 1624 г. Иов Борецкий называет поляков «злочестивыми и безбожными» агарянами, т.е. фактически приравнивает их к татарам. От лояльности, которую он высказывал им в предыдущих своих сочинениях, не осталось и следа. Важно подчеркнуть, что это очень радикальное и смелое сравнение – приравнять поляков и неверных мусульман-татар означало, фактически, призвать к выступлению против них.

Итак, несмотря на достаточно внимательный анализ послания 1624 г. в Москву, данный Т. Ходаной, он не полно раскрывает содержание этого важного документа.

Кроме того, автор недостаточное внимание уделяет событиям 1625 г., когда состоялось очередное посольство в Москву, сведений о котором не сохранилось, а в начале зимы того же года разразилось казачье восстание. До недавнего времени источников, которые бы отражали реакцию Киевской митрополии на эти события, в распоряжении исследователей не было, однако Б.Н. Флоря указывает на очень важный комплекс документов, находящийся в составе одного из столов Разрядного приказа – отписки воевод приграничных городов за период с августа 1625 г. по май 1626 г., а также публикует часть из них [2]. В частности, в одной из таких отписок говорится, что «от поляков в Киеве розоренье будет крестьянской вере, и киевской митрополит Иов Борецкий ис Киева хочет бежать к Москве, к тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси». Однако Т. Ходана не уделяет должного внимания этим документам, что не позволяет исследователю всесторонне осветить события 20-х годов XVII в. в Речи Посполитой.

В третьей главе – «Киев и Москва при митрополите Петре Могиле» речь идет о событиях 30–40-х годов XVII в., когда легальный статус православной церкви в Речи Посполитой был восстановлен и начались реформы митрополита Петра Могилы, неоднозначно воспринятые православными русинами. По мнению автора, об отношении жителей восточных территорий Речи

вой системы и государственных институтов в рамках обособившегося Трансильванского княжества. В национальных нарративах XIX–XX вв. именно антигабсбургские походы трансильванских князей окружал героический ореол национально-освободительной борьбы за независимость и территориальную целостность, в то время как любые формы взаимодействия политической элиты с Веной получали негативную трактовку.

Палфи исходит из необходимости объективного анализа потерь и приобретений в результате альянса между Венгерским королевством и Габсбургской династией, отказа от стереотипов, прочно закрепившихся в историографии, причем не только венгерской, о «мятежных венграх» и «угнетателях-Габсбургах». Написанная на английском языке, книга является сокращенным вариантом многостраничной фундаментальной монографии под тем же заглавием, вышедшей в свет на венгерском языке годом позже, и знакомит широкие научные круги за пределами Венгрии с достижениями исторической науки страны.

Палфи детально исследует, какую роль в процессе консолидации нового государственного образования играл венский императорско-королевский двор, каковы были механизмы функционирования венгерской администрации, армии, экономики и финансов, как выстраивалась символическая репрезентация королевства в рамках монархии Габсбургов. В конце книги историк пересматривает традиционный взгляд на характер и движущие силы первого массового антигабсбургского движения – восстания под предводительством Иштвана Бочкаи 1604–1606 гг., отказываясь от таких определений, как «национальное» (в словесном смысле этого слова) или «освободительное».

Работа основана на широком спектре архивных источников, включающем фонды органов административного, финансового и военного управления Венгерского королевства и Габсбургской монархии, равно как и семейные и личные архивы венгерской и австро-чешской аристократии. Автор также демонстрирует знание немецкоязычной и англоязычной историографии, знакомство с новейшими работами историков Чехии,

Словакии, Хорватии. Для книги характерны современные методологические подходы к изучению раннего Нового времени и соотнесение событий венгерской истории со сходными процессами в сопредельных землях и странах.

Прежде всего автор сосредоточивается на государственно-правовом характере государства Габсбургов (сам он предпочитает говорить о «монархии») – одного из сложнейших по иерархии образований Европы раннего Нового времени, долгое время не имевшего даже названия. Палфи опирается на определение австрийского историка Т. Винкельбауэра, который пишет о «сложносоставном монархическом союзе, включающем в себя монархические союзы сословных государств». Истоки этой многоуровневой конструкции восходят к императору-королю Фердинанду I, в правление которого, по мнению автора, власть династии распространилась на четыре государственно-территориальные единицы: Священную Римскую империю, Венгерское королевство, земли Чешской короны и Австрийские наследственные провинции.

Возможно, здесь автору следовало более подробно остановиться на виртуальности этой державы, которую современники не воспринимали как общность, и более детально охарактеризовать персональную унию Габсбургов со Священной Римской империей, где территориальные князья обладали несравненно большим суверенитетом, а власть выборных императоров не выходила за жестко установленные рамки. Это позволило бы понять, почему Венгрия, Чехия и Австрия оказывались во все более тесной взаимозависимости, в то время как в аморфной, децентрализованной Священной Римской империи, где Габсбурги до 1806 г. (с небольшими перерывами) носили титул императоров, их власть с веками становилась номинальной.

Политизированные историки патриотических убеждений в XIX в. рассматривали прошлое сквозь призму современной им борьбы за независимость от Австрии государственность и наделяя сословные движения XVII–XVIII вв. «национально-освободительными» чертами, несвойственными их характеру и программам. Ревизия романтического национального нарратива потре-

бовала от автора детального рассмотрения форм инкорпорации венгерской элиты во властные институты венского двора, определения удельного веса венгерской экономики в системе товарооборота владений Австрийского дома, анализа стратегического потенциала венгерских воинских формирований в системе коллективной обороны от османов. Вместо того чтобы заострять внимание читателя на случаях, когда отказ от доли суверенитета диктовался необходимостью обрести новое место в сложной государственно-политической иерархии владений Австрийского дома, автор показывает, как быстро консолидировавшаяся политическая элита восстановила многие из своих ключевых функций и значимых позиций в изменившейся констелляции властных центров, как Габсбурги сохранили или возродили многие из домохаческих институтов и практик, считая мир и процветание Венгрии залогом стабильности своих собственных владений.

Все это позволяет автору сделать вывод, что «в рамках Габсбургской монархии, наряду со Священной Римской империей, это было государственное образование с сильнейшим феодальным порядком, внутренний суверенитет которого в течение всего столетия защищала и сохраняла все более совершенная система сословного представительства» (р. 186). Контуры реальной власти, по мнению Палфи, зримо вырисовываются, помимо прочего, и в символическом измерении политики, закрепленном в венском придворном и дипломатическом церемониале, в коронациях и погребениях, на приемах и пирах. Элементы независимого венгерского королевского двора, напоминает Палфи, «виртуально» сохранялись во владениях Австрийского дома (как бы они ни назывались) вплоть до 1918 г., и это ли не лучшее доказательство того, что Габсбурги нуждались в сохранении и разумном упорении венгерской государственности не меньше, чем политическая элита королевства. Анализ символической репрезентации власти лишь подтверждает эту гипотезу: в то время как реальная домохаческая Венгрия перестала существовать, террито-

риальное единство этой некогда могущественной державы манифестировалось в титулатуре Габсбургов.

В задачи автора входило не только дать читателю выверенный терминологический аппарат, но и освободить исторические тексты от накопленных за века или родившихся в последние десятилетия неточностей и анахронизмов. Так, укоренившийся в венгерской историографии термин «Королевская Венгрия» автор отвергает под тем предлогом, что не считает государство, возникшее в 1541 г. и просуществовавшее до 1686 г., принципиально иным по сравнению со средневековым Венгерским королевством типом государственности. Что же касается историографий тех стран, в состав которых после 1920 г. вошли территории, принадлежавшие распавшейся в результате Первой мировой войны державы св. Стефана, Палфи, например, справедливо отвергает попытки ряда словацких историков отождествить область, именовавшуюся в раннее Новое время «Верхняя Венгрия», с имеющей иную географическую конфигурацию современной Словакией и тем самым исторически легитимировать молодую словацкую государственность.

Книга снабжена рядом приложений с династическими таблицами Австрийского дома и архонтологическими списками, военными и политическими картами, изобразительным материалом из архивов и музеев, таблицами с названиями населенных пунктов в венгерской, английской/немецкой и «новонациональной» транскрипции, будь то актуальное название некогда венгерского населенного пункта на словацком, хорватском, русинском или турецком языках.

Эту книгу можно уверенно рекомендовать тем, кто работает над обобщающими трудами, изучает историю Европы раннего Нового времени, в особенности модель «имперский» центр – «национальная» периферия, или занимается полиэтничными регионами, оказывающимися предметом исследования нескольких, часто конкурирующих, национальных историографий.

© 2012 г. *О.В. Хаванова*

М. ТАЛАЛАЙ. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб., 2011. 400 с., илл.

Книга историка Михаила Григорьевича Талалая, много лет уже живущего в Италии, – это итог его пятнадцатилетней работы в архивах и библиотеках Италии и России. Она представляет уникальную «энциклопедию» русской церковной жизни на Апеннингах во всех ее аспектах – историческом, политическом, художественном, биографическом, бытовом. Церковное присутствие России представлено с его истоков, с учреждения посольских и миссийных храмов в конце XVIII в., через инициативы оседлых представителей дореволюционной элиты, а также через курортников и паломников, и до деятельности эмигрантов, включая их самую последнюю «волну» на рубеже XX–XXI вв.

В предисловии к книге М. Талалая доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, председатель Императорского православного палестинского общества Я.Н. Шапов поясняет, почему современная отечественная историческая наука «при исследовании фактической новейшей истории особое внимание уделяет изучению русских за рубежом»: «Это связано, прежде всего, с тем, что указанная тема в течение многих десятилетий была закрыта и разрабатывалась только эмигрантами» (с. 7).

Шапов высоко отзывается о работе Талалая: «В плане историографии автором собрана и проанализирована не столько многочисленная, сколько разнотипная и многоязычная литература о русских православных храмах в Италии – работы на русском, итальянском, немецком, польском, английском и греческом языках, начиная с научных статей и монографий и кончая путеводителями по святыням и обзорами памятников. Несомненное достижение М.Г. Талалая – это выявление и использование архивных источников по теме, ранее почти не привлекавшихся. Особую ценность имеют итальянские церковные архивы [...] а также материалы Св. Синода в РГИА в Санкт-Петербурге и документы Архива внешней политики Российской империи в Москве» (с. 7).

Книга М. Талалая – это труд объемом 400 страниц, состоящий из «Вступления»,

девяти глав, каждая из которых содержит несколько разделов и подразделов, «Заключения», пяти Приложений и справочного материала самого разного рода.

Во «Вступлении» автор отмечает, что присутствие Русской Церкви на территории Италии отражает важные явления: «возникновение на Апеннингах русских колоний, общин и землячеств; самосознание русских, проживающих в зарубежье и в “католическом окружении”; массовое движение русских паломников (в Рим и Бари) и курортников (на Ривьеру и в Южный Тироль); развитие дипломатических отношений России с итальянскими государствами, а после завершения Рисорджименто – с объединенной страной» (с. 10). М. Талалай также подчеркивает: «На развитие православной жизни в Италии сильное влияние оказала католическая специфика этой страны. Нельзя не сомневаться в первоначальном сильном противодействии со стороны католического духовенства в распространении здесь “схизматической” Церкви (немало предубеждений против восточного христианства существовало и в народной среде). Это оказало влияние на первоначальный этап появления православных русских храмов – они могли существовать либо при посольствах, пользующихся правом экстерриториальности, либо при частных домах российских подданных, осевших в Италии» (с. 10).

В первой главе «Вечный город» автор рассматривает развитие русско-итальянских отношений с конца XVIII в., отмечает их укрепление, подробно останавливается на появлении православных приходов, паломничестве к римским святыням. Дает подробное описание, порой с иллюстрациями, русских церквей, часовен, «домовых капелл» и т.п.

То же можно сказать со своей спецификой о главах «В “колыбели” Ренессанса», «На Юге», «На Севере», «В тирольском краю», «На Итальянской Ривьере».

Автор, например, приводит такой интересный факт: в XIX в. по числу русских церквей Флоренция превентивала не только в Италии, но и во всей Европе, «ибо

в то время Тоскана привлекала значительное число богатых аристократов, желавших и имевших возможность их содержать» (с. 61).

Особый интерес обращают на себя главы «К Николе Чудотворцу» и «Эмигрантские инициативы».

Как подчеркивает автор в параграфе о «Православном паломничестве в Бари», «на фоне в прошлом худосочного православного паломничества в Италию ярко выделялось стремление русских попасть в Бари для поклонения мощам св. Николая Чудотворца. Объяснялось это необычайно широким почитанием на Руси святителя Мир Ликийских» (с. 141). Автор очень увлекательно рассказывает об истории поклонения мощам Николая Чудотворца в России. Описывается драматичная история русского подворья в Бари, которое в итоге после долгих мытарств в 2008 г. было возвращено России.

В главе «Эмигрантские инициативы» автор представляет такую картину: «В Италии, в отличие от других европейских стран, новые церкви и общины почти не возникали, за малочисленностью русской эмиграции. Исключениями стали промышленные Милан и Генуя, а также Русский дом в пьемонтском городке Торе-Пеличе, устроенный при поддержке Всемирного совета церквей» (с. 157).

Интересны замечания Талалая о русском паломничестве: «В Италии, и в первую очередь в Риме, существовал и существует еще один фактор русского православного присутствия – паломничество. Оно имеет свои яркие отличительные особенности, не совпадающие с “оседлым” церковным присутствием, вызванным жизнедеятельностью дипломатов, италофильской знати, ни с модой культурной элиты на Италию. Оно определялось чисто религиозными побуждениями – стремлением посетить святыне места, поклониться мощам угодников, чудотворным иконам и иным святыням в надежде очиститься от грехов, преодолеть земные невзгоды, содействовать спасению души [...] Русское паломничество приобретает государственную окраску в 1880-х гг., с созданием в 1882 г. Императорского православного палестинского общества, взявшего на себя официальную опеку (и соответствующий контроль) над пилигримами» (с. 37–38).

Русские церкви становились порой настоящим украшением Италии. Так, русская церковь в Сан-Ремо стала одним из самых

значительных его памятников: «Когда Министерство связи Италии решило выпустить почтовую марку, посвященную городу, на ней появился именно православный храм» (с. 131).

Особый интерес представляет глава «Черногорский мемориал» об истории захоронения в крипте русского храма в Сан-Ремо черногорского «короля-изгнанника» Николы Первого. Автор показывает, как на протяжении всего лишь столетия вокруг одной исторической фигуры, далеко не мирового уровня, и мало известного русского храма в Италии тесно переплелись политика, история, деньги и политиканство.

А. Талалай пишет о том, как те или иные исторические, политические, иные катаклизмы влияли на русскую церковную жизнь в Италии. Например, в Тиролевском краю регулярная церковная жизнь русских курортников в Мерано «раз и навсегда оборвалась в 1914 г. Весной того года иеромонах Алексий, по установившимся правилам, уехал в родную Александро-Невскую лавру – с тем, чтобы вернуться осенью. Но этого не произошло: вспыхнула война, и Австро-Венгрия и Россия оказались во вражеских станах. Война началась в тот момент, когда Русский дом был закрыт на летний сезон, иначе его постояльцам, как подданным вражеской державы, грозила бы участь интернированных.

[...] Осенью 1914 г. Мерано для России уже был закрыт. Русский дом опустел – с тем, чтобы в начале 1920-х гг. заполниться новой категорией россиян – не курортниками, а беженцами. Изменилось и его “подданство”: после окончания Первой мировой войны он, вместе с Мерано и всем Южным Тиролем, оказался на территории Итальянского королевства». Но эмигранты не могли платить и скромную цену, и Русский дом опустел. Работы для беженцев в Южном Тироле было мало и в начале 1930-х годов их здесь почти не осталось. Применительно к 1950-м годам Талалай использует термин «русская общинка в Мерано». Далее судьба Русского дома складывалась не менее драматично, а в 1991 г. здесь наконец появился русский священник. Были ненадолго возобновлены богослужения (с. 116–119).

Как явствует из приведенного выше отрывка, пишет Талалай и о переломных годах революции, о том, как русскую революцию восприняли в русской церковной среде. Он приводит множество примеров. Вот один из самых ярких, из среды много-

тысячной, по большей части обездоленной эмиграции. Всего один голос: «У нас, не имеющих родины, осталась лишь церковь» (с. 79).

Много внимания М. Талалай уделил и нынешней Италии – одна из глав так и называется «В современной Италии». Из нее можно узнать, что география «русской Италии», сложившаяся к началу Первой мировой войны, оставалась неизменной до 1980-х годов, за исключением новых, обычно недолговечных, эмигрантских очагов в Турине, Милане, лагерях «перемещенных лиц»: «Опорой православия в стране долго оставались пять храмов, появившихся на рубеже XIX–XX вв. – в Мерано, Сан-Ремо, Флоренции, Риме и Бари, – которые со временем стали называться “историческими” (или “monumentale”, имея в виду их качества монументов, памятников)» (с. 175). Интересно, что новое и неожиданное расширение этой географии произошло на рубеже 1970–1980-х годов, причем за счет усилий не самой русской эмиграции, а коренных итальянцев, пришедших к православию и даже священническому служению. «Можно говорить о целом движении, в результате которого появились общины РПЦ МП в Турине, Милане, Модене, Болонье, Пистойе, Палермо, Франкавила-Фонтане», – отмечает автор (с. 175).

Не менее интересно еще одно наблюдение М. Талалай: «В конце XX – начале

XXI в. благодаря массовой новой эмиграции [...] и формированию невиданной прежде в Италии православной диаспоры из бывшего СССР, география изменилась еще раз – теперь кардинально. Московский патриархат командировал в Италию целую группу клириков, возглавивших новые и весьма многочисленные общины – в Неаполе, Катанье, Венеции, Милане и т.д. Изменилась и этническая “матрица” – в большинстве случаев основу приходов стали составлять украинцы, а также молдаване. Чаще всего католическое священноначалие смотрит теперь на это новое явление благожелательно и даже способствует передаче православным пустующих католических храмов» (с. 175).

В основном, в названной главе приведены краткие справки о русских православных приходах в современной Италии.

В приложениях публикуется ряд архивных материалов – в первую очередь, подробнейший «Журнал» строителя полевой церкви во Флоренции протоиерея Владимира Левицкого.

М. Талалай в новой книге показывает роль русских храмов в Италии, в частности в утверждении и сохранении православия в католической стране, в окормлении соотечественников и в распространении русской культуры за рубежом.

© 2012 г. М.Л. Ямбаев

Славяноведение, № 4

Florilegium in honorem Alexandri Isačenko. Ad iubilaеum centenarium oblatum. Братислава, 2011 г. 132 с.

Сборник в честь Александра Исаченко. К столетнему юбилею

13 апреля 2011 г. кафедра русского языка и литературы философского факультета университета Коменского в Братиславе организовала торжественное празднование столетия со дня рождения выдающегося слависта, профессора А.В. Исаченко (1911–1978), основателя кафедры, и в связи с юбилеем подготовила и выпустила в свет сборник.

В предисловии составитель сборника Л. Матейко касается не только основных достижений и этапов творческого пути профессора, но не обходит вниманием и острые

и спорные моменты творческой биографии ученого, проистекавшие как из «черт его научной натуры, не избегавшей спорных вопросов [...] и умевшей посмотреть на известные факты под другим углом зрения и с новой перспективой», так и обусловленных «турбулентными сороковыми годами и тяжелейшими временами холодной войны, в которых ему закономерно приписывались всевозможные обвинения тех времен». Л. Матейко вспоминает и полемики, разгоревшиеся в наше время вокруг имени профессора. Подчеркивается также и

сложность отображения целостного образа деятельности ученого, «бродяги мира», собираемого из мозаики мемуаров, писем, воспоминаний.

Сборник состоит из четырех частей. В первой из них описаны этапы творческого пути профессора в Любляне, Братиславе и Оломоуце. Педагогическая и научная деятельность молодого ученого в Словении, где в 1939 г. он защитил докторскую диссертацию, подробно описана в статье «А.В. Исаченко в Любляне» А. Дерганц. Деятельности профессора в Словакии в 1941–1945 гг. (чтение лекций в экономическом институте, создание одного из первых учебников по русской грамматике, исследование западнославянских литургических текстов, хорватских и украинских диалектов, активное участие в жизни словацкого общества, дружба с Н. Лосским) посвящена статья историка Л. Гарбулёвой «А.В. Исаченко и его деятельность в Словакии в 1941–1945 годах». Бурный период 1945–1955 гг. (как в жизни словацкого общества, так и в жизни профессора) описан в статье Л. Матейко «А.В. Исаченко и словацкая наука в 1945–1955 годах». К данному периоду относится и деятельность по организации Братиславского лингвистического кружка, исторические, литературные исследования, руководство Русским семинаром, трансформированным в 1948 г. в кафедру русского языка, выпуск позднее много раз переизданных учебников по русскому языку, двухтомного словацко-русского словаря (1950, 1957), первой части его фундаментальной монографии «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология» (1954), работ по этимологии славянских языков. Сложная ситуация не только в социальной, но, как следствие, и в академической сфере, постоянная необходимость лавировать, чрезмерная идеологизация науки и многие до сих пор до конца не исследованные обстоятельства жизни профессора в Братиславе стали причиной его переезда в 1955 г. в Оломоуц, где он возглавлял кафедру славистики до 1965 г. Данному периоду посвящена статья Г. Флидровой и З. Выходиловой, в которой авторы освещают не только главные научные достижения профессора за десятилетие («Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. II», а также предназначенный для немецкоговорящих труд «Русский язык в современную эпоху. Ч. I»), но и подробно останавливаются на неоспоримых педагогических заслу-

гах ученого-энтузиаста. Особо интересны в данной статье описания его неординарных преподавательских методов, проникнутые ностальгической теплотой и благодарностью последователей-славистов.

Вторая часть сборника посвящена научным достижениям ученого, его исследованиям и теориям. А. Элиаш в своей статье «Русская литература в трудах А.В. Исаченко братиславского периода» обращается к мало до сегодняшнего дня исследованной теме литературоведческого наследия А. Исаченко, деятельность которого в данной области по сравнению с деятельностью лингвистической была менее обширна, но именно в братиславский период весьма продуктивна. Двигателем его литературоведческой деятельности было несомненно желание пропагандировать русскую литературу (в основном классическую) в словацкой культурной среде – и так главным объектом его исследований становятся Пушкин, Лесков и Гоголь. Оригинальный подход к анализу литературных произведений подробно рассмотрен на примере статей «Что есть “Евгений Онегин”»? Онегин Пушкина в переводе Янко Есенского», «Лесков – мастер повествования», «Петербургские повести Гоголя», причем указывается на исключительную способность профессора к анализу и интерпретации литературного текста. К. Месиарова в своей статье «А.В. Исаченко и его “Грамматический строй русского языка”» описывает основные заслуги ученого в области лингвистики, подробнее останавливаясь на фундаментальном анализе грамматической структуры русского языка, который стал на целые десятилетия ценным источником и методологической основой для исследования в области русистики. М. Мозер в статье «Украинский и белорусский языки в “Истории русского языка” Александра Исаченко» подробно разбирает взгляды ученого на историческое развитие славянских языков, останавливаясь детально на проблематике восточнославянской языковой группы, акцентируя свое внимание на положение в ней и диалектику развития украинского и белорусского языков, пытаясь разобраться в исторических и социальных хитросплетениях связанных с этимологией данных языков, и подробно освещая позицию профессора по спорным вопросам, связанным с русинским языком, которому он посвятил в своей жизни немало времени и усилий. П. Шима в статье «Неформальные знаки амальгамации А.В. Исаченко» освещает вопросы возникновения

и характера современной литературной нормы русского языка, оценивая меру его «амальгамации» на различных языковых уровнях и подчеркивая сложность ее однозначной дифференциации на лексическом и стилистическом уровнях, приходя к выводу, что постулат профессора Исаченко о том, что сегодняшняя литературная норма является особым «амальгамом» собственного и церковнославянского языкового материала, не утратил своей актуальности и сегодня. В. Томеллери в своей статье рассматривает вопросы обучения языку и использования национального языкового корпуса, подробно развивая при этом идеи Исаченко в отношении проблематики глагольного вида и глагольной семантики.

В третьей части собраны воспоминания словацких учеников, сотрудников и сподвижников профессора, воспоминания необычайно живые, теплые, создающие его образ как человека неординарного не только в науке, но и в жизни, широчайшая эрудиция которого не делала из него «кабинетного червя», но в первую очередь великолепного незабываемого педагога. В. Бланар особо подчеркивает стремление Исаченко искать среди учеников молодые таланты и вдохновлять их к исследованиям и публикациям. Д. Коллар, бывший аспирант профессора, вспоминает о Исаченко как об «учителе-наставнике, путеводителе по жизни и руководителе», который свое мастерство и опыт раздавал щедро рукой и активно подключал своих учеников к работе по составлению учебников, словарей, формируя таким образом братиславскую лексикографическую школу. Воспоминания Я. Коморовского, ученика, позднее коллеги и приятеля, раскрывают перед нами образ сердечного, преданного и смелого человека, не раз протягивавшего ему руку помощи в трудную минуту и во многом опре-

делившего его профессиональную судьбу. Его свидетельства необычайно интересны и в том, что, как очевидец многих событий жизни А. Исаченко и его частый близкий собеседник, Я. Коморовский подробно описывает отношение профессора к религии, его предпочтения в литературе, примеры проявления его ярчайшего художественного таланта и идеологические взгляды. Р. Крайчович вспоминает о своем чувстве радости и удовлетворения после экзамена по фонетике у профессора, аспирант профессора П. Шима рассказывает о помощи учителя в его исследованиях по палеославистике, Ш. Швагровский в своих воспоминаниях описывает тяжелейший в идеологическом плане для языкознания период начала 1950-х годов, ставший в конечном итоге причиной отъезда профессора из Братиславы, а также с большой теплотой вспоминает о лекциях Исаченко, который в его памяти навсегда остался «джентельменом *par excellence*, полиглотом, снисходительным экзаменатором и любимым учителем всех студентов».

В четвертой части опубликованы статьи выдающегося слависта и успешнейшего из учеников А. Исаченко проф. Л. Дюровича (словацкий перевод текста «Речь в связи с передачей юбилейного сборника профессору Исаченко, Клагенфурт, 1978» и рецензия на новое переиздание «Грамматического строя русского языка»). Они являются логичным завершением сборника, суммирующим достижения А. Исаченко как педагога и ученого, оставившего нам наследие, творческое осмысление которого еще полностью не завершено, и предлагаемый сборник является весьма удачной, хотя, разумеется, и далеко не полной попыткой вспомнить, осмыслить, понять и задуматься.

© 2012 г. И. Дулебова

Славяноведение, № 4

Croatologija. God. 1. Br. 1. Zagreb, 2010. 366 s. *Кроатология. Вып. 1.*

Философский факультет Загребского университета начал выпуск нового научного периодического журнала «Кроатология» (гл. и отв. редактор – Б. Тафра). Необходимость такого издания продиктована желанием его организаторов объединить

под одной обложкой комплексные междисциплинарные исследования различных аспектов хорватской культуры, осуществляемые на фоне и в контексте широкого пространства европейской культуры. Выход первого номера журнала был приурочен к

80-летнему юбилею известного палеослависта, профессора Венского университета и академика Хорватской академии наук и искусств Радослава Катичича, который известен прежде всего своими синтетическими исследованиями по индоевропеистике, славистике, истории хорватской культуры, истории, языка, литературы (см., например, *Katičić R. Stara indijska književnost. Zagreb, 1973; Katičić R. The Ancient Languages of the Balkans. Haag; Paris, 1976. V. 1–2; Katičić R. Litterarum studia: Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja. Zagreb, 1998*).

Программой статьей Р. Катичича «Главные признаки хорватской культуры», объясняющей сам предмет кроатологии и основные методические подходы к нему, и открывается первый номер журнала. Главное, что, по мнению автора, выделяет хорватскую культуру на европейском пространстве, – это ее культурное двуязычие, развивавшееся с раннесредневекового времени до середины XIX в. В разных сферах жизни, в том числе и церковной, здесь использовалась латинская письменность и латинская книжность, маркирующая западноевропейскую культуру в целом. Однако хорватская культура не может рассматриваться исключительно как составная часть латинского культурного круга, поскольку одновременно в своем глаголическом ареале она была привержена, прежде всего в богослужбной сфере, письменной и книжной культуре, восходящей к кирилло-мефодиевской традиции и распространенной среди славянских народов восточнохристианского ареала. Таким образом, «она может изучаться не иначе, как только в контексте этих двух основных европейских культурных систем» (s. 4). Вместе с тем в самой хорватской культуре автор выделяет три слоя – адриатический (как часть средиземноморского), средневропейский и балканско-анатолийский, тесно связанные с политическим господством на хорватских территориях Венеции, империи Габсбургов и Османской империи. Таким образом, исследование хорватской культуры требует, по мнению автора, «сравнительного подхода и широкого охвата, выходящего за национальные границы и границы дисциплин» (s. 9).

Пожалуй, наиболее показательной реализацией этого методологического призыва стала статья профессора университета Киля, известного исследователя западно-балканской и русской истории эпохи Сред-

невековья и Нового времени Л. Штайндорфа «Хорватия как зеркало европейского урбанистического наследия». Используя распространенный в современной европейской историографии подход, определяемый термином «транснациональная история» и предполагающий исследование сходных явлений в различных странах и исторической подоплеки такого сходства, автор в то же время справедливо отмечает, что подобный тип исследования не является открытием, хотя появление нового термина отражает ментальные изменения, обусловленные европейской интеграцией. Л. Штайндорф прослеживает проблему развития городов на территории Хорватии, начиная с античных времен (римские города Далмации и Истры) до современности, акцентируя особенности такого развития, характерные именно для данной территории, с одной стороны, и присущие в целом европейским урбанистическим процессам – с другой. Особо следует выделить наблюдения автора в разделе о развитии коммунального устройства средневековых городов. Организация городского населения в коммуну – ограниченный круг граждан, связанных присягой, и развитие коммунальных норм правового регулирования было в целом характерно для Западной и Центральной Европы. Для Хорватии этот процесс автор считает примечательным с точки зрения формирования общего исторического пространства: благодаря развитию коммунального устройства городская структура старых далматинских центров, имевших античную основу, и более поздних городов – адриатических славянских и северохорватских (славонских) стала тождественной.

В центре внимания авторов сборника вполне ожидаемо оказались проблемы развития общественного сознания, прежде всего связанные с пониманием национальной идентичности, национального характера и т.п. Особенности становления политической идеологии в начальный период существования независимой Хорватии, основанной на зачастую мифологизированных представлениях о ранней хорватской истории, привлекли внимание Х. Грачанина. Анализируя с этой точки зрения речи первого президента Хорватии Ф. Туджмана и текст хорватской конституции, автор показывает, как складывалась идеология континуитета хорватской государственности и государственно-правовой традиции от раннего Средневековья до современности. Основное внимание уделялось при

этом событиям истории раннесредневекового Хорватского государства (IX–XI вв.), прежде всего связанным с коронацией его правителей и историей его раннего вхождения в культурный круг западного христианства. Подчеркнутая демонстрация такого континуитета вела, как показывает автор, к политизации истории, поддерживала стремление политической элиты 90-х годов XX в. видеть себя «прямыми наследниками и воссоздателями золотого века» раннесредневековой Хорватии (s. 96).

М. Мустапич рассматривает вопрос о роли органов местного самоуправления Хорватии в утилизации общественного мусора сквозь призму глобальных национальных проблем. Загрязнение окружающей среды и нетребовательное отношение к нему со стороны местных властей оканчивается, по мысли автора, не только следствием социалистического наследия, гражданской войны и других политических и социально-экономических трудностей, но и укорененности в хорватском обществе представлений, основанных на принципе «моя хата с краю» (автор использует английский термин «синдром NIMBY – Not in my Backyard»). А поскольку защита среды является «эквивалентом защиты национальной (государственной) территории» (s. 209), то трудности в этой сфере отражают трудности переходного периода в целом.

П. Прелог выявляет особенности выражения национальных чувств в визуальном искусстве Хорватии с конца XIX в. до начала Второй мировой войны. Так, если в начале этого периода произведения художников наполнялись идеализированными сюжетами сельской жизни и хорватской истории времени Венгеро-Хорватского королевства, то впоследствии артикулируется необходимость включения национального искусства в широкий европейский контекст. Деятельность хорватских художников в составе довоенной Югославии определялась сначала югославянскими идеями, а затем отражала процессы общественной дезинтеграции в многонациональном государстве. Для искусства начала войны характерно сугубо негативное отношение к европейским авангардным веяниям, обращение к национальным и локальным образцам народного творчества, фольклорным образам, предпочтение в творчестве элементов примитивного искусства.

Одной из важных тем издания является проблема формирования и особенностей

хорватского языка, которая рассматривается в тесной связи с развитием национальной идентичности в условиях развития собственной государственности. Характерно в этой связи, что в статье В. Броуна (США) аналогии современной процессам становления языковой нормы в Хорватии обнаруживаются в эпоху обретения американской независимости. Я. Гвозданович в статье о языке как носителе культурной идентичности хорватов отталкивается от результатов переписи населения в Хорватии 2001 г. и Сербии 2002 г., согласно которым родным языком респондентов, идентифицировавших себя как «хорваты» или «сербы», признавался в подавляющем большинстве случаев «хорватский» или «сербский», но не «сербохорватский» или «хорватосербский» язык. Столь скорый отказ от югославской языковой номенклатуры автор объясняет тем, что ни хорваты, ни сербы на всем протяжении существования Югославии в XX в. почти не рассматривали язык коммуникации своим общим языком, который выступал в качестве такового лишь на государственном уровне и имел, таким образом, идеологическую, но не языковую природу. При этом каждый из языков продолжал развиваться в контексте собственной культурной истории.

Развитие языковой нормы оказалось и в центре внимания статьи П. Кошутар и Б. Тафры, в целом посвященной образованию и функционированию академий на хорватских территориях в XVI–XVIII вв., возникавших здесь под влиянием академий других европейских стран, прежде всего Италии. Авторы обращают внимание на малоизученный аспект деятельности академий – их роль в стандартизации (включая лексику, грамматику и правописание) национальных языков. В частности, анализируется лексикографическая работа членов дубровницкой Академии «беспечных», направленная на закрепление штокавской нормы в качестве основы «общего языка» (*lingua communis*). Проблема словообразования в современном хорватском языке, поставленная в широкий культурно-исторический контекст, нашла отражение в статье М. Турк и М. Опашич, посвященной появлению в языке (под влиянием определенных политических, экономических, культурных и иных интересов, отношений и связей) переводных и калькированных слов и выражений.

Популярной в сборнике оказалась тема музыки и театра. Проведенное Б. Буич со-

поставление текстов музыкальных постановок итальянских гуманистов и их переводов далматинскими авторами XVI в. – Гекторовичем, Гундуличем и другими показало, что авторы переводных хорватских сочинений предпочитали не упоминать своих источников, продемонстрировало вольное отношение к протографам – к их стихотворным размерам, образам, описаниям, максимальное приближение итальянских текстов к собственным песенным образцам. Необычный ракурс исследования культурной и общественной жизни Дубровника XVIII в. нашла Л. Мурай. Обратившись к практике (возникшей во многом под влиянием французской моды) салонных и семейных театральных постановок, а также представлений рождественских пасторалей в женских монастырях, автор акцентирует внимание на социальном аспекте этой сферы театральной жизни. Она видит в объединявшихся в процессе работы над спектаклями авторов, постановщиков, актеров и их зрителей своего рода сообщества, в которых важная роль (на всех уровнях подготовки и исполнения) принадлежала женщинам, находившим, таким образом, свою нишу для реализации социальной активности.

В статье Т. Юрких-Свибен собранный автором материал о еврейских музыкантах

в Хорватии, в основном относящийся к периоду от конца XIX до начала 40-х годов XX в., дал повод для рассуждений о месте еврейской культуры на западнобалканских территориях, начиная уже с первых веков н.э., и о степени восприятия в еврейской среде хорватской культуры (равно как и обратного процесса) в более позднее время.

Среди других материалов сборника – статьи по отдельным вопросам фольклористики, истории археологии, педагогики и пр. При всей неизбежной в изданиях такого рода мозаичности содержания, тематическом разбросе, неравнозначности представленного материала, новый журнал интересен именно с точки зрения выбора приоритетных сюжетов для изучения и их интерпретации, демонстрации новых подходов и тенденций в гуманитарных исследованиях Хорватии последнего времени. Вместе с тем само появление нового издания обнаруживает наличие определенного запроса хорватского общества, обусловленного развитием самостоятельного государства, с одной стороны, и его вхождением в единое европейское пространство – с другой.

© 2012 г. О.А. Акимова

Славяноведение, № 4

East and West: History and contemporary state of Eastern studies. Warsaw, 2009. 335 p.

Восток и Запад: история и современное состояние восточных исследований

Название сборника, выпущенного в Варшаве и содержащего материалы проходившей там в октябре 2008 г. конференции, может ввести в заблуждение российских читателей. Он посвящен истории и сегодняшнему состоянию исследований обширного региона, в который входит территория бывшего СССР и стран Восточной Европы. Но в нашем понимании Восток находится не в Москве и не в Минске, и уж тем более не в Вильносе или Варшаве. Тот факт, что польские специалисты относят этот регион к Востоку и называют русские/славянские и восточноевропейские исследования (Russian/Slavic and East European

studies) «восточными», объясняется тем, что за основу взяты политико-географические критерии. Подчеркивая, что «Восток» в данном случае включает в себя бывшие страны так называемого реального социализма в противоположность «западным демократиям», авторы введения Я. Малицки и Л. Заштовт указывают также на историческую принадлежность большей части региона к греко-православной цивилизации (с. 5). Таким образом, геополитические соображения, столь характерные для региональных исследований (area studies) времен холодной войны, не только остаются в силе, но и некоторым обра-

зом обозначают позицию организаторов конференции.

Однако несмотря на подчеркнутость барьера между Востоком и Западом, заявленную в названии, само научное мероприятие явно продемонстрировало созвучную дню сегодняшнему открытость. В конференции приняли участие исследователи из европейских стран и США, представители разных поколений – от «первопроходцев» послевоенной зарубежной русистики Р. Пайпса и А. Валицкого до совсем молодых, только начинающих свою научную карьеру. Заметно многообразие и в дисциплинарном отношении, хотя преобладает все-таки история, которая и в советское время занимала ведущее положение в региональных исследованиях. В итоге перед нами разворачивается многомерная панорама, охватывающая множество стран, от Грузии до США (хотя в центре этой воображаемой географии, по вполне понятным причинам, находится Польша), и затрагивающая глубинные временные пласты, не оставляя также своим вниманием и современность.

Первую часть сборника «Историография: Люди и институции» открывает статья американского историка польского происхождения Р. Пайпса «Бегство от свободы», посвященная сегодняшним представлениям населения России о себе и о месте своей страны в мире. И хотя давно известная концепция маститого советолога о том, что приверженность русского народа авторитаризму имеет глубокие исторические корни, по-прежнему вызывает большие сомнения, с его пессимистическим прогнозом, основанным на материалах социологических опросов, трудно спорить. По-настоящему живой интерес вызывает помещенная далее работа А. Валицкого, крупного историка и философа, специалиста в области истории идей. Это интеллектуальная биография, в которой он подводит итоги своей научной карьеры, начавшейся в Варшавском университете в конце 1940-х годов и продолжившейся на Западе в 1980-е. В центре внимания исследователя находились такие проблемы, как славянофильство и западничество, идеи русского народничества, история марксизма. Работу дополняет список монографий Валицкого, опубликованных на польском, английском, русском и других языках, которые по праву вошли в «золотой фонд» русистики.

Обзор развития германоязычной историографии России на протяжении XX в.

дан в статье известного историка из Австрии А. Каппелера, который подчеркивает изначально тесную связь истории и политики в этой области исследований, ослабевшую только после крушения коммунизма. В то же время он отмечает: с окончанием холодной войны Германия, являвшаяся европейским форпостом в идеологическом противостоянии двух сверхдержав, утратила свой статус, что привело к сокращению рабочих мест и снижению авторитета германоязычных ученых в мировом научном сообществе (с. 59–60). Значение этой в высшей степени информативной статьи трудно переоценить, учитывая тот факт, что, как справедливо заметил автор, знание немецкого языка неумолимо сокращается. Влияние крушения коммунизма на изучение историками «национального вопроса» в России и странах бывшего Восточного блока рассматривается и в статье Т. Викаса (США). Тематически к ним примыкает статья литовского историка Д. Сталюнаса, помещенная, однако же, во второй части сборника «Восточные исследования: Россия и Восточная Центральная Европа». Сталюнас проследил траекторию развития историографии императорской России в Литве на протяжении XX в., отмечая, что она изначально строилась как антипольская, и в меньшей степени – как антироссийская. Расцвет исследований по истории Литвы в рамках Российской империи начался после провозглашения независимости в 1990 г., и новые тенденции, преодолевающие этноцентристский подход, автор признает достаточно многообещающими (с. 136).

Исключительный интерес представляют три статьи, посвященные персоналиям. А. Новак (Польша) сопоставляет взгляды на русскую революцию Е.Х. Карра и Р. Пайпса, отдавая предпочтение исследовательским стратегиям последнего. М. Филипович (Польша) в статье «Уникальный феномен Михаила Карповича» дал портрет известного русского историка-эмигранта, много сделавшего для основания американской русистики. Л.Е. Горизонтов (Россия) на основе мемуаров М.К. Дзевановского осветил состояние восточноевропейских исследований в Гарвардском университете в годы холодной войны.

Не менее интересны и конкретно-исторические работы, помещенные во втором разделе, в частности, статья В. Завадского (Великобритания) о «польском вопросе» в России в царствование Александра I (1801–1825), который оказался на повестке дня

в результате разделов Польши в XVIII в. А. Тихомиров (Польша/Беларусь) обратился к очень мало известному у нас феномену «западнорусизма» в общественной и научной жизни Белоруссии. Возникшее во второй половине XIX в. на западных окраинах Российской империи идеологическое течение (ассоциировавшееся прежде всего с именем историка М. Кояловича) было достаточно сложным и разобленным, но имело отчетливую антипольскую составляющую. Его целью являлась консолидация «Западной Руси», в которую включались Белоруссия, Украина, Литва и иногда Галиция. Экономические изменения в Западной Белоруссии в связи с проводившейся там в 1944–1953 гг. коллективизацией рассматриваются в статье Я. Шумского (Польша). Завершает раздел статья Я. Хольцера и В. Глоушека (Чехия) «Так называемые восточные исследования и чешская политическая наука». В ней в свете изменения традиционных концепций после 1989 г. анализируются работы чешских политологов, посвященные советской и постсоветской России и ее сателлитам.

Третья часть тома включает статьи, посвященные проблемам идентичности и исторической памяти. В статье Э. Качиньской (Польша) «О невыносимой легкости создания мифов» доказываются, что «черная легенда» о Сибири по-прежнему присутствует в памяти и коллективном сознании поляков. Исследование Р. Радзика (Польша) посвящено национальному сознанию в современной Белоруссии. Автор рассматривает его в контексте белорусской исторической традиции, включающей также и сравнительно новый коммунистический компонент, который активно культивируется режимом Лукашенко. М. Ниендорф (Германия) рассмотрел перспективы крестьянских исследований после распада СССР и поставил ряд вопросов, требующих дальнейшего изучения. В статье М. Рябчука (Украина) анализируется политизация памяти о Второй мировой войне в контексте борьбы «двух дискурсов, двух исторических нарративов, двух представлений о том, чем была, чем является Украина и чем она должна стать» (с. 259). Автор строит свою работу на противопоставлении двух идеологических проектов: украинского националистического (который, однако же, является прозападным и либерально-демократическим), и «малороссийского», сочетающего консервативные черты советской идентичности и идеологии современного

украинско-русского национализма. Тему продолжает К. Войциcki (Польша), в центре внимания которого находится конфликт интерпретаций недавнего европейского прошлого, сформировавшихся в Западной Европе и странах бывшего Восточного блока.

Последняя, четвертая часть сборника посвящена Польше. Я. Малицки (Польша) сопоставляет два советологических учреждения, игравших важную роль в межвоенный период в качестве не только исследовательских центров, но и разведшкол: Восточный институт в Варшаве и Институт Востока в Вильне. Историю изучения Грузии в Польше в 1920–2008 гг. рассмотрел Д. Колбая (Польша), а Л. Заштовт (Польша) в статье «Неудобный сосед: Размышления о польских исследованиях истории России и СССР» высказал соображения по поводу развития этого научного направления до и после 1989 г. Завершает сборник статья Д. Карри (США), в которой дается попытка объяснить феномен «народных революций», прокатившихся по республикам бывшего СССР в начале 2000-х годов.

Представленные в томе материалы относятся к разным дисциплинам, разным жанрам и демонстрируют разный уровень профессионализма, однако большинство из них вызывает живой интерес. Пожалуй, в самой большой степени это относится к статьям, освещающим историю профессии, что включает в себя как биографии, так и институты. Авторами введен в научный оборот большой массив опубликованных на разных языках материалов и, что особенно ценно, архивных источников. Проблематика такого рода все больше востребована научным сообществом, но требует особого такта и беспристрастности. Что касается частных, узкоспециальных вопросов, то совершенно понятно, что они могут, и будут вызывать нарекания у тех, кто занимается той же проблематикой. В частности, хотелось бы отметить некоторую особенность восприятия американской русистики польскими коллегами. Создается впечатление, что эта мощная и неуклонно развивающаяся дисциплина исчерпывается для них работами историков старшего поколения, в первую очередь Р. Пайпса. И хотя этот взгляд несколько откорректирован и уравновешен в статье Т. Викаса, повторяют стандартные обвинения «ревизионистов» в «симпатии» и «обелении» Советского Союза, как это делает А. Новак, по меньшей мере некорректно. А в сегодняшней ситуации, когда «куль-

турные войны» между старшим и средним поколением американских русистов уже стали достоянием прошлого, и просто неуместно. Однако сказанное не умаляет значения публикации, которая дает прекрасное

представление о состоянии дисциплины, пережившей столь серьезные изменения после окончания холодной войны.

© 2012 г. О.В. Большакова

Славяноведение, № 4

Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В.И. Фрейдзона. СПб., 2011. 488 с.

Крупный российский специалист по истории Хорватии и национальным движениям в монархии Габсбургов Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004) работал в Институте славяноведения РАН с 1956 по 2004 г. и за это время внес в славяноведческую науку существенный, весомый вклад. Но мы бы погрешили против истины, если бы не сказали, что в жизни это был чрезвычайно скромный и отзывчивый человек. И он, бесспорно, заслужил добрую память о себе всех тех, с кем он дружил и общался. Не удивительно, что ему посвящена книга воспоминаний и исследований.

В создании рецензируемого труда в той или иной форме приняли участие как российские, так и зарубежные исследователи, творчески связанные с Владимиром Израилевичем на протяжении более 50 лет. В книге помещены 32 работы ученых разных поколений, от маститых, хорошо известных в научных кругах специалистов до совсем еще молодых, делающих на поприще науки первые шаги. Предложенные ими исследования сгруппированы по проблемно-хронологическому принципу. Думается, что редколлегия альманаха избрала оптимальную структуру для данного научного издания, объединившего ученых Австрии, Боснии и Герцеговины, России, Сербии, Украины, Хорватии.

Сборник открывает совместная статья С.А. Романенко (Институт экономики РАН) и А.С. Стыкалина (ИСЛ РАН), повествующая о жизненном пути ученого и его научных достижениях в области славяноведения и балканистики, в исторической кротогистике Нового времени в частности. В сущности это наиболее полный и, следует признать, удачный опыт написания достаточно полного биографического очерка об одном

из видных отечественных историков-славистов. Авторы статьи подчеркивают, что монография В.И. Фрейдзона «Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1819–1873 гг.» (М., 1970), представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук, является образцом для отечественных специалистов по истории Хорватии. Существенный недостаток в целом бесспорно ценной работы Романенко и Стыкалина – некоторая перегруженность второстепенным материалом. К тому же, к сожалению, авторы не сказали о таком важном факте научной биографии В.И. Фрейдзона, как его отнюдь не формальное, но действительно активное участие в работе редакционного совета серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры», издававшейся Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Научным советом по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, функционировавшем при Отделении истории АН СССР. (В рамках серии было издано 15 коллективных и индивидуальных монографий. В качестве примера назову двухтомник «Освободительные движения народов Австрийской империи» (М., 1980–1981), в котором Ф.И. Фрейдзон был ответственным редактором. Многие из этих работ сохраняют актуальность и по настоящее время.)

С интересом читаются воспоминания о В.И. Фрейдзоне, принадлежащие перу З.С. Ненашевой (МГУ им. М.В. Ломоносова). Основная идея этой работы заключается в том, что В.И. Фрейдзон исследовал не только историю Хорватии. Одновременно он интересовался проблемами богемисти-

ки, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что он выступил в роли ответственного редактора коллективного труда Института славяноведения и балканистики АН СССР «Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 – начало 70-х годов XIX в.» (М., 1989).

В первом разделе альманаха «Общие проблемы историографии и методологии европейских исследований», состоящем из пяти позиций, привлекают внимание разработки М. Гросс (Загребский ун-т) об особенностях мировой историографии на переломе XX–XXI вв., О. Милославлеви-ча (Белградский ун-т), рассматривающего вопрос о методологических исследованиях национальных стереотипов, П. Дойчмана (ун-т в г. Граце, Австрия), который проинформировал о международном вузовском проекте РГГУ и университета в Граце. Первая из конференций проекта (май 2007 г.) была посвящена сравнительному анализу многонациональных государств Австро-Венгерской монархии и Российской империи в политическом, социально-экономическом, научном, художественном и повседневном аспектах. Несомненный интерес вызывают статьи Л.В. Кузьмичевой (МГУ им. М.В. Ломоносова) о преподавании истории Нового и новейшего времени в Сербии и Хорватии в общеобразовательной и высшей школе. Автор показывает, как поставлено изучение национальной истории, поворот современной сербской историографии к изучению всех сторон человеческого бытия, а не только политической истории. В статье О.В. Павленко (РГГУ) читатель находит ценные сведения о мировых экономических кризисах XIX в. и их влиянии на европейскую дипломатию. Анализируя эти данные, автор приходит к двум главным выводам. Первое – «наступившая с середины XIX в. “индустриальная лихорадка” в значительной степени изменила логику мировой политики [...] территориальный масштаб конкуренции ведущих держав постепенно заменялся геоэкономическими стратегиями расширения; в государственной политике усиливалось представление [...], что преодоление экономических кризисов возможно только путем расширения экспортных потоков, увеличения зоны сбыта отечественной продукции. Второе – войны в этот период «стали мощным рычагом расширения национального производства», они «были способны либо отсрочить наступление кризиса, либо содействовать его быстрому преодолению» (с. 121–122).

В разделе втором «Славяне в историческом контексте Средней и Восточной Европы с XI до середины XIX века» интересной представляется работа О.В. Хавановой (ИСл РАН) «Социальное восхождение и интеграция в политические элиты монархии Габсбургов XVIII века: семейство Редель». Статья эта в основе своей подготовлена на базе впервые вводимых в научный оборот источников из австрийского и венгерского национальных архивов.

В статье «Бранденбург – Пруссия в двух европейских войнах до битвы под Полтавой», соавторами которой являются Ю.В. Ивонин и Л.И. Ивонина (Смоленский государственный ун-т), широко использованы преимущественно новые зарубежные разработки, характеризующие сложный узел дипломатических и военных акций Пруссии, Швеции, России, Польши, Австрии и других стран Центрально- и Восточноевропейского регионов.

В работе Г.В. Макаровой (ИСл РАН) «После краха: “сухопутный адмирал” П.В. Чичагов и “верховный вождь сербского народа” Гарагеоргии (Георгий Петрович)» рассматриваются документы отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Цитируемые в исследовании письма свидетельствуют о взаимной расположенности России и Сербии, отражают гибкость политики императора Александра I на Балканах, которая имела явную антинаполеоновскую направленность.

В третьем разделе «Славянские народы и монархия Габсбургов в период дуализма» помещен фрагмент монографии академика Хорватской академии наук и искусств Н. Станчица о формировании хорватской нации. О хорватских политических партиях и их программных постулатах пишет в статье «Проблема модернизации в хорватской политике в начале XX века» научный сотрудник Хорватского института истории С. Маткович. На российских и австрийских архивных документах написана статья А.С. Медякова (МГУ им. М.В. Ломоносова), посвященная проблемам Боснии и Герцеговины во внешней политике монархии Габсбургов в годы дуализма. Широко привлекает неизученные материалы Архива внешней политики Российской империи также З.С. Ненашева в статье «Чехи и становление австрийского парламентаризма в восприятии российских дипломатов». Автор высказывает убежденность в том, что «официальная Россия придерживалась позиции невмешательства во внутренние

дела своего соседа» (т.е. Австро-Венгрии) (с. 321) и что попытки чешских депутатов усилить свои позиции в общеимперском парламенте не увенчались успехом. В работе А.Г. Айрапетова (Тамбовский государственный ун-т им. Г.Р. Державина) «Балканы начала XX века: взгляд венгерского современника» рассматривается статья «Балканские конфликты» лидера радикального крыла венгерского либерализма, политика и публициста Оскара Яси, опубликованная в 1909 г. в журнале «Двадцатый век». Эта статья, по мнению Айрапетова, может быть использована как добротный исторический источник при изучении общественных движений на Балканах.

А.Н. Птицын (Ставропольский государственный ун-т) в статье «Из России в Австро-Венгрию: миграционные процессы на рубеже XIX–XX веков» в разделе четвертом «Австро-Венгрия и Россия» также опирался главным образом на документальную базу московского Архива внешней политики Российской империи, что делает работу особенно ценной, поскольку обогащает наши знания новыми фактами. В этом же разделе представляет немалый интерес совместная статья И.В. Крючкова (Ставропольский государственный ун-т) и И.М. Узнародова (Южный федеральный ун-т) «Кавказ в межимперском экономическом диалоге России и Австро-Венгрии в XIX – начале XX века». В статье находим чрезвычайно любопытные факты, извлеченные из архивных документов и редчайших (можно сказать – давно забытых) печатных изданий конца XIX – начала XX в., содержащих уникальные сведения о кавказском регионе.

Статья Е.Ф. Фирсова (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Кавказские гуманитарные проекты хорватского деятеля в России К. Геруца (по чешским архивам)» интересна своей источниковой базой – автор выявил в материалах Государственного архива Российской Федерации, Отдела письменных источников Государственного исторического музея в Москве, Архива национального музея в Праге факты, расширившие представление о деятельности Крунислава Геруца в России. Хотелось бы обратить внимание

читателя на убедительно написанную статью молодого исследователя М.С. Ващенко (ИСл РАН) «Проблема авторства первой монографии о хорватах Нового времени в России». Речь в этой монографии шла о положении хорватских земель в составе Австро-Венгерской монархии и борьбе хорватов с Габсбургами. В российской научной и публицистической литературе такая тема была затронута впервые. Дотошный текстологический анализ привел М.С. Ващенко к выводу, что авторами монографии «Хорваты и борьба их с Австрией», опубликованной в 1890 г., были известный публицист М.М. Филиппов и вышеупомянутый хорватский деятель К. Геруц (с. 416).

Заключительный, пятый раздел альманаха («Первая мировая война и судьба монархии Габсбургов») содержит три заслуживающих внимания работы, а именно: политологическую статью А.И. Сыча (Черновицкий национальный ун-т) «Первая мировая война как феномен цивилизационного значения»; наполненную богатым фактографическим материалом, почерпнутым из австрийских архивов работу В.В. Миронова (Тамбовский государственный ун-т) «Военнослужащие австро-венгерской армии и гражданское население оккупированных провинций Италии (1917–1918 гг.)» и статью В.П. Фисанова (Черновицкий национальный ун-т) «Югославянский вопрос во внешней политике США (Январь 1918 г. – апрель 1919 г.)», в которой автор опирался на редко привлекаемые к историческим исследованиям печатные источники.

Альманах снабжен списком основных трудов В.И. Фрейдзона, избранной библиографией источников и исследований по истории народов Средней Европы и Австро-Венгрии за 1990–2011 гг. и сведениями об авторах сборника.

В целом альманах производит хорошее впечатление, если не считать чрезмерного количества опечаток. Но этот упрек, очевидно, следует считать «камешком в огород» издательства «Алетейя», издательских редакторов и корректоров текста.

© 2012 г. *А.М. Орехов*

М.С. НИКОЛОВА. Русская книга в Болгарии (1878–1912). М., 2010. 160 с.

Источниковедение русско-болгарских культурных связей обогатилось новым монографическим исследованием. Автор книги доктор Мария Стефанова Николова, специалист по русской литературе, руководит кафедрой русского языка и литературы в Государственном университете культуры в Софии. Опубликованная работа – это научное исследование, осуществленное на кафедре книговедения и пропаганды книги Московского государственного университета печати, где в 2007 г. М. Николова защитила кандидатскую диссертацию по теме «Издание и распространение переводов русской художественной литературы в Болгарии: 1878–1912». Автор, исследовав большой блок научной литературы, опираясь на архивные находки, иллюстрируя свои наблюдения яркими примерами, обнаруженными в процессе работы с источниками *de visu*, а также ссылаясь на владельческие и читательские записи, показывает область ретроспективных отношений российско-болгарского сотрудничества в информационной и культурно-интеллектуальной сфере обозначенного периода. Это время являлось одним из важнейших периодов становления и утверждения болгарской нации и культуры, которому предшествовали этапы национального возрождения. После освобождения Болгарии от Османского ига начинается развитие собственного болгарского книжного дела, формируется своя типографская база, возникает тенденция рекламы книги, развивается литературная книга, появляются переводные произведения. На все эти явления влияют разные факторы, среди которых не последнюю роль играли культурные связи с Россией. В своей монографии М. Николова пишет о причинах этого процесса, определяет место русского печатного слова в литературно-художественной культуре болгарского читателя. Автор показывает историческую панораму, пишет о языковом родстве и других условиях распространения русской культуры. В те годы представитель Российского императорского правительства князь А.М. Дондуков-Корсаков инициировал идею переезда из Вены в Софию известного болгарского типографа Христо Данова и финансировал организацию новой типографии в столице. Гражданский губернатор Софии П.В. Ала-

бин открыл городскую библиотеку и написал для нее устав. В репертуаре болгарской книги важное место занимала переводная литература: во-первых, это произведения русских классиков, во-вторых, лучшие образцы мировой литературы, которые в тот период переводились не с языков оригиналов, а с русских переводов. Николова пишет о том, как болгары относились к русской книге, какую роль отводили ей в репертуаре печатной продукции, исследует тематическое и жанровое наполнение. Внимание исследователя останавливается на таких сторонах, как место русской книги в книготорговой сети и фондах болгарских библиотек, на изучении феномена рекламы русской переводной литературы в болгарском обществе. Автор дает характеристику журналов, в которых печатались произведения русских авторов, указывает на качество переводов, пишет о читательском восприятии переводной русской литературы и формировании навыков чтения и о расширении читательской аудитории. Особо останавливается на интересе болгарской литературной критики и популярности русской художественной литературы среди разных слоев населения.

Литературным редактором русского текста книги является книговед Елена Иванова Коренная, научный сотрудник научно-исследовательского отдела книговедения Российской государственной библиотеки, где готовилось это издание. Следует отметить серьезный, кропотливый труд редактора, фактически переработавшего весь наличный материал, осуществившего систематическое научное оформление, написавшего примечания и необходимые сноски и дополнения. Ценность книги возрастает также благодаря наличию справочного аппарата, автором которого также является Е.И. Коренная, где помимо развернутого списка имен и персоналий содержится список литературных произведений, названия издательств, типографий, книжных магазинов, читален, а также газет и журналов.

Это издание нацелено на научные и образовательные круги, на специалистов по русско-болгарским связям, историков, филологов и литературоведов.

© 2012 г. В.Е. Колупаев

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ

«Круглый стол» на тему «Имагологические исследования за рубежом» состоялся 7 июня 2011 г. на исходе Дней славянской культуры и письменности в Центре истории литератур западных и южных славян. Он стал одним из этапов работы над проектом «Русский человек и Россия в славянской литературе, фольклоре и документалистике», предварив собой проведение одноименной международной конференции в Институте славяноведения РАН 1–2 ноября этого же года.

В своем вступительном слове руководитель «круглого стола» *Л.Н. Будагова* отметила, что в Институте славяноведения проблеме имагологии уделяется большое внимание специалистами разного профиля. Одними из первых восприятием славянскими народами друг друга, образами и стереотипами «своего» и «чужого», бытующими в общественном сознании и культуре, занялись по инициативе и под руководством заведующего литературоведческим отделом В.А. Хорева полонисты, что не случайно. Исторически сложившаяся сложность отношений России с Польшей, русских с поляками дает здесь богатейший материал для размышлений, существующие с обеих сторон предвзятости требуют – во имя их преодоления – объективных исследований, честного и прямого разговора на эту тему, что достаточно успешно реализовано в таких книгах, как «Поляки и русские в глазах друг друга» (отв. ред. В.А. Хорев. М., 2000), «Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре» (отв. ред. В.А. Хорев. М., 2002) и др. С имагологическими исследованиями так или иначе связана книга «Русские о Сербии и сербах» (составитель А.Л. Шемякин. СПб., 2006), совместный труд российских и болгарских ученых «Болгария и Россия. XVIII–XX вв: Взаимопознание» (отв. ред. Г.Д. Гачев, Р. Дамянова. М., 2010), серия трудов историков «Человек на Балканах», чей пятый выпуск «Человек на Балканах глазами русских» (отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин) вышел в Санкт-Петербурге в 2011 г. Косвенное отношение имеют к имагологии и книги Центра истории славянских литератур, посвященные восприятию русской культуры зарубежными славянами «Россия в глазах славянского мира» (отв. ред. А.В. Липатов. М., 2007) и встречному процессу восприятия в России инославянских культур «Славянский мир в глазах России» (отв. ред. Л.Н. Будагова, М., 2011). В них также через призму культуры и литературы вырисовываются образы народов, их создававших и воспринимавших. Однако, как подчеркнула Л.Н. Будагова, важно представлять не только отечественный, но и международный контекст исследуемой проблемы, ради чего и был организован этот «круглый стол». Он ставил своей целью обмен информацией и мнениями о состоянии имагологии в зарубежном литературоведении, о работах, связанных как с историей вопроса и теоретическими аспектами проблемы (содержанием понятия «имагология», ее первоистоками, ролью и местом в науке и т.д.), так и с практическими результатами имагологических исследований.

В докладе *И.А. Герчиковой* были освещены некоторые теоретические вопросы, определяющие статус имагологии, возникшей как область сравнительного литературоведения во Франции в 1950-е годы. В современном гуманитарном знании этот ее статус еще не вполне определен. Одни исследователи рассматривают имагологию как теоретическую или историко-литературную дисциплину в рамках литературоведения, как «учение об образах» (Яценко Н.Е.) или исследование устойчивых образов (имиджей) чужого, другого (по эт-

нической, культурной и языковой принадлежности), объективированных в литературных текстах; другие – как раздел исторической науки, исследующий те представления о другом народе или стране, которые складываются в общественном сознании той или иной страны на определенном историческом этапе (Мезин С.А.); третьи – как ответвление культурологии или социологии, исследующее представления участников культурного диалога друг о друге (Нойманн И.); четвертые – как технология создания имиджей (Почепцов Г.Г.). Основополагающей в имагологии является проблема альтеритарности (от латинского *alter* – ‘другой’). Имагология (или сравнительная имагология) видит своей задачей исследование в литературе образа другой страны, образа инациональной культуры, стремясь объяснить его происхождение, а также обнаружить факторы, вызывающие модификацию этих образов в процессе литературного восприятия. Основными понятиями, которыми оперирует имагология, являются понятия ауто- и гетероимиджа. Понять механизм формирования национальных ауто- и гетероимиджей в процессе литературного восприятия позволяет теория, предложенная французским социологом П. Бурдьё в 1980-е годы. Согласно ее основным положениям, поле литературы находится внутри поля власти и занимает по отношению к нему подчиненную позицию, будучи подвержено действию таких законов окружающего поля, как стремление к прибылям, экономическим или политическим.

В Чехии термин «имагология» (именно как «технология создания имиджей» внутри поля власти) традиционно связывается с именем Милана Кундера и его последним написанным по-чешски романом «Бессмертие» (1990). Здесь Кундера, анализируя современное искусство и отношение к нему, приходит к выводу о том, что имагология как дисциплина, занимающаяся созданием образов (в рекламе, литературе, быту), заменила идеологию. «Идеология была огромным колесом за кулисами, оно крутилось и приводило в движение войны, революции, реформы. Имагологическое колесо вращается и на историю никакого влияния не оказывает. Идеологии воевали друг с другом и каждая была способна заполнить собой целую эпоху. Имагология организует мирное чередование своих систем в легком ритме сменяющихся времен года» [1. S. 119]. Говоря словами главного героя романа Поля, «идеологии принадлежали истории, господство же имагологии начинается там, где история кончается» [1. S. 119]. В 2008 г. Кундера сам оказался жертвой «имагологической рулетки». Против писателя была поднята шумная кампания в прессе в связи с обнаружившимися, якобы, документами о его связях с коммунистическим режимом в 1950-е годы и сдачей агента Западу полиции [2]. Таким образом, современные «имагологи» формируют не только эстетический вкус и стиль поведения, но и политические взгляды.

Обращаясь вновь к чешскому материалу, А.В. Амелина вначале внесла некоторые дополнения по теории имагологии, вспомнив об ее основоположниках – Ж.-М. Карре и его последователе М.-Ф. Гийяре, которые отказались от изучения влияния одних национальных литератур на другие и пытались понять, как формируются и существуют в индивидуальном и коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях (см. [3]). В современной чешской публицистике имагология часто мыслится именно в том значении, как это понимал М. Кундера. В более серьезных научных работах имагология понимается в классическом смысле слова. Обзор чешских литературоведческих работ по имагологии сделан в статье Д. Соукопа «Стереотипы, имагология и литературные ценности», опубликованной в сборнике статей III международного конгресса богемистов в 2006 г. Современные исследователи уделяют внимание прежде всего этносам, которые в предыдущую историческую эпоху по тем или иным причинам игнорировались: евреи, немцы, цыгане. Некоторые авторы (А. Микулашек, М. Грнаткова, Ян Хэнкок) рассматривают образы указанных этносов с точки зрения современной ценностной парадигмы и ставят в укор авторам художественных произведений их неправдивое изображение. Образ русских также не остается без внимания исследователей. В 2010 г. в Брно прошла вторая конференция «Русские и Моравия», организованная Русским культурно-просветительским обществом Моравии, кафедрой славистики Масарикова университета и другими организациями. Темы докладов самые разнообразные: Д. Клицова «Н.В. Гоголь на североморавских курортах», С. Голечкова «О деятельности Клуба военной истории Красной армии», Й. Кута «Русские в Моравии», П. Гиацинтов «Потомки первых русских эмигрантов в Чехии».

Л.Н. Будагова, обратившись, как и предыдущие докладчики, к теоретическим проблемам и чешским источникам, выделила среди них опубликованную в 2010 г. статью Милоша Зеленки «Интеркультурные исследования в контексте современной литературной историографии: “сравнение” как метод интерпретации при создании историй литератур»

[4]. Уделяя в своем исследовании большое внимание имагологии, автор рассматривает ее с позиций компаративиста, как «дисциплину сравнительного литературоведения, которая с помощью образов чужого и своего изучает топос “иного” в литературных текстах». Образы при этом «приобретают по большей части характер стереотипов, мифов, предрассудков и клише, не отражая прямо и непосредственно реальность, а являясь в большей мере выражением властных интересов и интеллектуального дискурса разных этнических и социальных групп» [4. S. 78]. Само понятие «компаративистская имагология» впервые использовал в 1966 г. один из ее основателей Гуго Дисеринк в статье «К проблеме “образов” и “иллюзий” и их исследований в рамках сравнительного литературоведения» [5]. Свою концепцию он развивал в противовес к позиции Р. Веллека (Уэллека), который считал, что эта дисциплина не относится к литературоведению, поскольку преследует политические цели. Однако, по мнению Дисеринка, исключать имагологию из литературоведения нет оснований, поскольку она содержит массу аспектов, всегда входивших в сферу его интересов. Теорию Дисеринга в 1980-х годах дополнил французский компаративист Д. Анри Пажо, считавший, что литература должна стремиться к культурной антропологии, а культура как наука о человеке становится «мастерской» по производству образов, задействованных в межлитературной коммуникации. Большое значение Дисеринка, основанного вместе со своими учениками так называемую Аахенскую компаративистскую программу исследований внутри- и внелитературных функций и смыслов образов в литературе европейских регионов, в том, что он увидел в имагологии метод, который проблематику национальных менталитетов, отягощенную социологией и психологией, переводит на уровень деидеологизированных представлений о национальных характерах.

В своем докладе *Н.В. Шведова* не касалась теории, а затронула конкретную тему восприятия России в Словакии, обратившись к книге словацких историков «Мифы – стереотипы – образы. Восприятие России в Словакии», изданной на русском языке в 2010 г. Этот труд выполнен в рамках работы Международной комиссии историков, которая объединяет сотрудников Словацкой и Российской академий наук. Временные границы исследования – с конца XIX до 90-х годов XX в. В статье Б. Чернушаковой «Образ России в словацкой прессе после августа 1968 г.» констатируется, что до ввода войск в Чехословакию там не было заметных антирусских или антисоветских настроений. Это обусловлено историческим процессом складывания чешской и словацкой наций, который не связывался с образом русских как агрессоров. Россия со времени национального возрождения воспринималась в Словакии в качестве одного из самых значимых политических партнеров. В книге представлен спектр оценок России от идеализирующих (писатель и общественный деятель С. Гурбан-Ваянский) до карикатурно-нелепых (журнал «Nástup» в 1930-е годы). Важно подчеркнуть, что Россия постоянно оказывалась в центре внимания словаков, по отношению к ней не было равнодушия. Противоположность взглядов С. Гурбана-Ваянского в конце XIX – начале XX в. и будущего президента Чехословакии, профессора Т.Г. Масарика раскрыла Д. Кодайова. В XX в. идею славянской взаимности вытеснила коммунистическая идеология. Искренний интерес к России порой приводил к непониманию, недоразумениям (статьи о легионерах, о цензуре социалистического периода). Как отмечал М. Барновский, словацкую политическую верхушку после 1948 г. покровительство Праги беспокоило больше, чем покровительство Москвы. Наиболее интересным и насыщенным оказался в книге блок статей, посвященный периоду социалистической Чехословакии (статьи М. Барновского, М. Завацкой, Б. Чернушаковой). В статье М. Земко даны два восприятия Советской России словацкими интеллектуалами в 1930-е годы: с крайне левого фланга (журнал «Dav») и с крайне правого (журнал «Nástup»). Интересны суждения о России словацких предпринимателей до Первой мировой войны (Р. Голец) и легионеров, попавших в Россию в годы революции и Гражданской войны (Л. Гарбулёва). Л. Матейко рассмотрел в статье влияние русских ученых-эмигрантов на формирование словацких отраслей науки, в частности – влияние философа Н.О. Лосского в 1940-е годы. М. Барновский в статье «Чехословацкая коммунистическая элита и Советский Союз в 1948–1967 гг.» показал, как коммунисты в Чехословакии (с акцентом на Словакию) пытались приспособиться к руководящей роли Москвы. Советский Союз был привлекателен в силу самой идеи коммунизма, а также как победитель во Второй мировой войне. При этом ряд представителей интеллигенции испытывали еще в 1930-е годы колебания и сомнения по поводу политики СССР. После 1968 г., пишет Б. Чернушакова, отношение к «братьям, друзьям и союзникам» стало двойственным, окрашенным негативными оттенками.

Завершает книгу статья Й. Сипко о русизмах в словацкой прессе после 1989 г. Несмотря на отрицательную окраску, они показывают значимость России и русских реалий после распада коммунистического блока. Сборник в целом, как отметила Н.В. Шведова, свидетельствует о русофильской ориентации словаков (по крайней мере до 1968 г.), что связано с политическими условиями жизни нации и любовью к русской культуре.

И.И. Калиганов в своем выступлении, вновь вернувшись к вопросу о том, что же такое имагология, высказал мысль, что она существовала сама по себе с незапамятных времен, не имея, однако, статуса отдельной научной дисциплины и особого названия. Свои суждения о других народах, в частности о славянах, высказывали многие античные и византийские историки и общественно-политические деятели. Оценки других народов, чаще всего, были отрицательными и достаточно фрагментарными. Вероятно, одним из первых настоящих «имагологов» явился (даже не подзревая об этом) византийский император X в. Константин Багрянородный, который решил систематизировать как отрицательные, так и положительные характеристики соседних с Византией народов в своем, предназначенном для сыновей, знаменитом труде «Об управлении империей». Оценки «других» народов отражались не только в исторических и литературных памятниках, но и в устном народном творчестве практически всех славянских народов, причем фольклорные суждения подобного рода нередко хронологически опережали данные письменных источников. Обычно они запечатлелись в пословицах и поговорках и касались какого-либо одного, как правило отрицательного, качества соседа.

В докладе была подчеркнута ошибочность мнения, согласно которому «первопроходцами» имагологии якобы выступили литературоведы. На самом деле, интерес к имагологии, обострившийся после Второй мировой войны, был связан с необходимостью изменения довоенных школьных и вузовских учебников, пестревших национальными мифами и негативными образами потенциальных противников – соседей. Именно с этой целью в 1951 г. в немецком г. Брауншвейге был создан Международный институт по улучшению учебников, директором которого стал историк Георг Экерт. Через 24 года он был переименован в «Институт международных исследований учебников им. Г. Экерта» и начал проводить активную международную научную, научно-организационную и издательскую деятельность, сотрудничая с ЮНЕСКО, Советом Европы и со множеством различных зарубежных стран. Основной задачей этого международного центра является искоренение ксенофобии и прививание толерантности у различных народов во взаимных отношениях. Важными мероприятиями, касающимися методологии изучения и коррекции существующих у подавляющего большинства народов отрицательных стереотипов «другого», можно считать два научных международных симпозиума «Национальные стереотипы и культурная идентичность», проведенных в Бад-Гомбурге в 1983 и 1985 гг., а также XVI Международный конгресс историков, имевший место в Штуттгарте в 1985 г. На последнем работала секция «Образ “другого”». Иностранцы – меньшинства – маргиналы», и было заслушано 29 докладов историков. Таким образом, именно историкам, а не литературоведам принадлежит пальма первенства в разработке имагологической проблематики.

Ведутся разыскания в данной области и в славянских странах. В Болгарии, в частности, в 1992 г. была проведена интердисциплинарная конференция «Представление о “другом” на Балканах» с участием историков, фольклористов, этнографов и литературоведов. В целом, в условиях современного мира это научное направление, по мнению И.И. Калиганова, имеет огромное значение. Благодаря возможностям современных СМИ политические верхушки многих стран успешно манипулируют общественным сознанием. Они способны очень быстро и эффективно создать образ очередных «нехороших» стран и народов: например, «держиморд» и «палачей» сербов или коварных иракцев, прячущих от мировой общественности свое химическое и атомное оружие. Вслед за этим развязывается агрессия, проводятся массированные бомбардировки и осуществляется военное вторжение ради экономических или геополитических целей мнимых «миротворцев» и носителей «истинной демократии». Живучими оказываются и многие другие, идущие из далекого прошлого предвзятые представления о «не своих» народах. В этой связи задача ученых состоит в показе ложного характера предвзятостей и создании устойчивых позитивных стереотипов по отношению к «другим».

Ю.А. Созина тоже начала свое выступление с рассуждений о значении термина «имагология» и многозначности, в нем изначально заложенной. Наиболее близкой концепцией ей представляется та, что уже на практике проверена многими работами коллег из Института

славяноведения и чьи основные положения были сформулированы в докладе В.А. Хорева на одном из Ученых советов Института. Затем исследовательница остановилась на книге, показывающей состояние имагологических исследований в Словении, «Образ чужого в словенской литературе. Образ Словении и словенцев в иностранной литературе. Имагологическое чтение» [6]. Инициатором создания труда и его ответственным редактором стал профессор Т. Смолей, преподающий на философском факультете Люблянского университета на кафедре сравнительного литературоведения и теории литературы. Основы имагологии преподаются студентам-филологам уже на первом курсе обучения. Таким образом, книга предназначена для молодых будущих специалистов. Она затрагивает проблемы теории и двусторонней практики словенских имагологических исследований. Ю.А. Созина наиболее подробно остановилась именно на теоретической части, которую составили три статьи «ведущего европейского имаголога», как он назван в книге уже упомянутого в докладе Л.Н. Будаговой Д.-А. Пажо (представителя французской школы), словенского психолога М. Светины и самого ответственного редактора. Как воплощаются различные положения, заявленные в этой части, Ю.А. Созина постаралась проиллюстрировать соответствующими примерами из части практической. Однако несмотря на заявленную, казалось бы единую, концепцию прикладные статьи при условной тематической общности весьма сильно различаются методами и подходами. Вместе с тем книга, считает Ю.А. Созина, является ценным вкладом в развитие не только национальной имагологии, но достойна признания и за рубежом.

Обобщая опыт словенских коллег и основываясь на собственном исследовательском опыте, Ю.А. Созина предложила наряду с понятием «стереотипы» (от греч. *стерео* – ‘пространственный’) использовать понятия «архитипы» (от греч. *архи* – ‘главный, старший’), – в отличие от архетипов (от греч. *архе* – ‘начало’) К.Г. Юнга, хотя, конечно, между ними существует некая внутренняя связь, – т.е. образы и идеи, сохраненные в традициях, в частности в литературе, и «эмпириотипы» (от греч. *эмпирия* – ‘опыт’), или опытные образцы, – т.е. современные, сиюминутно значимые идеи, высказывания, актуальные в данный конкретный момент. Что-то из этого может потом стать стереотипами и даже архитипами, а что-то уйдет в небывшие.

Р.Ф. Доронина свое выступление посвятила одному из последних изданий Института славяноведения «Человек на Балканах глазами русских», упомянутом во вступительном слове Будаговой Л.Н. Книга представляет собой сборник статей о народах южных Балкан – сербах, болгарях, македонцах, черногорцах, албанцах, греках. В своем исследовании коллектив авторов, в котором преобладают историки, обратился к приемам имагологии. Открывается книга статьей В.А. Хорева, немало сделавшего для разработки у нас имагологических проблем, – «Имагологический аспект изучения культурных связей». Культура, отмечает автор, – активный участник исторического процесса, а литература, в силу эмоционального воздействия, – важнейший компонент диалога культур, в котором участвуют такие составляющие, как «народная культура», разные виды искусств, историко-философские концепции. В решении возникающих проблем объединяются исследователи разных специальностей – литературоведы, историки, этнографы, фольклористы, этнолингвисты и т.д. Первостепенным предметом имагологии – продолжает автор – остается происхождение, структура и функции национальных образов, мифов и стереотипов, бытующих в текстах культуры. И еще одно важное суждение автора: изучая образ другого народа в текстах культуры, имагология ставит своей задачей выявить истинные и ложные представления о жизни других народов, характер и типологию стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, их происхождение.

Неоценимое достоинство всей книги, подчеркнула Р.Ф. Доронина, и буквально каждой статьи – обилие «живых источников» (таких, как дневники, записки, письма – официальные и личные). С помощью привлечения нового документального материала идет преодоление устоявшихся схем, негативных стереотипов. Рушатся мифы не только давние (начала XIX в.), но и современные, поскольку сборник охватывает несколько периодов в жизни Балкан, вплоть до конца XX в. Особо Р.Ф. Доронина отметила статьи А.Л. Шемякина «Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878–1914)», М. Ивановича «‘Русской песне тесно под южным небом, ей нужно пространство, высоко небо’: образ Балкан в восприятии русских беженцев (1920–1940)» (о нем см. рецензию М.В. Белова в [7]), Г.Н. Энгельгардта «‘Местное общество’, политики и военные в балканских войнах 1990-х годов глазами русского наблюдателя».

Поблагодарив в заключение всех выступавших коллег и отметив, что необходимо учитывать разные взгляды на имагологию, ее широкие и узкие трактовки, *Л.Н. Будагова* подчеркнула, что профессиональные интересы участников проекта «Русский человек и Россия в славянской литературе, фольклоре, документалистике» требуют сосредоточенности на имагологии как дисциплине сравнительного литературоведения. Признав, что имагология знаменует возвращение в науку о литературе ряда основополагающих понятий и представлений, потесненных господством структурно-семиотических подходов, участники заседания выразили солидарность с выводом зарубежных коллег, что «[...] имагология подтверждает окончательное отступление от формалистическо-структуралистских теорий в пользу антропологии и культурологических исследований» [4. С. 81].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kundera M.* Nesmrtelnost. Praha, 1993.
2. *Svéda J.* Milan Kundera v zajeťi imagoľogů. O jednom mediálnim cirkusu//Britské listy. 14.10.2008.
3. *Guyard M.-F.* La littérature comparée. Paris, 1951.
4. *Zelenka M.* Interkulturní studia v kontextu soudobé literární istoriografie: «komparování» jako způsob interpretace psaní literárních dějin // World Literature Studies. Časopis pre výskum svetovej literatúry 4. 2010. Vol. 2 (19).
5. *Dyserinck H.* Zum Problem der «images» und «mirages» und ihrer Untersuchung im Rahmen der vergleichenden Literaturwissenschaft // Arcadia. 1966. № 1.
6. Podoba tujega v slovenski književnosti. Podoba Slovenije in Slovencev v tuji književnosti. Imagoľoško berilo. Ljubljana, 2005.
7. Славяноведение. 2006. № 1.

© 2012 г. *И.А. Герчикова*

Славяноведение, № 4

POŁONIA В КАЗАНИ И В ВОЛГО-УРАЛЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Во второй половине 2011 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете (КФУ) произошло несколько важных научных и общественных событий, связанных с историей взаимоотношений и взаимодействия народов Польши и России, историей *Polonii* в Поволжье и Приуралье, с историей и развитием современных российско-польских научных связей.

В центре этих событий оказалась проведенная 6–8 июня 2011 г. КФУ и Постоянным представительством Польской академии наук при Российской академии наук Международная научная конференция «*Polonia* в Казани и в Волго-Уралье в XIX–XX вв.». Конференцию открыл директор Института истории Казанского университета Рамиль Равилович Хайрутдинов. Участников конференции приветствовали ректор Казанского (Приволжского) федерального университета профессор Ильшат Рафкатович Гафуров и Чрезвычайный и полномочный посол Республики Польша в Российской Федерации профессор Войцех Зайончковски.

Первый доклад на пленарной сессии сделал профессор кафедры Новой и новейшей истории КФУ *И.И. Шарифжанов*, «Казань – Польша: исторические связи в XIX–XX вв. (синоптический взгляд)», обратив внимание на то, что исторические связи Казани и Польши относятся еще к временам Казанского ханства. Профессор кафедры истории русского языка и славянского языкознания КФУ *Г.А. Николаев* в докладе «Научные и учебные связи казанских и польских лингвистов (вторая половина XX в.)» показал наиболее важные результаты научно-образовательного персонального и коллективного сотрудничества лингвистов Казанского государственного университета – Казанского (Приволжского) федерального университета с польскими коллегами, гармонично сочетая анализ лингвистических проблем со своими личными воспоминаниями. Постоянный представитель ПАН

при РАН, профессор Педагогического ун-та имени Комиссии народного образования в Кракове *М. Волос* привлек внимание к творческой и общественной деятельности основателя Казанской лингвистической школы профессора И.А. Бодуэна де Куртенэ после его возвращения в независимую Польшу, где ученый, продолжая высокоэффективную научную работу, стал своеобразным символом свободной мысли и либерализма, а в 1922 г. выдвигался кандидатом от национальных меньшинств на пост президента независимой Польши.

Работа конференции продолжилась в секциях «Поляки в Казанском университете», «Казанская школа лингвистики, участие поляков в ее развитии», «Поляки в Казанской губернии и губерниях Волго-Уралья: влияние на социокультурное развитие» (выездное заседание на базе Елабужского института КФУ) и «Судьбы поляков в Волго-Уралье в советскую и постсоветскую эпохи». В конференции приняли участие ученые из Института истории ПАН, Представительства ПАН при РАН, Торуньского ун-та им. М. Коперника и ун-та им. Я. Кохановского в Кельцах и их российские коллеги из Москвы, Казани, Перми, Уфы, Чебоксар, Нижнего Новгорода, Кирова, Новосибирска, Абакана, Сыктывкара, Елабуги.

Работу секции «Поляки в Казанском университете» открыл доклад *П. Глушковского* (РГГУ, Торуньский ун-т им. М. Коперника) об отражении начального этапа научной и общественной деятельности О.М. Ковалевского в переписке и воспоминаниях филوماتов. О.М. Ковалевскому как профессору Казанского императорского университета (КИУ), основателю российского и европейского монголоведения, путешественнику и просветителю был посвящен доклад *Р.М. Валеева* (КФУ, Институт татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан). Заключило блок исследований творческого пути О.М. Ковалевского сообщение *Е.Н. Туманик* (Институт истории Сибирского отделения РАН) о дискуссии между О.М. Ковалевским и П.Л. Шиллингом фон Канштадтом по поводу тибетского канона. Гуманитарная составляющая в истории формирования польской профессуры в КИУ была раскрыта в докладе *Г.П. Мяжкова* (КФУ) и *Н.И. Недашковой* (РГГУ), в котором были прослежены польские «корни» российских славистов XIX в., а также в докладе *Н.С. Алмазовой* (НИУ ВШЭ) о профессоре римской словесности Казанского императорского университета Д.И. Нагуевском как основателе ряда учебно-вспомогательных учреждений по классической филологии и римской истории. *Р.А. Циунчук* и *А.А. Лопатин* (КФУ) глубоко осветили научную и общественную деятельность казанского профессора-юриста, одного из лидеров правомонархического движения в Волго-Уралье В.Ф. Залеского (сына польского ссыльного Ф. Залеского). *В.Е. Туманин* (КФУ) сопоставил жизненные пути отца и сына Залеских в докладе «Судьба польской династии в Казани: Франц и Владислав Залеские». В докладе *Р.Р. Шигабутдинова* (Институт социальных и гуманитарных знаний, Казань) была подробно охарактеризована общественная деятельность видного профессора-юриста, депутата I Думы Г.Ф. Шершеневича в казанский период его жизни. *В.В. Астафьев* (КФУ) проследил научную и жизненную судьбу В. Орловского – заведующего кафедрой госпитальной хирургии КИУ, а затем – профессора Ягеллонского университета и организатора терапевтической службы в Польше. *О.М. Гильмутдинова* (Казанский национальный исследовательский технический ун-т им. А.Н. Туполева) выделила вклад профессора П. Зейфмана в развитие научной ветеринарии в Казани. Завершила работу секции *А.В. Гатилова* (Казанский государственный ун-т культуры и искусств), подробно рассказавшая о польской научной династии Догелей – фармакологе И.М. Догеле, его сыне – профессоре кафедры международного права М.И. Догеле, и племяннике – физиологе и гистологе А.С. Догеле, начинавшем свою научную карьеру в КИУ.

Вторая секция конференции была посвящена классической Казанской лингвистической школе и роли польских профессоров КИУ в ее формировании и развитии. В центре внимания раздела – новаторская творческая деятельность основателя этой школы профессора КИУ И.А. Бодуэна де Куртенэ. *С. Гжибовский* (Торуньский ун-т им. М. Коперника) сконцентрировал внимание на теоретико-лингвистическом наследии профессоров Казанского университета И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского в русском языкознании и, особенно, на их фонологических концепциях, а *Н.Г. Николаева* (КФУ) осветила развернутую оценку творчества Н.В. Крушевского крупным современным исследователем И. Радвиньской-Вильмс. Учение И. Бодуэна де Куртенэ, осваиваемое ныне и с точки зрения социо- и психолингвистики, охарактеризовал *М. Глушковский* (Торуньский ун-т им. М. Коперника). В докладе *Л.Р. Абдулхаковой* (КФУ) «И.А. Бодуэн де Куртенэ о развитии языка» показана

значимость идеи непрерывности изменений в языке как одного из центральных положений в теоретико-лингвистических воззрениях И.А. Бодуэна де Куртенэ, в его методике диахронических исследований. *Т.М. Николаева* (КФУ) проанализировала многогранность теории морфем, развитой в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ. *Е.А. Трифонова* (Сыктывкарский ун-т) сделала сообщение «А.М. Селищев и В.И. Лыткин: традиции казанской лингвистической школы и отечественное финно-угроведение 20–30-х гг. XX в.». *К.Р. Галиуллин* и *Е.А. Горобец* (КФУ) рассказали о сайте «Казанская лингвистическая школа». В докладе *Ч. Латича* (Торуньский ун-т им. М. Коперника) был поставлен вопрос о широких двусторонних связях поляков и татар и специально выделены важнейшие аспекты роли татар в польской истории, культуре, влияния татарского языка на польский язык.

Работа секции «Поляки в Казанской губернии и губерниях Волго-Уралья: влияние на социокультурное развитие» прошла на базе Елабужского института КФУ. Открыл работу секции доклад *А.З. Нигаматова* (Елабужский ин-т КФУ) «Поляки в Прикамье в XVI–XVIII вв.». *Р.А. Циунчук* (КФУ) рассмотрел историю польской диаспоры Казани, выделив основные этапы ее социокультурного развития, влияния на местную общественную жизнь XVIII–XX вв. Историко-биографический ракурс исследований ссыльных членов *Polonii* Волго-Уралья четко прослеживался в ряде докладов этой секции. *Т.А. Дворецкая* (Кировский областной краеведческий музей) в докладе «О прототипе “закошенного сармат”, героя “Былого и дум” А.И. Герцена» провела атрибуцию одного из вятских персонажей – знакомых революционного демократа. *А.А. Машиковцев* (Вятский государственный гуманитарный ун-т) проследил пастырскую деятельность Виленского епископа Адама Красинского во время его пребывания в вятской ссылке. *В.А. Павлов* (Чебоксарский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) изучил состав и деятельность польских ссыльных в Казанской губернии после восстания 1863 г. Историко-ведческие аспекты изучения истории польской ссылки в Волго-Уральском регионе привлекли внимание *А.Н. Иванова* (Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник), сделавшего сообщение о пребывании польских ссыльных в Елабуге в 1863–1865 гг., и *О.В. Тимофеевой* (Пермский национальный исследовательский государственный ун-т), исследовавшей жандармские документы о якобы существовавшей в городе Чердыни в 1881 г. Польской антиправительственной партии, а также *Д.А. Николаева* (Нижегородский государственный ун-т), сообщившего о малоизвестных фактах переселения немецких беженцев в Нижегородскую губернию после восстания 1863 г. *М. Кулик* (Институт истории РАН) представил результаты архивных изысканий по теме «Офицеры польского происхождения в Казанском военном округе на рубеже XIX–XX веков». *А.В. Черных* (Пермский филиал Института истории и археологии Уральского отделения РАН) представил обстоятельную картину формирования польского населения Пермского Прикамья в XIX – начале XX в.; доклад *С.В. Леончика* (Ун-т им. Я. Кухановского в Кельце) был посвящен польским крестьянам на территории Поволжья и Урала во второй половине XIX – начале XX в. Завершил работу секции доклад *Д.Р. Хайрутдиновой* (КФУ) о просветительской и культурной деятельности поляков в Казани в XIX – начале XX в.

Четвертую секцию «Судьбы поляков в Волго-Уралье в советскую и постсоветскую эпохи» открыл доклад *В.П. Сапона* (Нижегородский государственный ун-т) о польских левых социалистах в Нижегородской губернии в 1917–1919 гг. В работе секции прозвучали также доклады о «польских» операциях НКВД в Прикамье (*Л.А. Обухов*, Пермский национальный исследовательский государственный ун-т) и в Кировской области (*В.С. Жаравин*, *Е.Н. Чудиновских*, Государственный архив социально-политической истории Кировской области). *В.С. Жаравин* в отдельном докладе рассмотрел деятельность Делегатуры – представительства посольства Республики Польша в г. Кирове в годы Великой Отечественной войны. Культурологические аспекты восприятия «другого» на примере воспоминаний польских спецпереселенцев в Коми АССР в 1940–1943 гг. были раскрыты в докладе *Л.М. Макаровой* (Сыктывкарский ун-т).

Заклучали дискуссию в секции информационно-аналитические обзоры о деятельности национально-культурных полонийных организаций региона (*О.В. Ризположенской*, Общество «Белый Орел» – Польская национально-культурная автономия Республики Татарстан; *М.В. Старцева*, Пермский центр Польской культуры). *С.Э. Шукляя* (КФУ) сделала доклад «Польское направление в научной деятельности гуманитариев Казанского университета на рубеже XX–XXI вв.». На итоговом заседании было отмечено, что конференция

выполнила свои задачи, представив широкую картину исторического развития Polonii в Казани и в Волго-Уралье в XIX–XX вв.» (Казань, 2011), презентация которого прошла в Казани 28 октября 2011 г. во время торжественных мероприятий, посвященных открытию мемориальной доски памяти выдающегося польского и российского ученого и общественного деятеля, основателя Казанской лингвистической школы, профессора Казанского университета в 1874–1883 гг. И.А. (Яна Нечислава Игнация) Бодуэна де Куртенэ (1845–1929).

По материалам работы конференции был оперативно подготовлен сборник «Polonia в Казани и в Волго-Уралье в XIX–XX вв.» (Казань, 2011), презентация которого прошла в Казани 28 октября 2011 г. во время торжественных мероприятий, посвященных открытию мемориальной доски памяти выдающегося польского и российского ученого и общественного деятеля, основателя Казанской лингвистической школы, профессора Казанского университета в 1874–1883 гг. И.А. (Яна Нечислава Игнация) Бодуэна де Куртенэ (1845–1929). Выступавшие на торжественном заседании инициатор создания мемориальной доски видный польский ученый и публицист, профессор *Е. Борейша* (в 1952 г. – студент Казанского университета) и известный казанский лингвист, профессор Казанского университета *Г.А. Николаев* говорили о личности Бодуэна де Куртенэ, о его выдающемся вкладе в науку, о взаимоотношениях России и Польши и перспективах развития связей КФУ с польскими университетскими и научными центрами. Во время торжественного открытия доски ректор Казанского университета *И.Р. Гафуров* подчеркнул, что Бодуэн де Куртенэ был человеком мира: «Мы считаем, что он был профессором Казанского университета, а поляки считают его своим. И все правы – Бодуэн де Куртенэ сделал многое для развития отношений между нашими странами». Посол Республики Польша *В. Зайончковски*, приветствуя собравшихся, напомнил, что Казань и Польшу издавна объединяют тесные связи. «Бодуэн де Куртенэ работал на татарстанской земле и именно здесь достиг выдающихся результатов, которые стали частью европейской и мировой лингвистики. Хотелось бы, чтобы прошлое стало стимулом для развития контактов в будущем, казанско-польские традиции обязывают нас к тому, чтобы развивать сотрудничество в настоящем», – подчеркнул он. Посол Республики Польша также произнес слова благодарности в адрес руководства Республики Татарстан и Казанского федерального университета. «Сегодняшнее событие очень приятно мне – и как выпускнику Казанского университета, и как жителю республики, – заявил премьер-министр Татарстана *И. Халиков*. – Только у того, кто помнит прошлое, есть будущее». Он выразил уверенность в поступательном развитии российско-польских и татарстанско-польских экономических, научно-культурных и общественных связей. После торжественных речей официальные лица открыли мемориальную доску памяти И.А. Бодуэна де Куртенэ и возложили цветы. Памятный знак представляет собой три таблички на польском, русском и татарском языках и барельефный портрет великого ученого (скульптор А. Врублевский).

© 2012 г. П. Глушковски, Г.П. Мяжков, Р.А. Цунчук

К ЮБИЛЕЮ ВАЛЕНТИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ МАРЬИНОЙ

Современную отечественную славистику, особенно богемистику и словакистику, сейчас трудно представить без научных трудов доктора исторических наук Валентины Владимировны Марьиной, трудов, с устоявшейся регулярностью выходящих в основных научных издательствах. Исследования В.В. Марьиной в области Новой и новейшей истории Чехии и Словакии (Чехословакии), а также других стран Центральной и Юго-Восточной Европы по праву считаются новаторскими. В них с опорой на впервые вводимый в научный оборот материал российских и зарубежных архивных фондов как подтверждаются старые истины, так и открываются новые исследовательские перспективы.

Свой жизненный выбор В.В. Марьиной сделала, став студенткой Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, который окончила в 1950 г. За периодом университетской учебы следуют годы аспирантуры в созданном в 1947 г. Институте славяноведения АН СССР, где она защитила кандидатскую и докторскую диссертации, прошла путь от младшего научного до главного научного сотрудника, заведовала сектором.

Более 300 научных работ – монографий, глав, разделов в фундаментальных коллективных трудах, статей, получивших высокую оценку российских и зарубежных коллег, – явное доказательство богатого творческого потенциала юбиляра. Важно при этом отметить, что в ее научной деятельности органически соединяются постановка важных теоретических проблем и глубокий анализ обширного фактического материала.

Широкую известность и признание получила вышедшая в 1984 г. монография Валентины Владимировны «Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1945–1948 гг.», в которой впервые в отечественной историографии представлена развернутая картина положения крестьянства в Чехословакии и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы после Второй мировой войны.

К середине 1980-х годов относится обращение к разработке проблем «Чехи и словаки в годы Второй мировой войны (1939–1945)», «Чехословакия в период “народной” демократии 1945–1948 гг.», «Чешская и словацкая историография». В рамках этой тематики исследовательница приняла участие в авторской и редакторской работе над «Краткой историей Чехословакии» (М., 1988), участвовала в написании коллективных трудов «Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1985), «Февраль 1948 г.: Москва и Прага. Взгляд через полвека» (М., 1998), «Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки» (М., 1999. Кн. 3), «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг.» (М., 1999), «Сталин и холодная война» (М., 1998), «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?» (М., 2009), «Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века» (СПб., 2011) и др.

В.В. Марьиной была одним из авторов и в качестве ответственного редактора руководила работой над коллективными трудами, которые отличают принципиально новые выводы и интерпретации: «Антифашистское движение Сопrotивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: вопросы национальной историографии» (М., 1991), «“Восточноевропейский социализм”: становление режима, попытки его модификации, причины краха» (М., 1992), «Движение Сопrotивления в странах Центральной и Юго-Восточной

Европы, 1939–1945» (М., 1995), «Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы» (М., 2002. Вып. 2), «“Демократическое интермеццо” с коммунистическим финалом, 1944–1948» (М., 2002), «Национальная политика в странах формирующегося советского блока, 1944–1948 гг.» (М., 2004), «Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории» (М., 2005. Кн. 1–2).

Не менее результативной оказалась и работа в качестве соавтора в написании книг: «Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа, вторая половина XX века» (М., 2006), «Антикоммунистические революции конца XX века. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 2007), «XX съезд КПСС и Восточная Европа» (М., 2007), «Власть и общество: непростые взаимоотношения (страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке)» (М., 2008), «1956 год. Российско-болгарские дискуссии» (М., 2008), «Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 2008), «Дебаты. 1968 год. “Пражская весна”. Историческая ретроспектива» (М., 2010), «В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в.» (М., 2011) и др.

Со свойственной ей основательностью В.В. Марьина обратилась еще к одному сюжету, успешно реализовав его в 2003 г. в монографии «Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина, 1939–1945», получившей высокую оценку научной общественности. Вокруг фигуры Э. Бенеша, всегда вызывавшего повышенный интерес у исследовательницы, концентрируется и серия оригинальных статей. Этот пласт интересных научных изысканий послужил своеобразной отправной точкой для новой фундаментальной монографии «Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек», работа над которой завершается.

В русле разрабатываемых ученым главных научных сюжетов находится и обстоятельный двухтомный труд «Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг.» (М., 2007. Т. 1; 2009. Т. 2). В данном исследовании решен ряд актуальных проблем, связанных с позицией СССР в решении чехо-словацкого вопроса в годы Второй мировой войны. Многообразие сюжетов, отражение взглядов различных слоев чешского и словацкого обществ, а также анализ внешнеполитических факторов, прежде всего, советского – все это предопределяет ценность проделанной автором работы. Труд основан на новых документах, выявленных в российских архивах.

Публикаторская и переводческая работа юбиляра получила продолжение в двухтомном сборнике документов «Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. Документы и материалы последней трети XX века» (М., 2012. Т. 1), в котором ее перу принадлежат интересные части чехословацкого раздела. В готовящемся к изданию втором томе этого труда, охватывающем период середины 1980-х – начала 1990-х годов, представлена документальная база для комплексного изучения различных моделей протестных движений в странах региона, в том числе и в Чехословакии.

Исследовательские работы В.В. Марьиной востребованы зарубежными коллегами, которые имеют возможность ознакомиться с ними в ряде чешских и словацких научных изданий.

В.В. Марьина внесла большой вклад в организацию и развитие международного научного сотрудничества. В течение длительного времени ею велась большая научно-организационная работа в качестве ученого секретаря, а затем заместителя председателя советской части двусторонней Советско-чехословацкой комиссии историков; с 1994 г. она – член российской части Комиссии историков и архивистов России и Чехии, а также заместитель председателя российской части Комиссии историков России и Словакии. Она принимала активное участие в работе многих научных конгрессов и конференций как на родине, так и за рубежом, с блеском выступая с докладами, которые всегда вызывали большой интерес.

Научная деятельность ученого получила заслуженное международное признание: награждение чехословацкими памятливыми медалями в ознаменование 30-летия и 40-ле-

тия освобождения страны от гитлеровской оккупации, серебряной медалью университета им. Я.Э. Пуркине (Брно). В 2006 г. список ее наград пополнился почетной медалью им. Ф. Палацкого АН ЧР «За заслуги в развитии общественных наук».

Плодотворная научно-исследовательская деятельность В.В. Марьиной удачно сочетается с научно-организационной: работа в специализированном совете ИСл РАН по защите кандидатских и докторских диссертаций, в Ученом совете ИСл РАН, в Исполнительном совете Ассоциации историков Второй мировой войны и др.

Высокий уровень исследовательской культуры, богатейшая профессиональная эрудиция, широкий кругозор, принципиальность в подходе к сложнейшим проблемам, но в то же время тактичность и доброжелательность, внимательное отношение к носителям других точек зрения – фирменный стиль продуктивной научной деятельности Валентины Владимировны. Она обладает авторитетом в кругах научной общественности благодаря истинной интеллигентности, высоким человеческим качествам, преданности науке, готовности делиться своими знаниями и опытом.

От всей души желаем Вам, дорогая Валентина Владимировна, здоровья и творческого долголетия!

Друзья и коллеги

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Валентине Владимировне здоровья и творческих успехов.

Славяноведение, № 4

К ЮБИЛЕЮ СИГУРДА ОТТОВИЧА ШМИДТА

15 апреля исполнилось 90 лет старейшему сотруднику Института славяноведения Сигурду Оттовичу Шмидту – советнику Российской академии наук, академику Российской академии образования, почетному председателю Археографической комиссии РАН, иностранному члену Польской академии наук, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, заслуженному профессору и заведующему кафедрой москвоведения Российского государственного гуманитарного университета, почетному председателю Союза краеведов России, ответственному редактору «Археографического ежегодника» и Московской энциклопедии, члену Совета по государственной культурной политике при председателе Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, члену Общественного совета по гуманитарным наукам при Комитете по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы Федерального Собрания РФ, множества ученых советов и редакционных коллегий. Его плодотворная научная деятельность продолжается более 70 лет: первая печатная работа – тезисы студенческого доклада об Алкивиаде – появилась в 1941 г. Огромное количество научных и популярных работ, выступлений не только научной, но и общественно-политической тематики в печати и по телевидению – сделали имя Сигурда Оттовича известным и в нашей стране, и за рубежом. Разносторонняя общественная деятельность по пропаганде исторического знания, формированию в сознании народа бережного отношения к памятникам прошлого, интереса к истории родного края – снискали Шмидту широкое признание и государственные награды. Беззаветная преданность ученого делу преподавания, десятилетия работы в Историко-архивном институте, в частности,

руководства кружком источниковедения, привели к формированию целой «Шмидтовской школы» в отечественной исторической науке. Десятки ученых, делавших первые шаги в семинарах и кружке Шмидта, писавших под его всегда благожелательным, но иногда и строгим надзором дипломные, кандидатские и докторские сочинения, с гордостью именуют себя учениками Шмидта.

Поражает разносторонность научных интересов и трудов Шмидта. Это отечественная история XVI в., одним из лучших знатоков которой он является в наши дни: монографии о государственно-политической истории времени Ивана IV, исследования по истории русского города, аграрных отношений, внутренней и внешней, в частности, восточной политики этого периода, о государственных учреждениях, делопроизводстве и архивах, памятниках публицистики. Это и история эволюции абсолютной монархии и общественного сознания в середине XVIII в. Это и разнообразные аспекты истории русской культуры в «пушкинский» период. Особенно отличает Сигурда Оттовича многогранная разработка проблем важнейшей основы исторического познания – источниковедения. В 1960-х годах он стал одним из основоположников теоретического источниковедения, сформулировав задачи этой области науки и классификации исторических источников на принципиально новых основаниях (включив, в частности, в число этих источников явления природы).

С.О. Шмидт обосновал новое представление об источниках историографии, при котором история науки не сводится к проблематике только общественной мысли, но выступает во всем богатстве жизни и творчества деятелей этой науки. В области историографии Шмидт не ограничился определением предмета и периодизации истории отечественной исторической науки, но создал десятки ярких и запоминающихся очерков об историках прошлого и своих современниках. Так, его исследования позволили отказаться от вульгарно-социологических взглядов на «Историю» Н.М. Карамзина, заменили шаблонное представление о кризисе русской науки в конце XIX – начале XX в. пониманием этого периода как времени высочайших теоретических и источниковедческих достижений. По инициативе и под редакцией Сигурда Оттовича выходит капитальный справочник «Каталог личных фондов отечественных историков». В соответствии с направленностью научных интересов он особое внимание уделяет истории источниковедения, положив начало новой области науки – историографии отечественного источниковедения. Нельзя не отметить труды Шмидта по историографии архивного дела, археографии и других специальных дисциплин.

Огромный вклад внес Сигурд Оттович в развитие исторического краеведения. Можно сказать, что его усилиями подготовлен новый взлет российского краеведения и региональной истории в последние десятилетия. Организация краеведческого движения, разработка его научных оснований, конкретные работы по москвоведению, открытие новых областей изучения – все это с неизменным увлечением Шмидт продолжает многие годы, приобщая к историческому знанию широкие слои населения. Этой же цели служат его регулярные выступления в газетах, на телевидении, где он участвует в большинстве просветительских начинаний.

Сигурда Оттовича справедливо признают патриархом российской археографии. Им или под его руководством осуществлены капитальные публикации исторических источников различных видов и разных периодов истории: летописей, памятников публицистики, актов, описей государственных архивов XVI–XVII вв., проектов законодательства XVIII в., эпистолярного наследия, произведений выдающихся историков XIX–XX вв. Предложенное им широкое понимание задач археографии как собирания, описания и издания памятников письменности уверенно проникает в научный обиход.

Археографическая комиссия была образована в 1956 г. по почину академика М.Н. Тихомирова, ставшего первым ее председателем. Штаты ее сотрудников изначально состояли в Институте славяноведения и балканистики, куда в 1957 г. перешел и М.Н. Тихомиров. Видимо, ему был близок комплексный подход ученых Института к исследованию средневековых письменных памятников, в котором сочетались историческая и филологическая,

археографическая и источниковедческая методики. Ученик Тихомирова С.О. Шмидт, возглавив Археографическую комиссию в 1968 г., осуществил и обогатил начинания учителя. М.Н. Тихомиров намеревался начать подготовку каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в нашей стране, включая рукописи и балканского происхождения – болгарские и сербские. С присущими ему выдающимися организаторскими способностями Сигурд Оттович возглавил это начинание. В 1984 г. «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР» вышел из печати. Это – единственное в своем роде издание, объединяющее сведения обо всех сохранившихся в нашей стране славяно-русских книгах и их фрагментах XI–XIII вв., содержит сведения и о русских памятниках, и о рукописных книгах славянских народов, населяющих Балканский полуостров, о тех книгах, которые в силу исторических причин сохранились в хранилищах нашей страны. В издании было описано 175 южнославянских рукописей, что, по мнению ученых, составляет до 40% мирового фонда южнославянских рукописей XI–XIII вв. Еще больше выявлено таких рукописей для XIV–XV вв.

Важным направлением научно-организационной деятельности Сигурда Оттовича стало его руководство одним из подразделений СИБАЛ. Как известно, Centre international d'information sur les sources de l'histoire balkanique (СИБАЛ) был образован при ЮНЕСКО в 1976 г. и зарекомендовал себя как одна из самых действенных международных организаций по изучению памятников истории и культуры. Дирекция центра находилась в Софии, тогдашний вице-президент Болгарской АН академик Н. Тодоров со времени основания центра являлся его генеральным секретарем. Основные задачи СИБАЛ – способствовать исследованиям по истории балканских народов и их международных связей (особенно со средиземноморскими странами), распространению информации о результатах таких исследований, выявлению и изучению соответствующих документальных материалов в архивах и библиотеках разных стран, научному описанию и публикации документальных памятников, составлению справочных и библиографических пособий по этой проблематике. С.О. Шмидт, будучи представителем СССР в СИБАЛ, возглавил комиссию рукописей. Главным пунктом долгосрочной программы деятельности комиссии была подготовка сводного каталога нарративных памятников по истории и культуре балканских народов по XV в. включительно. Образцом для такого каталога был избран «Сводный каталог славянских рукописей», составляемый в СССР. Некоторые издания и описания, подготовленные СИБАЛ, вышли в свет (например, в 1980 г. – «Inventaire des sources arméniennes sur l'histoire balkanique» by Agop Ormandjan, в 1989 г. – «Slavic codices of the Great Lavra Monastery: a description» by M. Matejic and D. Bogdanovic и др.). В 1991 г. деятельность комиссии рукописей была свернута. Однако плодотворная деятельность Сигурда Оттовича, связанная со славяноведческой тематикой, не останавливается. После распада Советского Союза работа над «Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг» была продолжена, уже силами специалистов постсоветских стран. Первый выпуск каталога рукописных книг XIV в., хранящихся в России, странах СНГ и Балтии, вышел в 2002 г. Работа над ним шла под руководством А.А. Турилова, ответственным редактором выпуска стал С.О. Шмидт.

Сигурд Оттович обладает неиссякаемой энергией, молодой устремленностью к новому, огромным творческим потенциалом и бесценным исследовательским опытом. Желанием ему новых впечатляющих успехов в науке и преподавании, в служении отечественной культуре, которые стали смыслом его жизни.

© 2012 г. С.В. Чирков

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Сигурду Оттовичу здоровья и творческих успехов.

ПАМЯТИ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ КНЯЗЕВСКОЙ
(1920–2011)

18 октября 2011 г., на 91-м году жизни скончалась Ольга Александровна Князевская, кандидат филологических наук, языковед, палеограф и историк средневековой славянской рукописной книги, старший научный сотрудник Археографической комиссии.

Ольга Александровна родилась 13 мая 1920 г. в Москве, но в метрике по уже забытой сейчас причине местом рождения названо село Сокур Вязовского района Саратовской области. Эти родные места предков О.А. Князевской весьма памятливы для истории русской филологии и славистики. Поблизости от Вязовки лежит деревня Губаревка, в которой прошли детские годы А.А. Шахматова. Согласно же малоизвестному семейному преданию (о котором знали даже не все знакомые Ольги Александровны), ее прадед – сельский священник – «учил Закону Божьему помещичьего племянника в Шахматовке» (другое название Губаревки). Достоверность предания гарантируется его неприязательностью – мальчик-ученик вовсе не именуется в нем «будущим академиком Шахматовым» (вполне возможно, что информанты об этом и не знали), личность его надежно устанавливается по месту, времени и статусу.

В 1937 г. О.А. Князевская поступила в Московский институт истории, филологии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (легендарный МИФЛИ), где обучалась по специальности «русский язык». Память о родном институте и его выпускниках Ольга Александровна верно (и с гордостью) пронесла через всю жизнь. Учителем О.А. Князевской был Р.И. Аванесов – выдающийся ученый, занимавшийся диалектологией и историей русского языка. Эти две тесно связанные области языкознания надолго определили круг ее научных интересов. В институтские годы Ольга Александровна начала ездить в диалектологические экспедиции, и эти летние поездки «в поле» (сначала в качестве рядовой участницы, а затем и руководителя) на долгие годы, хотя и с перерывами, вплоть до начала 1970-х годов, стали неотъемлемой частью ее биографии. Закончив МИФЛИ, она поступила в аспирантуру филологического факультета МГУ, которую завершила в 1945-м. В 1945–1946 гг. О.А. Князевская работала младшим научным сотрудником в Отделе рукописей Исторического музея. Непродолжительный на первый взгляд эпизод имел весьма большое значение для нее как исследователя. Заведующая ОР ГИМ М.В. Щепкина и одна из старейших сотрудниц Т.Н. Протасьева были живым воплощением связи и преемственности с русской историко-филологической наукой ее «золотого периода» – конца XIX – первых двух десятилетий XX в. Марфа Вячеславна была дочерью выдающегося языковеда и палеографа, профессора Московского университета В.Н. Щепкина. Ольга Александровна, которая на всю жизнь сохранила хорошие отношения со своей начальницей и учителем (все ее ровесники и люди более старшего поколения в один голос называли ее «любимницей Марфы Вячеславны»), в научном отношении стала как бы внучкой Вячеслава Николаевича (и этот свой неофициальный статус она вполне подтвердила, выпустив в 1999 г. на высочайшем научном уровне новое издание «Саввиной книги» XI в., одного из древнейших памятников славянской кириллической письменности, без малого за век до этого (в 1903 г.) опубликованного В.Н. Щепкиным).

В 1950 г. О.А. Князевская пришла на кафедру русского языка филологического факультета Московского государственного педагогического института им. В.П. Потемкина (четы-

рехлетний перерыв в работе был связан с рождением и воспитанием сына), где трудилась до 1958 г. В 1952 г. она стала кандидатом филологических наук, защитив диссертацию на тему «К исторической фонетике русского языка в Московской Руси XIV в. (О языке Московского Евангелия 1358 г.)».

В августе 1958 г. Ольга Александровна перешла в Институт русского языка АН СССР, где работала сначала младшим, а затем старшим научным сотрудником в секторе библиографии, источниковедения и издания памятников. Здесь при ее активном участии было подготовлено (в сотрудничестве с В.Г. Демьяновым и М.В. Ляпон) и в 1971 г. опубликовано издание одного из важнейших памятников древнерусской (и славянской вообще) письменности и литературы – пергаменного Успенского сборника рубежа XII–XIII вв.

В 1972 г. Ольга Александровна перешла в Институт славяноведения и балканистики (в Археографическую комиссию), где проработала до выхода на пенсию в 2006 г. Здесь она активно включилась в работу по подготовке и изданию «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР» (СК). С приходом О.А. Князевской Комиссия получила штатного лингвиста, совершенно необходимого для работы над монументальным справочником, охватывающим славянские рукописи всех языковых изводов, написанные глаголицей и кириллицей на протяжении XI–XIV вв. Первая половина 1970-х – 1980-е годы были отмечены большим числом конференций и совещаний по проблемам составления СК, регулярно проходивших в Москве и Ленинграде, участникам которых несомненно памятливы и выступления «громкой дамы» (постоянная ироническая самохарактеристика О.А. Князевской) и беседы с нею в кулуарах. В известном смысле частью работы над СК явилось для Ольги Александровны и участие в подготовке к изданию каталога славянских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в Центральном (ныне Российском) архиве древних актов (вышел в свет в 1988 г.).

В принципе, перемена места работы вовсе не требовала от исследовательницы кардинальной смены научного профиля – дел для языковеда-русиста по Сводному каталогу было более чем достаточно, учитывая, что большую часть корпуса славянских рукописей отечественных хранилищ XI–XIII вв., вошедших в первый выпуск справочника (М., 1984), составляют именно древнерусские. Однако, работая в Археографической комиссии, Ольга Александровна обращалась к средневековым болгарским рукописям (по одной из версий исследовательницу «совратила в болгаристику» ее старшая соученица по ИФЛИ и многолетняя подруга Е.В. Чешко) и в сравнительно короткий срок стала общепризнанным специалистом в этой области. При ее непосредственном активном участии были изданы и исследованы такие важнейшие памятники болгарского языка и культуры XIV в., как Норовская Псалтырь (Т. 1–2; София, 1989 – совместно с И.К. Буниной, В.А. Дыбо, Л.А. Науменко, Е.В. Чешко) и Мазуринская Кормчая (М., 2002 – в соавторстве с Е.В. Беляковой, К. Илиевской, Е.И. Соколовой, И.П. Старостиной и Я.Н. Щаповым). В начале 1980-х годов при ЮНЕСКО был создан Международный центр по изучению источников по истории Балкан и Средиземноморья (СIBAL), базировавшийся в Софии, и Ольга Александровна играла заметную роль в работе одного из главных его подразделений – Комиссии рукописей. Это, разумеется, не означало отказа от занятий восточнославянской тематикой – на протяжении 1980-х – начала 2000-х годов О.А. Князевская написала и опубликовала работы, посвященные рукописям, созданным в разных регионах Древней Руси – Галицко-Волинском княжестве, Новгороде и Пскове, Ростове и Ярославле. Последним ее крупным научным трудом (готовившимся совместно со шведскими славистами и до сих пор не вышедшим в свет) было описание и издание отрывков пергаменных Прологов XIII–XV вв., составлявших в древности единый территориальный фонд, а ныне разделенных между хранилищами Швеции, Дании и Библиотекой РАН в Петербурге.

Работая в системе Академии наук, Ольга Александровна не оставляла педагогической деятельности, к которой она всегда чувствовала призвание. В течение многих лет она вела курс палеографии (лекции и семинарские занятия) на филологическом факультете МГУ, всегда собиравшем полную аудиторию. На этих занятиях Ольга Александровна щедро делилась со слушателями наблюдениями, сделанными в древних хранилищах, и воспитывала

в них любовь к рукописной книге и работе с источниками. Тяга молодежи к ней и ее тяга к молодежи была взаимной, помимо прочего, студенческое окружение компенсировало в какой-то мере ее тяжелую личную утрату – гибель в начале 1970-х годов единственного сына, талантливого физика.

Нельзя не упомянуть еще одного аспекта общественно-научной деятельности Ольги Александровны. Она была замечательным организатором науки на неформальном уровне. Круг ее научных знакомств был поистине безграничным, а они часто превращались в просто человеческие. Если обратиться к составу персоналий наиболее полного справочника, посвященного палеославистике, болгарской «Кирилло-мефодиевской энциклопедии» (София, 1985–2003. Т. 1–4), то рисуется следующая картина. 60% лиц, которым посвящены в этом справочнике отдельные статьи и которые занимались научной деятельностью во второй половине 1950-х – начале 2000-х годов, являлись друзьями и знакомыми Ольги Александровны, порой очень близкими. К слову, явной несправедливостью является отсутствие здесь статьи о ней самой – по меньшей мере она заслужила это как публикатор Жития Мефодия и Саввиной книги. Всем известно, какую большую роль играет во время научных конференций общение в кулуарах. При проведении в Москве международных научных собраний квартира О.А. Князевской превращалась в своеобразные большие кулуары. Во время таких собраний в доме царила удивительная атмосфера. Присутствующие (независимо от давности знакомства с хозяйкой и между собою) отнюдь не чувствовали себя гостями. Общение носило чрезвычайно непринужденный характер, соединяя в себе черты научного и бытового, и начиналось обычно с кухни. Здесь не в диковинку было увидеть маститого зарубежного профессора, чистящего картошку и одновременно вполне на равных беседующего с аспирантом или даже со старшекурсником филфака МГУ. Студенты запросто приходили в этот дом, чтобы воспользоваться богатой библиотекой с недоступными в ином месте изданиями, ученые разных гуманитарных специальностей – за консультациями, и никто не знал отказа. Под этим гостеприимным кровом побывали представители практически всех стран, в которых существовала славистика (о собственно же славянских говорить просто излишне). Что же касается болгарских исследователей всех уровней, бывших столь частыми гостями в Москве в 1970–1980-х годах, то они посещали дом Ольги Александровны, кажется, сразу после поселения в гостинице «Академическая», еще до того как отправиться в отделы рукописей и архивы. Было в этом что-то очень трогательное и почти ритуальное, напоминающее вручение верительных грамот вновь прибывшими послами главе государства.

На известие о кончине Ольги Александровны откликнулись словами сочувствия десятки людей из многих стран. Вечная ей память.

© 2012 г. *А.А. Турилов*

Славяноведение, № 4

ПАМЯТИ РИККАРДО ПИККИО (1923–2011)

13 августа 2011 г. в Нью-Хэйвене (штат Коннектикут, США) после тяжелой продолжительной болезни скончался один из самых ярких и неординарных представителей зарубежной славистики второй половины XX в., профессор Риккардо Пиккио, выдающийся организатор науки и педагог.

Р. Пиккио – земляк Умберто Эко (с которым они, правда, познакомились уже в зрелом возрасте в США) – родился 7 сентября 1923 г. в Пьемонте, в г. Алессандрия в семье адво-

ката Карло Пиккио. В доме царила атмосфера демократических традиций итальянского Рисорджименто, литература входила в круг повседневных интересов – достаточно сказать, что в год поступления Риккардо в университет его отец оставил успешную адвокатскую практику, переехал в Рим и занялся журналистской и переводческой деятельностью. В 1941 г. 18-летний Р. Пиккио поступил в римский университет «La Sapienza» на философско-филологический факультет. Первоначально юноша предполагал специализироваться по германистике, однако вскоре переменял свои научные планы и обратился к изучению болгарского языка и литературы под руководством проф. Э. Дамиани, первого итальянского болгариста. Заметное влияние на молодого Пиккио оказали также профессора Э. Ло Гатто и «отец итальянской славистики» Дж. Мавер. В 1942 г. Риккардо получил годичную стажировку в Софийском университете, однако провел в столице Болгарии лишь несколько месяцев. По мнению итальянского посольства, молодой стажер вел себя неподобающе – общался с представителями местных прогрессивных кругов, иронизировал по поводу итальянского фашизма и вообще не способствовал повышению авторитета «империи» Муссолини; по счастью, досрочным возвращением в Италию дело и ограничилось – серьезных «оргвыводов» за этим не последовало. Вернувшись в Рим, Пиккио приступил к углубленному изучению других славянских языков – русского, польского, сербско-хорватского. В 1946 г. он закончил университет, получив степень доктора филологии за сочинение на тему «Консервативное западничество Пенчо Славейкова». После университета круг его славистических интересов и занятий неуклонно расширялся как в хронологическом, так и в географическом отношении. Однако окончательный выбор в пользу науки был сделан им не сразу. В 1946–1947 гг. Р. Пиккио пробовал свои силы на журналистском поприще, сначала в газете «Messaggero», а затем в «La voce repubblicana» и «Avanti!» – органе Итальянской социалистической партии. Как сотрудник «Avanti!» он был включен в группу итальянских журналистов, участвовавших в Международной комиссии по расследованию нацистских преступлений в Польше, последствия которых он видел собственными глазами при посещении Майданека и Освенцима.

Журналистские контакты, завязавшиеся у Р. Пиккио в Польше, имели и научное продолжение. В 1947–1949 гг. он преподавал итальянский язык в Варшавском университете, где на формирование его интереса к палеославистике оказал влияние Т. Лер-Сплавинский. В 1949 г. Пиккио при поддержке Дж. Мавера получил стипендию французского правительства для углубленной специализации. В Париже молодой итальянский ученый продолжил «обучение ремеслу» у цвета тогдашней французской славистики, здесь он занимался древнерусской литературой у А. Мазона, польской историографией у С. Кота, совершенствовал болгарский язык под руководством Р. Бернара в Национальном училище живых восточных языков, посещал славистические семинары А. Вайяна в Ecole des Hautes etudes. В 1952 г. Пиккио принял активное участие в создании ежегодника «Recherche Slavistique», остающегося до наших дней авторитетнейшим итальянским славистическим изданием; первоначально он был секретарем редколлегии, а затем в течение многих лет ответственным секретарем.

В 1954–1961 гг. Пиккио, ставший в 1953 г. приват-доцентом по славянской филологии, преподавал русскую литературу в университете Флоренции и одновременно в Пизе. В 1959 г. вышло первое издание его «Истории древнерусской литературы», переработанный вариант которой (под заглавием «Древнерусская литература») позднее неоднократно переиздавался и переведен на испанский и русский языки. В 1961 г. Р. Пиккио стал ординарным профессором славянской филологии в своей alma mater, университете «La Sapienza», где преподавал польскую литературу, и после ухода на пенсию Дж. Мавера был избран директором Института славянской филологии; на этом посту он оставался до 1970 г. В 1961–1968 гг. Пиккио представлял итальянскую науку в Международном комитете славистов. В 1970–1985 гг. он – профессор славянских литератур Йельского университета в Нью-Хэйвене, почетным профессором которого оставался до конца своих дней; еще ранее, в 1965 и 1966 гг. он читал в США лекции в Колумбийском университете в качестве приглашенного профессора. Американский период научной биографии Пиккио

отмечен тесными контактами с коллегами в Гарвардском университете – Р.О. Якобсоном, В. Вайнтраубом, К. Тарановским, О. Прицаком. За годы, проведенные им в Йельском университете, последний, во многом благодаря его усилиям, превратился в один из ведущих центров славистики в США.

По возвращении в Италию Пиккио читал лекции в Институте ориенталистики университета в Неаполе, с 1985 по 1996 г. он возглавил там кафедру русской литературы и одновременно кафедру болгаристики; в 1993 г. основал славистический ежегодник «AION-Slavistica». При этом его связи с американскими славистами отнюдь не прерывались – в течение многих лет Р. Пиккио был членом Научного совета Украинского исследовательского института в Гарварде.

Научные заслуги исследователя по достоинству оценены мировым сообществом. Профессор Пиккио был избран зарубежным членом АН Болгарии, Польши, Словакии, РАН, почетным доктором Софийского университета, награжден болгарским орденом св. Кирилла и Мефодия I степени и болгарской Международной премией имени славянских апостолов.

Круг славистических интересов Р. Пиккио отличался чрезвычайной широтой и в хронологическом, и в географическом отношениях – от эпохи славянских первоучителей до русской и польской классической литературы XIX ст. Его перу принадлежит около 300 печатных работ, которые один из его ближайших учеников и первый библиограф проф. Х. Гольдблатт разделил на 14 тематических секций. При этом в центре внимания исследователя на протяжении десятилетий оставались судьбы церковнославянского языка и созданных на нем литератур в славяно-византийском (и поствизантийском) регионе от времени возникновения до конца XVIII в.; особое значение придавалось при этом эпохе Кирилла и Мефодия и деятельности их ближайших учеников в Болгарии и древнерусской литературе. Полноценный обзор и разбор научного наследия покойного итальянского слависта может составить достойную тему историографической монографии – статьи в юбилейных сборниках, при всей их важности, лишь отчасти выполняют эту функцию. Введенные Р. Пиккио в научный оборот понятия и термины «*Slavia Orthodoxa*» и «*Slavia Latina*», «библейские ключи» и «изоколические структуры» к настоящему времени широко используются исследователями, и это несомненно не дань сиюминутной моде, а один из результатов признания за их родителем авторитета классика.

В нашей стране труды Р. Пиккио очень долго не переводились, а сам он на протяжении десятилетий был известен прежде всего как объект критики Д.С. Лихачева. На то имелся ряд причин, главными из которых были, пожалуй, следующие. С одной стороны, это «неподобающий» (с точки зрения российских чиновников от науки) круг знакомств и научных контактов итальянского слависта, прежде всего в США, – эмигранты, начиная с Р.О. Якобсона, и Украинский институт в Гарварде *in cogro*. С другой – плохая совместимость концепции Пиккио о православном славянском возрождении XIV–XV вв. с концепцией «восточноевропейского Предвозрождения» Д.С. Лихачева. При этом сегодня, признавая несомненно большую правоту итальянского исследователя, не следует огульно охаивать его советского коллегу и обвинять его в непонимании сути культурно-исторических процессов. Концепция Лихачева была в немалой степени призвана обеспечить возможность заниматься исследованием средневековой литературы в условиях атеистического государства: эту задачу она с успехом выполняла и в СССР, и (в меньшей степени) в Болгарии. Лишь со второй половины 1980-х годов труды Пиккио постепенно приобрели известность в СССР, первоначально через посредство историографических работ, рецензий и обзоров, написанных отечественными историками литературы (и культуры в целом). При этом в отношении публикации самих работ итальянского исследователя инерция сохраняется до сих пор. Лишь в 2002 г. его «История древнерусской литературы» вышла в свет сразу в двух московских издательствах, в двух разных переводах и под двумя (хотя и близкими) заглавиями (обстоятельство, которое автора, по слухам, немало веселило) и достаточно быстро обрела статус если не университетского учебника, то как минимум ав-

торитетного учебного пособия. В 2003 г. в Москве был опубликован большой сборник его работ «Slavia Orthodoxa. Литература и язык».

В личном общении профессор Пиккио памятен всем знавшим его как чрезвычайно вдумчивый и дружелюбный собеседник, внимательный к чужому слову и мнению; этому нимало не препятствовал его темперамент прирожденного полемиста.

Уйдя из земной жизни, исследователь продолжает жить в своих трудах и в своих учениках. Яркая исследовательская индивидуальность Р. Пиккио и его человеческие качества постоянно влекли к нему и людей, не являвшихся формально его учениками, хотя последних было достаточно и в Италии, и в США. Чтобы представить себе круг его учеников, последователей и почитателей, достаточно взглянуть на состав авторов юбилейных сборников в честь Пиккио, увидевших свет в 1986 г. в Риме (2 тома), в 2003 г. в Неаполе и в 2008 г. в Нью-Хэйвене (хотя, пожалуй, и он будет недостаточно полным). Поэтому даже живая, переходящая от человеку к человеку, память о Риккардо Пиккио надежно обеспечена на десятки лет вперед.

© 2012 г. *А.А. Турилов*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Nemensky O.B.</i> (Moscow). «The Right of the People» in the Orthodox thought of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the late sixteenth – early seventeenth centuries	3
<i>Stepanov D.Yu.</i> (Moscow). The concepts of «Russian», «Little-Russian» and «Muscovite» in the consciousness of the Hetmanate elite in the 1650s – 1660s	12
<i>Sofronova L.A.</i> (Moscow). «Memoires» of Jan Chryzostom Pasek: a diary, a novel, an encyclopedia	22
<i>Serapionova Ye.P.</i> (Moscow). The Czech-Russian Jednota Society	32

REPORTS

<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). The Soviet secret services in the Hungarian events of 1956: Reflections on a book	42
--	----

FROM THE SLAVIC STUDIES HISTORY

<i>Belov M.V.</i> (Nizhny Novgorod). «Departmentally-sponsored» Slavic studies in the first half of the nineteenth century	53
<i>Maryina V.V.</i> (Moscow). Fragments of memory: meetings with Slovak and Czech historians	69

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Borisova S.A.</i> T. Hodana. Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów – obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI – połowy XVII stulecia)	85
<i>Khavanova O.V.</i> G. Pálffy. The Kingdom of Hungary and the Habsburg Monarchy in the Sixteenth Century	90
<i>Yambaev M.L.</i> M. Талалай. Русская церковная жизнь и храмоительство в Италии	93
<i>Dulebova I.</i> Florilegium in honorem Alexandri Isačenko. Ad iubilaeum centenarium oblatum	95
<i>Akimova O.A.</i> Croatologija	97
<i>Bol'shakova O.V.</i> East and West: History and contemporary state of Eastern studies	100
<i>Orekhov A.M.</i> Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.)	103
<i>Kolupaev V.E.</i> M.C. Николова. Русская книга в Болгарии (1878–1912)	106

SCHOLARLY LIFE

<i>Gerchikova I.A.</i> Imagological studies abroad	107
<i>Glushkovsky P., Myagkov G.P., Tsiunchuk P.A.</i> Polonia in Kazan and the Volga-Urals Region: problems of research	112

JUBILEES

To the jubilee of Valentina Vladimirovna Marjina	116
<i>Chirkov S.V.</i> To the jubilee of Sigurd Ottovich Schmidt	118

OBITUARIES

<i>Turilov A.A.</i> In memoriam of Olga Aleksandrovna Knyazevskaya (1920–2011)	121
<i>Turilov A.A.</i> In memoriam Riccardo Picchio (1923–2011)	123

Сдано в набор 24.05.2012 Подписано в печать 19.06.2012 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 2,5 тыс. Уч.-изд.л. 11,9 Бум.л. 4,0
Тираж 290 экз. Зак. 281

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2013
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 Российские и зарубежные газеты и журналы
2 Книги и учебники

1 ПРЕС
РОС
ИЗ
ГАЗ
И Ж
ТОМ

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АПР”